

АЛЬЦІОНА

АЛЬМАНАХЪ

НА 1831 ГОДЪ.

ИЗДАНЪ

Барономъ Розеномъ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Печатано въ типографіи Плюшара.

1831.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ пѣмъ, чшобы по ошпечашаніи предспавлены
были въ Цѣнсурный Комитетъ три экземпляра.
Санктшпербургъ. Октябръ 17, 1830.

Ценсоръ Н. Щегловъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е

П Р О З А.

Стрлы.

Глинки (Ө. Н.)

Сонъ 113.

Спраинос явленіе и про. 119.

Греча (Н. И.)

Писательница 157.

Карлгофа.

Обыкновенный случай 141.

П—на.

Рыцари Храма 121.

Барона Розена.

Констанцинь Лсвенъ 1.

Неизвѣстнаго.

Разсказъ Подпоручика В. 183.

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я.

Баратынскаго.

Опрывокъ изъ поэмы:

Наложница 85.

Вердеревскаго.

Довольство	45.
Къ кораблю	48.

Глинки (Ө. Н.)

Къ милому дитяти	3.
Благодарный мигъ	7.
Ранняя весна на родинѣ	39.
Черта сельской жизни	55.
Купальня	68.

Деларю.

Городъ	36.
Эдемская ночь	56.

Карлгофа.

Кто правъ?	83.
Сонъ	89.

Подолинскаго.

Разливъ Днѣпра	67.
Сердце (Медолія)	74.

Барона Розена.

Мирологъ	4.
Поспоялый дворъ	8.
Камерица Мондопперъ	12.
Пѣснь славца	37.

	<i>Стр.</i>
Два Ангела	43.
Идалійская роща	59.
Изступленіе	64.
Сонъ	72.
Существованіе и жизнь	82.
Эпиграммы	87.
<i>Романовича.</i>	
Месьть пирана	11.
Бедунъ	42.
Воспоминаніе	79.
<i>Ротчева.</i>	
Два сестры	51.
<i>Сіанова.</i>	
Красота	80.
<i>Трилуннаго.</i>	
Сарацынъ	6.
Море	46.
Воспоминаніе	50.
Церковный звонъ	62.
Намекъ	81.
<i>Туманскаго.</i>	
Шансы юной дѣвѣ	69.
Черепшота	76.

Ш-б-ва.

Изъ А. Шенье 78.

Языкова.

Къ А. А. В—кой 34.

Къ Н. П. Д—у 41.

О П Е Ч А Т К И.*Проза.*

<i>Стра.</i>	<i>Строкъ.</i>	<i>Напеч.</i>	<i>Читатъ.</i>
13.	2.	вальсомъ	вальсомъ
99	15.	досгали	досягали

Стихотворенія.

<i>Стран.</i>	<i>Стихъ</i>	<i>Напеч.</i>	<i>Читатъ.</i>
31	16	жаль тебѣ	жаль тебѣя
47	16	шакохъ	шаковъ

П Р О З А

КОНСТАНТИНЪ ЛЕВЕНЪ.

(Изъ монхъ записокъ.)

Я поспѣшилъ знакомые берега Волги я былъ опять въ ихъ мѣстахъ, гдѣ прожилъ лучшее время юности! Я заѣзжалъ въ селенія, гдѣ нѣкогда квартировалъ съ эскадрономъ: узнавали спараго постольца, но мнѣ казались чуждыми эти селенія, по улицамъ конхъ не мелькали красные гусарскіе шурки. Въ Пензѣ, въ пиракширѣ К-ша, я даже спросилъ хозяина: уже ли это та зала, гдѣ нѣкогда кипѣла бурная жизнь цѣлой гусарской дивизіи? Въ этой залѣ ничего не оспалось, кромѣ тяжелой, болѣзненной пущопы Мои друзья! что спало съ вами! . . . уже ли я васъ всѣхъ пережилъ? Возможно ли, что уже нѣкого нѣтъ

на свѣтъ, кто бы, пожимая руку мою, сказалъ : мы понимали другъ друга и дѣлились дѣтствомъ и младостію ! . . . Возвращаюсь въ мой древній Ревель, и тамъ, на распутіи жизни, буду ждать, не прилепится ли ктонибудь изъ-за Балкана ! . . .

Ожиданіе не обмануло меня : на родинѣ я печально встрѣтился съ человѣкомъ, съ коимъ былъ друженъ въ первой юности и котораго потерялъ совершенно изъ виду, лѣтъ двѣнадцать тому назадъ. Признаюсь, во все это время я мало воспоминалъ о немъ, почитая его либо давно погибшимъ, либо пропадающимъ въ придесятомъ Царствѣ. Но когда я опъ поварница своего узналъ, что эпомъ задумчивый красавецъ, на отдаленной скамьѣ одиноко сидящій, средь многлюднаго гулянья въ Екаперинентальскомъ саду, будно и глядѣть не хочетъ на милыхъ Ревельскихъ дамъ, естъ старый другъ мой, Констаншинъ Левенъ, — я останоился, пораженный такимъ живымъ чувствомъ

восторга, которое вполне искупило непохвальное забвение. Мы подружались снова; онъ съ прежней откровенностію разсказалъ мнѣ свои похождения, кои ми теперь испещряю одноцвѣтную скуку моихъ записокъ.

Съ самаго дѣтства Левенъ показывалъ необыкновенную понятливость, доброе сердце и живость ума. Онъ ни чему не хотѣлъ учиться — и всему выучился шустря. Ученики полюбили его за счастливыя способности, а надъ соучениками онъ просто господствовалъ. Его проказы всегда знаменовались чѣмъ-то необыкновеннымъ: онъ остро и пристрастно оправдывалъ свои поступки, и выговоръ ему отъ насмѣшника всегда кончался родительскимъ совѣтомъ, похвалою его уму и чистосердечнымъ смѣхомъ надъ гениальною шалостію его. Между тысячею проказъ упомяну объ одномъ поступкѣ, который можетъ дать понятие о его нравственномъ вольнодумствѣ и классической любви къ прелестнымъ

формамъ. Онъ былъ 18-ти лѣтъ и го-
 вился въ студены. »Ты давно не проказ-
 »ничаль», говорили ему товарищи. »Пого-
 »дите, друзья! отвѣчалъ онъ; « такъ не
 оспавлю васъ: будетъ дѣло — вѣнецъ всѣмъ
 дѣламъ моимъ!» Однажды, на гуляньи, мы
 увидѣли молодую дѣвушку, рѣдкой красо-
 ты и чудесно стройнаго роста. »Подите
 »вы своей дорогою,« сказалъ Левенъ; я бу-
 »ду слѣдовать за нею и узнаю, кто она и
 »гдѣ живетъ.« Возвратившись, онъ расска-
 зывалъ, что она заперлась въ полкъ и
 что всѣ разспросы объ ней были напрас-
 ны. Прошло нѣсколько времени. Онъ упя-
 нивалъ отъ насъ, что его поиски успѣш-
 ны, что она дочь хлѣбника, славная кра-
 сопою между Ревельскихъ мамзелей и, какъ
 онъ всѣ, весьма порядочно воспитана, иг-
 раетъ на гитарѣ, поетъ и проч. Онъ
 успѣлъ впереться въ дружбу ея, въ раз-
 говорѣ съ ней касался тысячи предметовъ,
 и наконецъ, для достиженія своей спрашнй

цѣли, (которая покуда будетъ еще тайною) старался передавать ей свой образъ мыслей, т. е. *греческое* понятіе о свободѣ въ обхожденіи половъ между собою. «Быть » Гетерою высшаго рода », говорилъ онъ ей, « не значитъ обижать природную грацію и врожденное чувство изящнаго ! Вотъ тебѣ Виландовъ Аристиппъ : въ этой книгѣ изображенъ идеаль Гетеры въ лицѣ Лансы : признайся, что она милѣе всѣхъ нашихъ пугливыхъ красоточекъ ! » Она до того была понятлива, что онъ легко могъ бы воспоржесствоватъ надъ ея невинностию : — но этого не было въ его планѣ : онъ требовалъ отъ нея, въ *однолицъ* только поступкѣ быть *Фриною* — но она не хотѣла, менѣе боясь тайнаго грѣха, чѣмъ страшнаго, но по существу своему, невиннаго дѣла, которое противно нынѣшнимъ понятіямъ о стыдливости. Чтобы преодолѣть эту стыдливость, ему не оспалось другаго средства, какъ принять отъ нея

безцѣнную, легкомысленно приносимую жертву тогда она согласилась, съ какими-то условіями.

Въ одно жаркое лѣтнее утро Констанцигъ предложилъ намъ прогулку къ развалинамъ монастыря Св. Бригитты. Тамъ онъ объявилъ, что доставитъ намъ чудное зрѣлище, если мы всѣ дадимъ честное слово : любоваться имъ только молча и съ должнымъ благоговѣніемъ. Онъ повелъ насъ къ берегу моря. Вскорѣ мы увидѣли идущую къ намъ дѣвушку, въ которой по-настоящему узнали нашу красавицу, о коей въ то время наговорились не могли. Взоры были потуплены ; яркій румянецъ игралъ на щекахъ ея ; она тихими, перѣшпелельными шагами приближалась къ намъ. » Ободришь, » милая Грехенъ ! « нѣжнымъ голосомъ сказалъ Левенъ : » никто не знаетъ и не обидитъ тебя ! « Мы обстали ее полукружіемъ. Распусшивъ длинную, богатую, темнорусую косу, она начала раздѣваться : по-

степенное разоблаченіе дѣвственныхъ прелестей очаровывало насъ: вся душа наша была въ глазахъ. Упалъ послѣдній покровъ ... въ ослѣпительномъ блескѣ пагала богиня любви, подъ невѣрнымъ покровомъ вокругъ нея вѣющихъ влосовъ, тихо шла въ море — и Константинъ воскликнулъ: «Вотъ Фрина въ Элевзисъ!». Набросимъ покрывало Грацій на эту сцену.

»Созерцаніе чистой красоты да не породитъ никогда сладострастныхъ мыслей!« говорилъ онъ на возвращенномъ пути: »это повредило бы наслажденію изящнымъ! Вообразимъ, что мы видѣли твореніе Праксигелево, открывающее духу нашему входъ въ свѣтлый міръ совершенныхъ формъ: вообразимъ, что мы видѣли ту Фрину, которая, передъ сѣдыми судьями, разоблаченіемъ своихъ сокровенныхъ прелестей уничтожила мстительное обвиненіе въ аптеизмѣ. Слушайте далѣе: я могъ бы сказать словами Гёте: »вотъ сладостное шѣло,

которое я вкушалъ!« по это наслажденіе опустошило душу мою, а видъ красоты, безъ покрова, наполнивъ мой умъ мыслями, внушаетъ мнѣ благоговѣйную любовь къ наилучшему творенію Бога! — Твоя рѣчь что-то пахнетъ натуральной діалектикой, замѣтилъ ему кто-то изъ насъ: берегись дьявола въ душѣ твоей!

Для противоположности, и чтобы съ героемъ нашимъ примирить любезныхъ читателейъ, расскажу о немъ другой анекдотъ, опъзывающійся нѣжнымъ почтеніемъ къ женской непорочности. Лукавый соблазнитель легковѣрной Гретхенъ явился мечтательнымъ юношею среднихъ вѣковъ, исполненнымъ фантазіи и прекраснаго чувства. Не чудесное и переслащенное въ Романтизмѣ, какъ по: судъ Божій, борьба съ великанами, странствованія по свѣту, въ угодность своей красавицѣ; рыцарь-прудуръ, цѣлой вѣкъ поощряя свои плаксивыя пѣсни подъ окнами непреклонной лю-

бовинцы — ничто подобное не могло плѣ-
 нять его живаго, цвѣтущаго воображенія,
 гдѣ господствовалъ презвѣй умъ, хотя
 любитель необыкновеннаго, но болѣе всего
 почитающій красоту и истину чувства.
 Изъ романтическихъ временъ уцѣлѣло одно
 сельское празднество, учрежденное, какъ
 говорятъ, Св. Медардомъ, и удостоившее-
 ся Европейской извѣстности. Этотъ ми-
 лый, прогательный праздникъ, для про-
 славленія и коронованія той дѣвы, кото-
 рая передъ другими отличаетя женскими
 добродѣтелями, — еще въ особенности тѣмъ
 обворожилъ душу Константина, что день
 празднованія совпадался со днемъ рожде-
 нія одной изъ его родственницъ, дѣвочки,
 славившейся миловидностію и ангельскимъ
 правомъ. Онъ съ ней обходился, какъ съ
 сестрою, испытующимъ взоромъ прони-
 каль въ глубину ея нѣжной души — и удо-
 стовѣрился, что прелестная Лина вполне
 достойна необыкновенной, отъ него ей на-

значаеюй чести. Она и ея семья общались провести вечеръ этого дня у роднищелей Константина, кои похвалили сына за шайное, романтическое намѣреніе. — Пришло 27-е Маія; день былъ прекраснѣйшій. Сѣзжалась гости обоего пола, коихъ число достапочно было для составленія сельскаго бала; но никто не замѣчалъ приготовленій къ оному. Анна появилась въ бѣломъ платьѣ; розовая лента искуснымъ узоромъ обрисовывала милую выпуклость ея дѣвственныхъ персей; ея круглое, блѣдное лице сіяло какою-то идеальной прозрачностью и плѣнительнымъ выраженіемъ скромности. Она послѣ призналась намъ, что ожидала чего-то себѣ отъ необыкновеннаго во всемъ Константина, но что тѣмъ не менѣе была поражена удивленіемъ, не зная существованія подобнаго праздника. Въ саду возвышалась бесѣдка, довольно просторная, для помѣщенія всехъ гостей; на алтарь, бѣлой плетеною покрывомъ, ле-

жалъ пышный вѣнокъ изъ розъ ; полъ и разспавленные скамьи были успааны цвѣтами. Удивленные госпн сѣли въ поржественномъ молчаніи, и Констанцигъ, съ жреческой важностію спавъ передъ алтаремъ, звучнымъ голосомъ началъ говорить рѣчь : »Во Франціи, въ деревнѣ Саланси, близъ Нойона, въ нынѣшній день поржествуютъ знаменитый *праздникъ розъ* : изъ сельскихъ дѣвъ избираютъ оплнчнѣйшую благоправіемъ, толпою ведутъ ее въ часовню Св. Медарда ; тамъ, при великолѣпныхъ обрядахъ, коронуютъ розовымъ вѣнкомъ и она, подъ названіемъ »Rosière,« п. е. Дѣва или Царицы розъ, председательствуетъ на богатомъ шру, и наконецъ, съ помѣщикомъ той деревни, опкрываетъ сельскій балъ.« Онъ много говорилъ о нравственной цѣли сего праздника ; говорилъ, что Дѣва розъ, всенародно вѣчанная, изъ толпы людей выдается, какъ Царская особа и, въ подражаніе оной, во всю жизнь, должна бышь

примѣромъ добродѣтели для другихъ. » Жаль, что этого праздника не торжествуютъ вездѣ, гдѣ почитается благоправіе ! « продолжалъ велерѣчивый орапоръ ; намъ да будетъ позволено нынѣ увѣнчать красоту и добродѣтель. Между сполькихъ достойныхъ дѣвъ , выборъ былъ бы затруднителенъ ; но само Провидѣніе вызвало въ избиратели : оно назначило въ Царицы розъ тебѣ , прекрасная Лина : ты родилась въ этотъ день ! Возстань , приблизься къ алтарю , прими заслуженный вѣнецъ и сіяй между нами — коронованнымъ ангеломъ женскихъ добродѣтелей ! « Она , по знаку своихъ родителей , тихо встала и , горящая сурпуромъ стыдливости , подошла , и Константинъ , торжественно воздѣвъ на нее вѣнокъ , привѣтствовалъ ее именемъ Царицы розъ . Вдругъ раздались музыка изъ залы , и громкое восклицаніе присутствующихъ : » Да здравствуетъ Царица розъ ! « Константинъ повелъ ее изъ бесѣдки , пе-

редь спройнымъ шествѣемъ госпей, и веселымъ альсомъ открылъ балъ. Его осыпали благодарностию за прекрасную выдумку. Лина весь вечеръ пропанцовала въ вѣнокъ. Она была такъ прелестна, что и теперь, послѣ столькихъ лѣтъ и душевныхъ потрясеній, сердце еще забьется, какъ вспомнишь этотъ день. Я увѣренъ, что счастливейшая невѣста, въ день своей свадьбы, не была столь весела и столь счастлива, какъ въ этотъ вечеръ наша милая Дѣва розъ. » Не забывай, что ты смертная ! » говорилъ ей съ гнѣзной улыбкой отецъ. » Этотъ спройный урокъ въ ушахъ раба, находящагося при триумфаторѣ, нуженъ былъ для гордыхъ Римлянъ ! » опивчалъ Констаншинъ ; » но здѣсь онъ совершенно бесполезенъ, ибо ангелъ красоты и невинности есть вмѣстѣ и ангелъ смиренія ! «

Я сначала подумалъ, что любовь — или гнѣчно похожее на спрасть къ юной Линѣ — совершила этотъ романтическій

переворотъ въ нашемъ классическомъ шалунѣ; но онъ мнѣ клялся, что любитъ въ ней только дѣтскую невинность, и я повѣрилъ ему, когда мы, проводивъ домой нашу Царицу розъ, возвратились въ его комнату: онъ поспѣлъ уснуть крепкимъ сномъ и вѣрно даже во снѣ не думалъ уже объ этомъ славномъ подвигѣ, который навелъ на меня пламенную бессонницу, какъ нѣкогда пророки Мильпіада превозвели Θεμισтокла.

Эти два анекдота, столь различные между собою, нѣкоторымъ образомъ опредѣляютъ характеръ моего друга, любящій выходить изъ круга обыкновенной жизни. Въ то время мы разсѣялись. Любопытно будетъ знать, думалъ я, что сдѣлаетъ жизнь изъ этого чловѣка!

Не долго пробылъ онъ въ Д—скомъ Университетѣ. Его свободный духъ не ужился съ педагогическимъ полу-ученымъ юношей: ихъ дѣтскія ссоры, нѣшушны драки,

непристойныя шалости опвращали отъ нихъ сего нѣжно-чувствующаго любимаго изящнаго. Однажды его благородный гнѣвъ разразился грозою надъ ними : въ слѣдствіе того онъ изрубилъ одного, прострѣлялъ другаго на дуэль, напугалъ прочихъ — и на легкой псалъжкѣ, подъ веселый звонъ почтоваго колокольчика, поскакалъ въ южную Россію, для опредѣленія въ военную службу. Изъ Торжка онъ писалъ къ отцу письмо, изъ котораго извлекаемъ слѣдующее : » Не жалѣйте, что я бросилъ Университетъ : Божій міръ будетъ моею Академіею ! Почтовая псалъга кажется мнѣ воздушной колесницей благодѣтельной Феи, излекшей меня изъ мучительнаго положенія, гдѣ я находился въ опасности спастись на ряду съ людьми, конхъ уважать не хочу. Теперь высоко несусь надъ низкими заботами міра ; я свободенъ, какъ поднебесный орелъ ; сердце мое бьется полною жизнью. Лечу на встрѣчу невѣдомой будущности . . . по

вижу райскіе сны, по задыхаюсь въ пыли!
но опть пыли естѣ вода, опть несчастья —
пвердоссть души; для счастья — способ-
ность наслаждапсь имъ! Надѣюсь, ничто
въ свѣтѣ не возымѣстѣ унизительной вла-
сти надъ непреклоннымъ духомъ моимъ:
кто всегда вѣренъ себѣ самому, естѣ царь
судьбы своей! « Изъ всего, доселѣ видѣннаго
мною на дорогѣ, мнѣ въ особенности по-
любились Русскіе ямщики: что за чуде-
сный народъ, лихой, веселый, добродушный,
даже въ плутовствѣ, — красавцы, цвѣтущіе
здоровьемъ и силою, цвѣтъ Русскаго наро-
да, какъ говорилъ мнѣ одинъ путешествен-
никъ, хорошо знающій Россію — по его
собственнымъ словамъ! Сколько поэзи и
живоспи въ ихъ молодецкомъ быту: сядетъ на облучекъ, небрежно качаясь, сви-
снетъ, привычнымъ крикомъ ободряя ко-
ней, ударитъ кнутомъ: телѣга помчптся
стрѣлою; опть пропѣжнымъ голосомъ за-
поетъ заунывную пѣсню, и за малую прибавку

будешь пѣть всю дорогу. Я съ удовольствіемъ прислушиваюсь къ этимъ пѣснямъ: онѣ что-то пирогаютъ сердце. Замѣчательно благоговѣніе Русскихъ къ церквамъ: ямщикъ не проѣдетъ ни одной, чѣмъ не снятъ шляпы и не перекрестится по нѣскольку разъ. Пріѣхавъ на станцію, я далъ ямщику обѣщанное на водку. » Прибавьте, баринъ: хорошо ѣхали. « Экой безстыдникъ! подхванный сморителъ, полюбившій меня вѣроятно за то, что я велѣлъ подать чаю; кажется, ужъ и того много! Вѣрите Богу, Русскій ямщикъ никогда не доволенъ! Вотъ что недавно случилось здѣсь: ѣхало изъ Пипера двое Спасскихъ Совѣтниковъ, богатые люди. Одинъ бился объ закладъ съ другимъ, что Русскій ямщикъ, хоть сто рублей давай ему наводку, все еще запроситъ; закладъ былъ о пяти тысячахъ рублей. Явился ямщикъ. Ты славно ѣхалъ, сказалъ поэтъ, который предложилъ закладъ; за то ужъ дамъ тебѣ

много на водку — спорублеваю бумажку! Удивленный ямщикъ взялъ деньги, поглядѣлъ немного, поклонился низко и сказалъ: Пожалуйте еще гривенничекъ, выпить за здоровье вашей милости!« — Какъ ты думаешь, правда ли это?« спросилъ я своего ямщика, споявшаго у дверей. Очень быть можетъ!« отвѣчалъ онъ; ему жаль было размѣвлять такую большую ассигнацію, а надо жь выпить!« —

Константины прѣхалъ въ полкъ. Мелкія заботы и кой-какія неизбѣжныя неприятности скоро изглаживались, въ его душѣ, подѣ вліяніемъ масковаго дружелюбія и чистосердечной простоты, которыми дышалъ домашній бытъ офицеровъ. Его свободный духъ, долженствовавшій примѣяться къ строго-опредѣленнымъ формамъ, нѣкопнымъ образомъ спасалъ свою независимость высшимъ взглядомъ на состояніе, имъ самимъ избранное. Ему свойственно было и онъ издавна привыкъ, отыскивать Поэзію во

всѣхъ житейскихъ отношеніяхъ, и такъ онъ легко понялъ лучшую сторону сего предмета. Завладѣвъ и распоряжая имъ съ творческимъ самовласпіемъ, онъ представлялъ его въ восхищительномъ и самомъ блестящемъ видѣ : взирая на величественный организмъ военной службы, на стройныя, живописныя движенія сего исполнскаго тѣла, по зеленому лугу свивающаго и развивающаго свои свѣпые составы, онъ прислушивался къ дикой и мужественной гармоніи, сливавшейся изъ командныхъ словъ, изъ бряцанія оружія, изъ ржанія и топота коней, изъ гремлящихъ звуковъ трубъ и ружейныхъ выпрѣловъ, и воспламенялся идеею о назначеніи война и о величій опечества, швердаго, высокаго, какъ заоблачная гора, на которую недавній закатъ Наполеонова солнца возложилъ горяцій вѣнецъ неплѣнной славы.

Смотря на службу съ такой почки зрѣнія, онъ прожилъ счастливо нѣсколько вре-

мени. Ему въ первый годъ досталось въ Корнепы; офицеры общимъ пиромъ праздновали вступленіе въ свой Корпусъ такого человѣка, который завоевалъ ихъ сердца неустрашимостію, благородствомъ поступковъ, неистощимымъ остроуміемъ и невинной веселостію ума. (Эпопъ описываетъ и еще много о немъ анекдотовъ передалъ мнѣ общій пріятель нашъ М—ръ, знавшій одного изъ его сослуживцевъ). Завидовали его чрезмѣрному счастью въ дамахъ: охотникъ до танцевъ, свѣжій красавецъ, ловкій въ обхожденіи, онъ своевольно игралъ сердцами женщинъ и, можетъ быть не замѣчая ихъ тайнаго спрдаанія, увлекался собспивеннымъ удовольствіемъ въ такнхъ нѣжныхъ отношеніяхъ. О сердцѣ женщинъ судя по своему, еще не испытавшему истинной любви и дополь въдавшему одну потребностъ: со всякой прекрасной душою подѣлился избыткомъ своей легкой и теплой жизни, онъ сердечно радовался близости много,

дѣвственно-чистаго существа, согрѣваемаго свѣплымъ пламенемъ юности, чувства и вдохновенія. Искусствомъ правился и невыразимымъ очарованіемъ личности онъ походилъ на Алкивіада, но съ нимъ различествовалъ въ томъ, что не упоиреблялъ своего счастья во зло. Полный по края, сладкошумный ручей его души извивался по цвѣтущимъ лугамъ богатой жизни; въ этомъ зеркаль всякая Нимфа могла видѣть отраженіе своего млага бытія, стройный, цвѣтущій образъ — но только пѣнь, одѣтую волшебствомъ прелестей, и копіорая исчезнетъ съ уходомъ Нимфы. Эту картину онъ упоиребилъ въ отвѣтъ одной дамѣ среднихъ лѣтъ, на вопросъ: ужели ни одна изъ юныхъ красавицъ не произвела въ немъ сильнаго впечатлѣнія? »Погодите!« молвила она съ пророческою важностію; »придетъ время — и вы влюбитесь! Вы, лукавый возмутитель покоя едва разцвѣтшихъ дѣвъ, вы, кои могли бы

быть Эндимиономъ для всякой Діаны, и безъ жалости крупите ея сердце, во сто разъ драгоцѣннѣе, нежели былъ храмъ ея въ Эфесѣ, чтобы добиться славы, худшей чѣмъ Геростратова — и вы когда-нибудь извѣдаете бурю любви... и дай Богъ, — прибавила она съ милой улыбкой, — безконечную любовь безъ раздѣленія! — Я никогда не хотѣлъ рушить прелесный миръ невиннаго сердца и, кажется, не сдѣлалъ этого; но, чтобы оспариться при моей прежней картинѣ, скажу вамъ: душа женщины есть ручеекъ небесно-голубой, текущій въ высокихъ берегахъ приличія и принужденности; она спокойна, ибо издавна привыкла къ своимъ оковамъ; она ограждена отъ бурь! весеннимъ зефиромъ любовь пробѣжитъ по сему ручейку: поверхность его заструится слегка и не на долго — и вы воображаете, что это шумное море! —

»Что вы пророчесствуете моему другу?« спросилъ съ живостію Поручикъ Кондорі-

опти, большими пламенными глазами смотря на оную даму: »ему ли быть жалкимъ рабомъ какой-либо женщины? ему назначено иное!« Онъ опотелъ, сълъ и, крутя усы, опять погрузился въ мечтательность. Для него будно не существовало блестящее собраніе, оглашаемое музыкою долговѣчнаго копильона. »Вашъ другъ не переспаетъ быть спрашнымъ, сказала дама; »коропко ли вы знаете сего таинственнаго Грека?« — »Нѣтъ, онъ еще не открывалъ мнѣ своей глубокой души, завѣшенной мрачнымъ покровомъ: она, кажется, занята чѣмъ-то необыкновеннымъ и великимъ. Онъ сперва не правился мнѣ и я потому не искалъ его пріязни, хотя не могъ отказать ему въ полномъ уваженіи. Недавно мы какъ-то сблизились; онъ явно отличалъ меня передъ другими, но я еще съ трудомъ одолевая непріятное чувство, иногда раждающееся во мнѣ отъ присущивія его: мнѣ здастся, что онъ недобрый ангель

мой! Я смѣлся бы вашему печальному предсказанію, но оно сдѣлалось важнымъ отъ его заступленія за меня: боюсь, не совершился ли оно — и не онъ ли будетъ тому причиною. —

» Не худо имѣть въру въ предчувствіе, какъ мы женщины; и такъ совѣтую вамъ: берегитесь его, не предавайтесь ему — онъ очень похожъ на посланника несчастной судьбы! — Моя судьба въ моей собственной душѣ и свободной волѣ! » возразилъ Левенъ съ гордой самоувѣренностію; »сей часъ, по окончаніи бала, мы вмѣстѣ поѣдемъ въ мой эскадронъ; онъ пробудетъ у меня недѣлю, и тамъ, въ лѣсной глуши, подъ воетъ мятели, испомнивъ меня Пифагорійской смертію, на вѣрно удостоятъ посвященія въ свои непроницаемыя таинства.«

Познакомимся съ этимъ Кондоріотти. Онъ былъ спорный, величавый юноша; черные усы и бакенбарды отпугивали его

блѣдное, нѣсколько худощавое, но правильное, греческое лице. Онъ никогда не былъ права веселаго; но съ нѣкоторыхъ поръ его обыкновенная задумчивость рѣшилась: онъ сталъ недоступенъ для всѣхъ пюваррицъ, кои напрасно попытались узнать причину этой перемены. Имъ трудно было дознаться, почитаетъ ли онъ ихъ слишкомъ легкомысленными для сообщенія своихъ шаговъ, или онъ такого рода, что никому не сообщается. Со строгой точностію онъ правяя свою должность, онъ въ свободные часы избѣгалъ людей и не сердился на прозваніе чудака и человѣконенавистника. — Производство Левена возложило на него обязанность, на даваемый по сему случаю пиръ звать и страннаго Кондоріоппи. Любезная веселость умнаго хозяина привлекала вниманіе молчаливаго Грека: онъ устремлялъ на него одушевленные взоры и, по совершенному равнодушію къ интересу

разказа, замѣтно было, что онъ только старался уловить характеръ рассказчика. Мы уже знаемъ, онъ не произвелъ пріятнаго впечатлѣнія на душу юнаго Левена, что онъ вѣроятно и самъ замѣнилъ; но это не помѣшало ему, при прощаніи, крепко пожать руку Константину и, съ несвойственнымъ ему дружелюбіемъ, просить его пріѣзди.

Нашъ чудакъ сего дня вышелъ изъ своей роли,« сказалъ, усмѣхаясь, дородный Маіоръ: «онъ полюбилъ тебя, молодой Корнетъ; вы вѣрно будете друзьями. Мы посмотримъ, кто изъ васъ крепче: ты ли перепянешь его въ наше веселое общество, онъ ли тебя вовлечетъ въ свой таинственный міръ, отъ чего Боже сохрани! Я не поддамся ему, былъ шупливый отвѣтъ. »Молодой человекъ!« продолжалъ Маіоръ; »ты хотя небольшого вниманія удостоилъ Грека, но все же замѣнилъ, что онъ чудакъ высшаго рода; въ его черныхъ

глазахъ свѣпнися пламенная, великая душа ! Разнпсельное несходство вашихъ характеровъ исчезаетъ передъ взглядомъ наблюдателя : между вами есть общее — любовь къ необыкновенному ! по этой круговой чертѣ вы разошлись и она же сведетъ васъ.»

« Не моя ли правда !» сказалъ шопъ самый Маіоръ товарищамъ, въ прекрасный день Апрѣля сползимъ у воропъ опуснѣлой офицерской квартиры и смопрячимъ вслѣдъ ускокнвающей брнчкѣ, въ кошорой Левенъ и Кондоріопши, оба уволенные опъ службы, мчались на берегъ Чернаго моря, къ роднтелямъ Грека. »Жаль намъ Левена!« воскликнуло нѣсколько голосовъ. Жаль и Кондоріопши!« подхватилъ одинъ : »онъ въ послѣднее время спалъ обходнпельнѣ!»

Разскажемъ обспояпельснва, предшеспвовавшія сему неожиданному отпѣзду. Мало по малу удалось Греку подружнпсь съ Константнномъ, кошорый, по его мнѣнію, характеромъ нѣсколько походилъ

на жительство прежней Аттики : любезность , обходительность , самодовольство , отважность , остроумие и тонкое чувство изящности сего любовника Граций (просимъ не забыватьъ и шалости съ Гретхенъ) въ самомъ дѣлѣ напоминали гражданина древнихъ Афинъ . Его благородное , иногда высказываемое пристрастіе къ сей классической землѣ , а всего болѣе его рѣшительное стремленіе къ необычайному , удостоверили Кондорціонти , что въ этомъ юношѣ онъ приобрѣтеть себѣ достойнаго поварница и вѣрнаго друга . Онъ наконецъ открылся ему . Разсказавъ о Гетерин , о намѣреніяхъ Князя Александра Ипсиланти , онъ перешелъ къ описанію нынѣшняго состоянія своей родины , и краснорѣчиво представлялъ ея райскую прелесть и адское уничиженіе . Изъ этого бурнаго потока огненной рѣчи , болѣе всего вѣзались въ памяти Константина слѣдующія слова : » Могу ли сказать , что чув-

спивую, сравнивая Грецію съ Россією! Русскіе свободно исповѣдаютъ нашу православную Вѣру, благодареніемъ подѣ защищеныю мудрыхъ законовъ, и помятія не имѣютъ объ энихъ алчныхъ Пашахъ, кои убиваютъ невинныхъ за ихъ богатство! Еслибъ они съ нами обходились, какъ Русскій съ своей дворовой собакой — Греки не только не жаловались бы, но благословляли бы еще имя шого, кому они подвластны! Сердце Русскаго слыше и веселье бьется при священномъ Имени Царя, который, подобно благодатному божеству, объѣзжаетъ свои области, вездѣ ожидаемый съ нетерпѣніемъ, встрѣчаемый радостными восклицаніями, сопровождаемый благословеніемъ народной любви — и эпошь кропкій, человеколюбивый Царь, коему рукоплещетъ вселенная, отвергнувъ прозваніе Великаго, дабы ничего не было общаго между нимъ и Его Македонскимъ соименникомъ, и довольствуется именемъ

Благословеннаго, не столь громкимъ на землѣ, но бесконечно громкимъ въ ликѣ ангеловъ. Какъ древле подъ сѣпою баснословнаго Пегаса родился вѣковѣчный ключъ поэзіи, — такъ подъ каждою сѣпою Русскаго Царя открываея источникъ благоспешіи. Воишь, Левейъ! смотри съ этой высоты народнаго блага на нашу бѣдную Грецію, и ты постигнешь вполне ея горькое, жалкое уничтоженіе. — Турецкіе Пашы, днемъ насыщаясь Греческою кровью, проводятъ роскошныя ночи въ объятіяхъ юныхъ Одалисокъ — а бѣдный Грекъ всякій вечеръ болезненно считаеиъ члены своего семейства, и усердно благодаритъ Бога, что досчитался всѣхъ! Не по у васъ въ Россіи: вы, исполнивъ свои не прудныя обязанности, въ кругу своего дѣйствія, безопасно отдыхаете на одрѣ, а Царь вашъ, могучими раменами, какъ Аппалпъ, подпирающій огромныя своды святой Руси, можетъ бытъ и часы ночи проводить въ

царственныхъ размышленіяхъ и заботахъ о благѣ народа своего. Его народъ — не одни Христіане! и Мусульманы его дѣпи — и Царственное солнце шлетъ равно на всѣхъ свои благопворительные лучи! О Левенъ! если моя Греція имѣла прекрасную участь твоей Эспоніи, еслибъ была подъ охранительной сѣнію Русской Державы, тогда моя Греція, какъ твоя Эспонія, не знала бы вражьяго огня и меча! . . .

Онъ замолчалъ, ходилъ взадъ и впередъ по тѣсной хатѣ, остановился передъ Конспанпиномъ и промолвилъ торжественно: Я Гений судьбы твоей! предлагаю тебѣ долгую, но негромкую жизнь — и преждевременную, громкую смерть Героя, за святое дѣло Вѣры . . . Выбери! — Выбираю, какъ Ахиль! воскликнулъ Конспанпинъ, и глаза его пламенѣли вдохновеніемъ. Кондоріоппи обнялъ его и заикалъ слезами изсшу пленія. » Я это зналъ! « молвилъ онъ

ироническимъ голосомъ ; « ты , мужественный юноша , между сихъ изгнанныхъ душъ всегда мнѣ казался Ахилломъ , между дочерей Ликомеда . Я хорошо знаю тебя : ты вдвое живешь въ сравненіи съ другими ! по этому роду жизни скоро испочилъ бы душу твою — и такъ поведу тебя къ неисчерпаемому источнику жизни и славы ! Я хорошо знаю тебя : для совершеннаго познанія и развитія твоихъ душевныхъ силъ тебѣ нужна война — будь мечепосцемъ , будь рыцаремъ Христа , какъ твои предки , иди сражаться за свяную Вѣру Спасителя — вотъ спихія твоей жизни ! — Быть можетъ , нѣкогда дѣвы Греціи , въ своихъ хороводныхъ пѣсняхъ , будутъ прославлять наши имена , какъ онѣ нынѣ прославляютъ подвиги Захаріи и другихъ вѣпязей ; я самъ слушалъ эту пѣвншельную пѣсню , вблизи воинственнаго Тайгена , и сердце опрока забилося мужествомъ ! —

Годъ клонился къ концу ; друзья пошоропи-

лись въ полковой штабъ — и подали въ отставку. Еслибъ Князь Ипсилянпи сдѣлалъ то же, онъ былъ бы менѣе виноватъ передъ Царемъ своимъ.

И такъ отправляясь путешественники, съ любовью и дружбою ожидаемые въ домъ стараго Кондоріотпи. « Читай, что Леонидъ пишетъ о своемъ другѣ! » сказалъ онъ женѣ своей; « любезный, веледушный юноша! Безъ сожалѣнія покидая игры, смѣхи и Грацій, для справедливой чести, онъ исполнился геройскою любовью къ нашей отчизнѣ — мы должны полюбить его, какъ сына! » — Истинный, мужеспивенный другъ есть великое дѣло въ опасностяхъ войны! сказала вѣжная мать; можетъ быть ему назначено спасти жизнь нашего сына — мы должны полюбить его! » Они почти годъ у насъ пробудутъ, « продолжалъ отецъ; по нѣкоторымъ обстоятельствамъ Князь Ипсилянпи долженъ былъ отложить свое намѣреніе до начала будущаго года. »

« Леонидъ еще мало писалъ о немъ: онъ превзошелъ ожиданія наши! » говорила мать, нѣсколько дней по прїѣздѣ Левена; » что за милый человекъ! « Эти слова многократнымъ эхомъ отзвучивались въ сердцѣ шестнадцатилѣтней Елены, ея прекрасной дочери; милые глаза засверкали нѣжнымъ пламенемъ; прижимаясь къ сердцу матери, она промолвила съ чувствомъ: » Какъ Леонидъ его любить! «

Ласкаемый почтеннымъ семействомъ Кондоріопти, Левенъ могъ воображать, что онъ живетъ во второмъ родителскомъ домѣ; но каждое утро разрушало это сладкое очарованіе: Леонидъ, здороваясь съ милой сестрою, такъ сердечно обнималъ и цѣловалъ ее. » Я на это не имѣю права: стало бытъ я чужой! « думалъ Константинъ. Подъ вліяніемъ чувства къ Еленѣ и подъ руководствомъ друга онъ изучалъ языкъ нынѣшнихъ Грековъ и безсмертныя цѣснии многосрададнаго Тиртея.

Было время веселее ; роскошная природа цвѣла вокругъ прекраснаго , въ легкомъ стилѣ построеннаго дома ; съ террасы , освѣщенной древними липами , красивая лѣстница опускалась въ опрятный , пышный садъ , за которымъ въ отдаленіи синѣлось Черное море . Отецъ и мать куда-то уѣзжали въ гости : такъ ихъ только трое сидѣли на террасѣ , за чайнымъ столикомъ . Константины разливался въ веселыхъ разсказахъ ; Леонидъ , небрежно облокотившись на перила , курилъ трубку и слушалъ , а Елена восхищеннымъ для разсказчика вниманіемъ ловила каждый звукъ его . Онъ иногда прерывалъ рѣчь , невольно забывался въ созерцаніи ея красоты : въ богатыхъ , темныхъ завиткахъ рисовалось гнѣжное , свѣжее лицо , озаряемое улыбкой удовольствія ; розовыя уста красовались ровной , жемчужной нитью ея блестящихъ зубовъ ; эта прекрасная , испишно греческая шея , увитая ожерельемъ изъ драгоценныхъ ка-

меньевъ — милая дѣва точно сіла любезно-спію! Замѣтно было, что она потому поропливо выполняла обязанность хозяйки за чашками, дабы поскорѣе на Левена обращать свѣтлыя очи, въ которыхъ, казалось, лучистою звѣздою горѣлъ Геній восторга.

Кончивъ разсказъ, Константинъ протянулъ руку къ Леониду: » Ты добрый ангель мой! Благословляю судьбу за встрѣчу съ побою: ты извлекъ меня изъ легкомысленнаго міра, гдѣ я жила въ мушкетерскою жизнью, безъ цѣли, безъ истиннаго вдохновенія; ты ввелъ меня въ лучшій міръ, гдѣ я счастлива до упоенія. Съ какимъ бурнымъ восторгомъ стану сражаться за великое дѣло: мнѣ явился милый, пленительный, небесный Геній Элады! — Елена покраснѣла; ибо онъ значительно взглянулъ на нее при послѣднихъ словахъ. Леонидъ, не замѣтившій этого взгляда и прерисполненный однимъ исключительнымъ чув-

спвомъ, принялъ оныя слова въ другомъ смыслѣ : »Да, Констанцинъ ! возвеселимся въ Господь и въ великомъ Геніи Элады ! еще мы можемъ вполне наслаждаться весною, мирною жизнью, любовію и дружбою въ опическомъ домѣ ; еще можемъ быть агницами спирълою пролетипть время — мы будемъ кроважадными пиграми ! . . . Елена, принеси гитару ! Она воропшлась къ нимъ, легкая, спройная, величественная, какъ Муза пѣиця : на широкой, пурпуровой лентѣ, выющейся вокругъ шеи и живописно рисующей по бѣлому платью, гитара покоилась на ея нѣжныхъ рукахъ. »Сядь, лицомъ къ нашей родниѣ и спой намъ безсмертную горную нѣсню Риги !» Послѣ крапкой прелюдин она начала на родномъ языкѣ : «До коихъ поръ еще вы проживете на горахъ своихъ ?» Изъ нѣжныхъ устъ пѣвицы, преображенной духомъ славнаго поэта, рѣкою выливались чистые, звонкіе, волшебные звуки свободы ; сердце слушателей би-

лось мучительнымъ восторгомъ. Когда она умолкла, Леонидъ подлетѣлъ къ ней: »Милая сестра! въ тебѣ обнимаю и цѣлую нашу Элладу!« Онъ долго держалъ ее въ крѣпкихъ объятіяхъ; его душа горѣла невыразимымъ чувствомъ. На глазахъ Константина блиспали слезы вдохновенія; невольно взявъ руку Елены, онъ сказалъ: »Во время пѣнія казалось мнѣ, я видѣлъ Ангелазохранителя Греціи на вашихъ отческихъ горахъ: онъ заслушивался вашего небеснаго голоса . . . Радостно всплеснувъ руками, онъ вынулъ молніевидный мечъ и, показывая его собраннымъ племенамъ Эллады, воскликнулъ: »вопѣ оракулъ вашъ: онъ пророчествуетъ вамъ свободу при звукахъ этой пѣсни, вѣющей къ намъ изъ Россіи!« — Поцѣлуй его за это пророчество: онъ также братъ твой!« просилъ Леонидъ. Константинъ, еще держа ея руку, занесъ ее къ своему сердцу и, смотря на спыдливую дѣву, нѣжно промолвилъ: »Милый Ге-

ній Элады! « Тупъ она быстрымъ, легкимъ, почти незамѣпнымъ лобзаніемъ коснулась ушъ юноши — и скрылась. Это не былъ поцѣлуй — это было только вѣяніе мимолетнаго духа!

Довольно было сего воздушнаго лобзанія, чпобъ осчастливить обоихъ! Елена, до прїѣзда родителей, уже не выходила: сія пѣжняя дѣвственность довершила ея побѣду надъ сердцемъ Левена. Онъ, при всѣхъ, въ первый разъ назвалъ ее сестрою; она, суетясь около родителей, безо всякой робости, со всею живою любезностію Гречанки, отвѣчала: « Милый братецъ! » Отецъ и мать поглядѣли другъ на друга и улыбнулись. На вопросъ: чѣмъ они занимались въ ихъ отсутствіи? Леонидъ рассказалъ... Мать умилилась: « Ахъ, милый сынъ мой! ты всечасно думаешь только объ отчизнѣ; не долго тебѣ жить у матери пвоей! » Нѣжный сынъ обхватилъ ее рукою: « Благородная мать Грека! ты знаешь, какъ я люблю

тебя! Только на пажитяхъ священной войны мнѣ можно будетъ достойнымъ образомъ молился за васъ... Ты обѣщала быть Спартаккою!» — »Я это знаю, тихо отвѣчала она и, чувствуя себя не въ силахъ скрыть слезы, ушла. Сей неожиданный оборотъ вселаго разговора опечалилъ всѣхъ, и казался Еленѣ несчастнымъ знаменіемъ ея судьбы. Леонидъ ободрилъ всѣхъ своимъ привычнымъ восклицаніемъ: »Возвеселимся въ Господѣ и въ великомъ Геніи Элады!» Отецъ воздалъ ему сердечнымъ пожатіемъ руки.

Взаимное чувство Константина и Елены со всякимъ днемъ усиливалось: сердца замѣтно сближались въ свободномъ и дружескомъ обхожденіи. Родители ни сколько не препятствовали имъ любить другъ друга: Благоуравный юноша посвящилъ себя Греціи, разсуждали они: онъ въ правѣ любить Гречанку! Провидѣніе, можетъ быть уже опредѣливъ ранній закашъ его вѣка, въ

послѣднее время сподобило его насладиться лучшимъ въ мірѣ — любовью! А Елена? она еще такъ молода! Если онъ будетъ жертвою героизма, она поплачетъ; самое долгое о немъ воспоминаніе не можетъ быть опустошительнымъ для ея юности! Если же воропится... да будетъ воля Бога. И такъ преданные себѣ самимъ и влеченію пѣжныхъ сердець, они часно были одни, хотя не искали того: Геній любви, какъ всякій другой Геній, дѣйствуетъ по законамъ своей непомянутой для насъ природы.

Однажды, въ прекрасное, жаркое утро, они гуляли въ саду, подъ прохладнымъ сводомъ длинной аллеи, осыпанной листьями облетѣвшихъ цвѣтновъ. «Время цвѣтнн проходить!» сказала Елена съ мечтательной тоскою. — «Цвѣтны облетѣли и постылались на путь нашъ, отвѣчаютъ Левентъ; «смотришите! Желаете ли вы вѣчной весны? такъ вамъ надо жить сердцемъ — любить!

Учися любить у меня, мой милый ангелъ!» При сихъ словахъ пылкій юноша прижалъ ее къ сердцу .. Пошупя глаза, она безотвѣтно предавалась его пламеннымъ лобзаніямъ. — «Гречанка, ты любить не можешь!» — «Могу!» отвѣчала она, подѣмля блистающія очи: «могу даже плакать отъ восторга любви!» Она заливалась сладкими слезами... Одно сердце можетъ учить симъ невиннымъ, очаровательнымъ нежностямямъ! Страстная Гречанка горѣла жертвеннымъ пламенемъ въ объятіяхъ юноши! —

Они сѣли на дерюговую скамью, въ концѣ аллеи. Подслушаемъ ихъ разговоръ, иногда прерываемый долгимъ, но скромнымъ лобзаніемъ. «Милая Елена! много я видалъ красавицъ — но не зналъ безсонницы! Ты мнѣ явилась, свѣтлая красотою и прелестію — и сколько я не спалъ ночей отъ трепетанія сердца! .. Я у окна встрѣчалъ разсвѣтъ и признавался деннице, что я люблю тебя!» — «А я еще не выдавъ, уже

любила тебя : опъзывъ Леонида о своемъ другѣ воспламенялъ мое воображеніе и сроднилъ меня съ незнакомцемъ. Ты пріѣхалъ; вѣришь ли? ты до того мигъ понравился, что я желала, чтобъ ты какъ нибудь поцѣловалъ меня. Я также не спала всю ночь ; сердце почто спучало, и сомкнутые глаза ясно видѣли твой веселый, милый образъ. Горя душевнымъ восторгомъ, я встала, отворила окно, и между тѣмъ, какъ тихое дыханіе ночи освѣжало мою грудь, я молилась за брата и за себя! — Елена! было время, когда я краснорѣчиво говорилъ о чувствахъ своихъ; нынѣ я узналъ на опытъ, что нѣтъ выраженія для чувства! И пакъ не могу описывать состоянія души моей, когда на мнѣ поколпся твой восторженныя взоры! Это не взоры — изъ очей твоихъ тихо двумя потоками льется небесный свѣтъ, и я упоаю въ разливъ этого блеска! Ты пѣла горную пѣсню: моя жадная душа повисла на твоихъ нѣжныхъ

розовыхъ устахъ, у источника гармоніи упивался сладкой струею звуковъ. Я желалъ умереть за Элладу: эта пѣсня навѣвала на меня вдохновеніемъ смерти! но прежде я желалъ своими устами причаститься лобзанія любви на этихъ божественныхъ устахъ! Ты тогда поцѣловала меня — легкимъ, безстрастнымъ лобзаніемъ ангела — но твоя снѣдливость пылала страстно дѣвы. Мы обручились признаніемъ любви: теперь ты моя милая невеста! — »Да, я невеста твоя!... Невѣста!... Сколько очарованія въ этомъ единомъ словѣ! Оно есть солнце, безчисленными лучами разливающее жизнь и радость. Я въ раю — или земля преобразилась! Но затѣмъ мой другъ еще опороченъ опъ моего сердца и погуляетъ на кровавомъ пиру войны?« — »Елена! чѣмъ доказать, что онъ достоинъ своей Греческой невесты — и чѣмъ заслужить Греческую супругу! — »Ахъ, Испанецъ! вотъ Лео-

онидь идетъ! Когда онъ все узнаеть, что онъ скажеть — и какъ разскажеть эпо? — »Вошь какъ, мой ангель! Пойдемъ къ нему на вспрѣчу; поцѣлуемся при немъ нѣжнымъ обручальнымъ лобзаніемъ — и включимъ его въ наши объянія: это будетъ самымъ вѣрнымъ и прекраснѣйшимъ выраженіемъ нашего взаимнаго счастья!» —

Константинъ проживалъ райскіе дни: согласіе родителей освящало его чувство къ дочери. Онъ не могъ насытиться упонительной мыслию, что эта чудная дѣва, осіянная волшебствомъ невѣстности, для него цвѣтеть и дышитъ на свѣтѣ и только ему улыбается любовію. Ни одинъ властитель съ такимъ восторгомъ не глядѣлъ на свое счастливое, благоустроенное царство, съ какимъ онъ любовался магическимъ совершенствомъ и идеальной красою этой дѣвы, которую онъ называлъ своимъ райскимъ царствомъ. Она позволяла другу ласкаться къ ней; ея оч-

въпныя ласки дышали пламенною скромноспію. Когда она, въ блаженномъ самозабвеніи, предавалась нѣжной мечтательности любви, отецъ незамѣтно обращалъ разговоръ на Грещію, которую онъ лѣтъ восемь тому объѣзжалъ съ семействомъ своимъ дабы она не отвыкала отъ мысли, съ своей отчизной подѣлиться сердечнымъ другомъ.

Обхожденіемъ съ любезнымъ семействомъ Кондоріоппи пользовался и сосѣдъ его, Евгенийъ Вельяминскій, недавно пріѣхавшій изъ Рима, молодой любитель изящныхъ искусствъ и, въ особенности, живописи. Хотя онъ не имѣлъ ни очаровательной прелести Конспашина, ни мужественной красоты Леонида, но все же должно было назвать его благовиднымъ юношею. Нѣжная мечтательность была характеромъ его фізіогноміи; его очи, какъ двѣ скромныя лѣтнія звѣзды, всегда сіяли тихимъ вдохновеніемъ; его рѣчь, легка и свобод-

ная, казалась жаркимъ, ароматнымъ вѣяніемъ Италіи. По природѣ своей, онъ не могъ сродниться душою ни съ Левеномъ, ни съ Леонидомъ; онъ говорилъ о первомъ: «его душа болѣе въ умѣ, нежели въ сердцѣ!» а о второмъ: «это величественная гроза!» —

Счастливая Елена разговаривала съ нимъ; онъ стоялъ передъ ней, оживленный лучами ея красоты: его лице казалось свѣтлымъ зеркаломъ души, опливающейся радужнымъ блескомъ вдохновенныхъ чувствъ и мыслей. Константинъ подсѣлъ къ своей невѣстѣ и, послѣ нѣкопрыхъ ему позволенныхъ съ нею вольностей, спрастнымъ поцѣлуемъ оспановилъ печеніе ея сладкихъ словъ и привлекъ ея улыбчивое вниманіе. Радостное лице Евгенія сперва оптѣшилось выраженіемъ тихой боли, а потомъ омрачилось тучію душевныхъ спрданій — какъ облачко, восходящее надъ Чернымъ моремъ, въ мнущу разширяется

объемлющего весь горизонтъ непогодой. Онъ опомелъ, долго смопрѣлъ въ окно, и нельзя было видѣть его лица. Константины замѣнилъ все: ему сердечно было жаль благороднаго, глубоко чувствующаго юноши; онъ шеннулъ Еленѣ: »Пойди, займи Вельяминскаго, развесели его: ты эшнмъ услужншь мнѣ!« —

»Жаль, что нашъ милый сосѣдъ такъ рѣдко спалъ навѣщать насъ!« замѣнилъ старикъ Кондоріопти: »люблю слушать его живые рассказы объ Италіи.« — »Да, онъ пакъ живо о ней рассказываетъ, что уже онлпнь собираешся пуда, «сказалъ Леонидъ; »я препьяго дня пошелъ къ нему съ намѣреніемъ: завербовашъ его въ союзъ Герерін; заводилъ рѣчь о Греціи, говорилъ о нашемъ мученикѣ свободы и отечества. «Ахъ, Рига!» воскликнулъ онъ; »вселенная проклинаешъ его коварнаго друга и недостойнаго насшыря Меѳодія, его предапелей но Эмада опомспитпъ за него! Я

былъ увѣрять въ его согласіи, но, обходя медленнымъ взоромъ его кабинетъ, украшенный Италійскими ландшафтами, видя у него столько изящныхъ предменовъ и недоконченныхъ картинъ, я въ первый разъ до того покорился вліянію свѣтлаго искусства, что мнѣ было жаль извлечь сего нѣжнаго, вдохновеннаго художника изъ его родимой обласни. — »Ты очень хорошо сдѣлалъ: онъ согласенъ бы на твое предложеніе, изъ особеннаго чувствія!« сказалъ Левентъ, взоромъ указывая ему на Елену. — Это болѣе всего основательно меня было оповѣстить. »Но упросимъ его остаться здѣсь, по крайней мѣрѣ до будущей весны,« продолжалъ Консманшинъ: »онъ такъ любезенъ! Какъ онъ хорошо поетъ Тассовы октавы: не правда ли, Елена?« — »Въ манерѣ его нѣбѣя узнаешь Италійскую школу,« оповѣчала она: »онъ будетъ мнѣ учителемъ хорошимъ! —

Всѣ упрасивали — а Елена наконецъ

упросила его. «Вы слишкомъ рѣдко ѣздите къ намъ: пожалуйста, почаще!» сказалъ Левентъ, дружески сжимая его руку. — «Я не желаю бы опустать опъ васъ въ великодущин!» возразилъ пронутый Евгений. «Солнце свѣтитъ для всѣхъ!» отвѣчалъ Конспантинъ.

Время текло; уже отпраздновали святочные игры. Принццо извѣстие, что Гериспы начинаютъ собираться въ Кишеневъ. Важная шоржественность замѣнила веселіе любви и дружбы въ домъ Кондоріотини. Юная невѣста хопѣла быть твердою Гречанкой; но заплаканныя очи, при насильственномъ веселіи лица, болѣе трогали ея семью, нежели пронупи бы самыя горючія слезы. Съ смиренной улыбкою она внимала утѣшенію любви, кляпвамъ въ вѣрности, и съ меланхолическимъ сладосприятіемъ вкушала лобзанія своего мужественнаго друга. Тонко-чувствующій Вельяминскій давно не показывался. За не-

дѣлю до отъѣзда друзей онъ письменно просился съ семействомъ Кондоріонши — и уѣхалъ въ чужіе края.

Насталъ день отъѣзда. Елена стояла у окна, и смотря, какъ закладывали лошадей, проливая горькія слезы; Леонидъ, играя на фортепьяно, съ Константиномъ пѣлъ новогреческую пѣсню: » Пойдемъ, сыны отчизны! « Опець и мапъ обѣ-руку сѣдѣли на диванѣ и слушали.

Друзья уѣхали. Явился старый управитель сосѣда и принесъ оставленное его баринномъ письмо. Лице горестной Елены просіяло радостію: Вельямннской прислалъ ей портретъ Константина, заочно писанный, но чрезвычайно похожій. Она вслухъ читала: » Я не писывалъ портретовъ и пошому отказалъ вамъ въ просьбѣ. Вы мнѣ явились во снѣ . . . вы говорили такъ убѣдительно, что я принялъ это за повелѣніе Бога: Геній дружбы руководитъ моею кистію, при изображеніи нашего общаго

друга : — оно будетъ нѣсколько усладить горестъ вашей разлуки съ нимъ. Примите слабый трудъ мой въ знакъ живѣйшей моей благодарности вамъ за столько незабвенныхъ часовъ. Милосердъ Творецъ, создавшій васъ : захочетъ ли онъ убить несчастіемъ свое лучшее созданіе? Нѣтъ! *Онъ* опредѣлитъ вашему другу воронинъ къ вамъ, дабы передъ *Нилъ* и передъ людьми оправдать вашъ выборъ. Подъ мирпями Иналін буду молиться за васъ и за него! « —

Друзья находились при Князѣ Исмаилинѣ, когда онъ въ Яссахъ зажегъ пламенный войну. Со всѣхъ сторонъ спекались къ нему члены Гесперин. На походъ въ Бухарестъ, Константинъ съ важнымъ порученіемъ былъ отправленъ къ Князю Георгію Каннакузену и, долженствуя остаться въ его войскѣ, не могъ участвовать въ Драгананскомъ бою. Валахи, Пандуры и Арнауцы измѣнили Гесперистамъ, обратились въ бѣгство и всю артиллерию оста-

вили непріятно. Желая доказать міру святосннь своего дѣла, вдохновенные юноши Греціи ошчально сражались и славно гибли, какъ ихъ предки въ Термопшахъ. Опять Эллада подобилась *году безъ весны*, ибо лучшій цвѣтъ юношества, воспитаннаго для освобожденія и для мирнаго блага родины, погибъ. Войско Кампакузена также дралось мужественно, но наконецъ, разможженное Турецкими ядрами, опешунило за Прунь, на Русскую границу. Конешаншнть, тяжело раненый, былъ спасенъ по приказанію Военачальника, удивленнаго героизмомъ его. Еще лежа на одрѣ сшрадашій, онъ слушалъ разсказъ снаснагося съ Княземъ Инешаншн : » Передаю тебѣ предешершншій поклонъ Леонида : онъ спншть на славномъ полѣ Драгашанской битвы.« *Леониды не возвращаются!*« воскликнулъ онъ, и я видѣлъ самъ, какъ онъ величешвенно налъ на груду Турецкихъ шѣлъ!»

» Леониды не возвращаются!« писалъ Ле-

венъ къ семейству Кондоріопти : » сіи послѣднія слова героическаго сына будущъ опзываются великодушнымъ утѣшеніемъ въ Греческихъ сердцахъ его родителей. Незабвенный юноша совершилъ свою великую судьбу : живя единымъ пламеннымъ чувствомъ Патриотизма, онъ будно созданъ былъ для эпои смерти ! Торжественную память о немъ не слезами, но великою мыслию : чпѣо долженствовала почувствовать сія благородная, подѣ дикій вой Мусульмановъ, со всею силой опчаяннаго мужества за Элладу уснувшая душа, когда она очнулась въ лучшей Аркадіи свѣтлаго рая, оглашенная хвалебными пѣснями Серафимовъ : домыслилте сію радостную мысль ! « — Между свойственныхъ любовнику пѣжностей, онъ писалъ къ Еленѣ : » Я не могу теперь ворониться къ тебѣ — и безъ Леонида и безъ лавровъ ! Судьба ли, моления ли твои опстранили меня отъ Драгашанской битвы, гдѣ я долженъ былъ умереть

— не только со славою нашего брата, но и съ грустию, ибо жизнь моя споль мила и споль свѣтла побойо? По выздоровленіи отправаюсь въ Грецію, гдѣ, какъ слышно, вспылала народная война. Начало было печально, но станемъ надѣяться, что конецъ увѣчается дѣломъ. Когда почувствую себя достойнымъ обѣщаній моей прелесной Гречанки, тогда полечу къ тебѣ на крыльяхъ спрашнаго голубка, съ лавровою вѣнкою!»

Онъ поѣхалъ чрезъ Вѣну и Триестъ. Море сладоспрастно колыбалось подъ нѣжнымъ небомъ Греціи; завидя въ дали вершины Тайгета, Левенъ исполнился умишельнаго воспоминанія о своемъ погибшемъ другѣ: »Разскажу милымъ Лаконянкамъ о швоей славной смерти — и онъ не забудетъ швоего имени въ своихъ хоропроводныхъ пѣсняхъ!»

Онъ прибылъ на Пдру и, вѣснуивъ на Греческую землю, освящается шихимъ, свѣш-

лымъ восторгомъ : грозные утесы сего острова имѣли для него классическую прелесть. Флотъ готовился оплыть въ море ; городъ кипѣлъ воинственной дѣятельностію, но Идріопки, въ черныхъ одеждахъ, казались поспевающими ангелами Греціи!

По распоряженіямъ Пелопонезскаго военачальника, Князя Димитрія Искландти, нашъ Левентъ попалъ въ войско Одиссея. Въ весну 1822 года онъ пожиналъ первые лавры въ Термопилахъ, при многократномъ отраженіи Сераскира Хуршида. — Мужество Грековъ радовало юнаго Филемна, но ихъ несогласіе между собою печально его : спротививые Капитаны не слушались начальства! Изъ ненависти къ Правительству и чтобъ наугадъ его, Одиссей рѣшился на безразсудно-смѣлый и казни достойный поступокъ: онъ пропустилъ черезъ Термонны конное, Турецкое войско и написалъ къ Колокошири: «Посылаю

тебѣ 30,000 Турковъ: сдѣлай съ ними, что хочешь, но болѣе не проущу! Свѣщенникъ Ахиллей, Комендантъ Коринна, малодушно бѣжалъ изъ крѣпости, и Колокопрони, также изъ невинности къ Проздру, благородному Маврокордану, проуслилъ оное войско на Аргосъ, гдѣ Димитрій Инсеплантинъ, заключившійся съ горестію опчальныхъ воиновъ, остановилъ грозныя ополченія непріятеля. Опасность была велика. Дѣйствуя по одному плану, Каннианы заняли дефилеи и всюду спѣшили Турковъ, кои рѣшились пробиться къ Коринноскому перевейку; но Никипа, подѣ начальствомъ коего находился въ то время нашъ Герой, въ Третьейской тѣснинѣ нападалъ на ихъ разрозненныя отдѣленія, и до того ихъ уничтожилъ, что получилъ прозваніе Турковѣда. Въ самомъ дѣлѣ, онъ сполнѣ сего почепнаго прозванія: »Ущеліе сдѣлалось непроходимымъ оныя множества человѣческихъ и конскихъ струновъ, которыми оно

было завадено.» (Такъ повѣспвуеишь и Полковникъ Вупше.)

И въ слѣдующій годъ война была счастлива для Грековъ: Колокопрони, соединившись съ Одиссеемъ и Никипою, пошелъ на встрѣчу Мустафѣ Пашѣ, осторожно движущемуся въ двухъ колоннахъ, и попалъ на него при монастырѣ Св. Лукки. Послѣ кровопролитнаго боя, Одиссей и Никипа ворвались въ лагерь Турковъ: Сераскиръ бѣжалъ.

Нужно ли сказывать, съ какимъ восторгомъ сражался Константинъ? Леонидъ, думалъ онъ, считаешь сраженныхъ мною Турковъ — и радуешься на небѣ. Его здоровье неспрадало отъ безпрерывныхъ трудовъ: онъ поѣхалъ въ Цдру къ знакомому врачу, чрезъ коего и перенесывался съ семействомъ Кондоріонни. На этотъ разъ не было ни-семь.

Какъ велико было удивленіе Левена, когда, въ ясное осеннее утро, вошелъ къ не-

му — Вельямиинскій. »Я привезъ вамъ поклонъ отъ Елены Алексѣевны! — молвилъ онъ въ дружескихъ объятіяхъ Конспаттина, »и, что лучше поклона — письмо!« Левенъ, взявъ, поглядѣлъ немного на надпись и положилъ на столъ, чтобы занялся милымъ господемъ. »Пусная ли учинивость заснавленъ васъ медлинъ чпеніемъ *такого* письма, или ваше сердце зачерствѣло отъ воинскихъ трудовъ?« спросилъ Вельямиинскій съ важнымъ тономъ упрека. Смущенный Левенъ молча распечаталъ письмо, которое навѣвало ему блаженствомъ любви. »Милая Елена! она съ вами хочеть подѣлиться моимъ сердцемъ: она не знаеть бѣльшей вамъ награды примите ее въ смыслъ подащельницы!« — »Я давно вашъ искренній другъ!« — »Ты сиѣдннй лучшей награды, добрый Евгеній! подѣлюсь съ тобою сердцемъ моей Елены: люби ее, какъ я, и богѣе, чѣмъ я, если можешь!« Они заключили союзъ дружбы.

Евгеній разсказывалъ: Я прожилъ два года въ Римѣ; душа моя озарялась чистымъ, священнымъ жаромъ любви; я долго жилъ единой мыслию, что могъ услужить Еленѣ своимъ порфирею; что, смотря на черныя друга, она можетъ быть и вспомнить обо мнѣ . . . я былъ такъ счастливъ, что не завидовалъ себѣ въ лучшемъ счастіи. Я одѣвалъ древній Римъ въ радужныя покровы моей юной любви; образъ твоей невѣсты слѣдовалъ за мною въ Неаполь и, величественно рисуясь на вершинѣ Павлинина, казался Сиреною Паросеною, богинею того града, отъ которой ямось магическое освѣщеніе на эпопѣ рай земной. — Признаюсь себѣ во всемъ: уже въ сосѣдствѣ нашемъ я изъ памяти написалъ ея миниатюрный порфирей, пону его на груди, и въ Россіи и въ Италіи, когда находила тоска, я глядѣлъ на него — и въришь ли? я до того заглядывался, что мнѣ казалось: онъ увеличивается во весь

ростъ, улыбаешся, блестяшь, живешь и движешся предо мною, будно двойникъ твоей невесны, Богомъ созданный для меня. Иногда, порицая сіе корыстное мечтаніе, я съ лучшимъ чувствомъ засматривался на милый порицень: тогда онъ мнѣ казался свѣтлымъ окомъ міра, въ которомъ изображался всѣ земныя и небсныя прелести и добродѣтели . . . я уже не видалъ изображенія Елены . . . я видѣлъ что-то похожее на ангела, уповающаго въ сіяніи . .

»Мнѣ писали о смерти Леонида. О пѣбѣ узналъ я, что ты мужественно рашуешь въ Греціи и что, къ осени сего года, ожидаюшь тебя въ домъ Кондоріюшши. Долго съ трудомъ одоляемое желаніе возвраща на родину повлекло меня туда при семъ извѣщеніи: я еще разъ хотѣлъ видѣшь Елену въ состояніи дѣвственности, Елену, еще свободную, какъ воздухъ неба; хотѣлъ въ послѣдній разъ согрѣшь мою ду-

ту на этомъ солнцѣ моей юности, чтобы
 надышаться жизненнымъ жаромъ на весь
 вѣкъ; хотѣлъ видѣть, какъ на этого
 свѣтлаго ангела наложатъ розовыя цѣпи
 супружества — и потомъ заперяться въ
 безконечности міра, чтобы въ врапахъ
 рая достойнымъ образомъ встрѣтить ан-
 гела, опять свободнаго! Я пріѣхалъ. Долго
 я простоялъ на крыльцѣ своего жилища и
 смотрѣлъ на домъ Кондоріотини, горящій
 въ вечерней зарѣ. Я вошелъ въ кабинетъ;
 мнѣ казалось, его воздухъ былъ изъ люб-
 ви моей; моя душа была чистымъ небомъ:
 весь гений радости помѣщался въ ней! —
 Намѣреваясь только одинъ разъ увидѣть
 Елену до пріѣзда твоего, я не хотѣлъ итти
 къ ней, покуда былъ еще такъ сча-
 стливъ ея близостию: я роскошествовалъ
 въ сладостной мысли, что свиданіе еще
 впереди, и что небесный моментъ онаго во
 власти моей. Я прогуливался въ нѣсколь-
 ромъ отдаленіи отъ ея дома; часто я ви-

далъ, что-то бѣлѣлось у окна: это вѣрно была она! Однажды я видѣлъ ее ясно: она шла черезъ дворъ, бѣлая, свѣпная, освѣпная розовымъ зонпикомъ.

» Кондоріопти пріѣзжалъ ко мнѣ: « Если сосѣдъ избѣгаетъ нашей благодарности за поршрентъ Левена, то я почелъ долгомъ опысканъ его! Я узналъ, что въ его домъ еще плачутъ по Леонидъ и безнокопяся о тебѣ, давно не писавшемъ; я далъ слово пріѣханъ на другой день.

Я провелъ бессонную ночь: въ душу мою запала мысль, которая полюбилась мнѣ. О Константиинъ! чнѣ было со мною, когда моимъ очамъ явилась она! Ея блиспательная прелестнъ обмла меня сіяніемъ другаго міра! . . . Ты видѣлъ только разцвѣпаніе — увидишь полный, величественный цвѣтнъ! ты видѣлъ только пышную зарю — увидишь лучезарное солнце, которое будетъ наполнять твоей вѣкъ лучами любви, восторга

ту на этомъ солнцѣ моей юности, чѣмъ бы надыхаться жизненнымъ жаромъ на весь вѣкъ; хотѣлъ видѣть, какъ на этого свѣтлаго ангела наложить розовыя цѣпи супружества — и потомъ заперяться въ безконечности міра, чѣмъ бы въ врапахъ рая достойнымъ образомъ вспрѣтнть ангела, опять свободнаго! Я прѣвхалъ. Долго я простоялъ на крыльцѣ своего жилища и смотрѣлъ на домъ Кондоріопши, горящій въ вечерней зарѣ. Я вошелъ въ кабинетъ; мнѣ казалось, его воздухъ былъ изъ любви моей; моя душа была чистымъ небомъ: всѣ гени радости помѣщались въ ней! — Намѣреваясь только одинъ разъ увидѣть Елену до прѣзда твоего, я не хотѣлъ идти къ ней, покуда былъ еще такъ счастливъ ея близостию: я роскошествовалъ въ сладостной мысли, что свиданіе еще впереди, и что небесный моментъ онаго во власти моей. Я прогуливался въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ ея дома; часто я ви-

дажь, что-то бѣлѣлось у окна: это вѣрно была она! Однажды я видѣлъ ее ясно: она шла черезъ дворъ, бѣлая, свѣпная, освѣпная розовымъ зонпикомъ.

» Кондоріопти пріѣзжалъ ко мнѣ: « Если сосѣдъ избѣгаетъ нашей благодарности за поршреть Левена, то я почелъ долгомъ отыскать его! Я узналъ, что въ его домѣ еще плачуть по Леонидѣ и безнокопья о тебѣ, давно не писавшемъ; я дажь слово пріѣхать на другой день.

Я провелъ бессонную ночь: въ душу мою запапа мысль, копнорая полюбилась мнѣ. О Константиинъ! чпѣ было со мною, когда моимъ очамъ явилась она! Ея блиспательная прелестъ обила меня сіпніемъ другаго міра! . . . Ты видѣлъ полько разцвѣпаніе—увидишь полный, величеспвенный цвѣтъ! ты видѣлъ полько пышную зарю—увидишь лучезарное солнце, копнорое будетъ наполнять тввой вѣкъ лучами любви, воспорга

и блаженства Возрадуйся — но будь достоинъ своего счастья! —

»Я съ нею обращался свободно и дружески: я думалъ имѣть право на это, ибо я говорилъ о себѣ. О, сколько она тебя любила! Она для тебя выпросила у Бога охранительный щитъ, чудеснѣе, нежели щитъ Энеиды! — Мы иванъ несколько нѣсень; я былъ веселъ и счастливъ до упоенія: я радовался, что мой Творецъ прославился созданіемъ сею дѣвственнаго ангела! Вдругъ я перемѣнилъ шонъ и сказалъ ей, что ѣду въ Грецію и прошу у нея письма къ Левену. Въ изумленіи. Въ блаженномъ самозабвеніи я упалъ передъ ней на колѣно и, взявъ ея руку, сказалъ: »Третій годъ уже, какъ Левенъ лишенъ много счастья, которымъ я наслаждался нынѣ: ѣду смѣшнѣе его, дабы Греція не лишилась рабника! . . . Я при васъ слишкомъ счастливъ! . . . Кто не можетъ быть сыномъ вашихъ родителей, хочетъ быть сыномъ

вашей родины Простите до другаго міра ! — Я цѣловаль ея руку ; она наклонилась надо мною . . . ея локоны ласкались къ моему лицу . . . она плакала — оны благодарности ! —

И такъ я здѣсь ! Опкрывшись пвоей пѣвѣшъ и шебъ въ моихъ чувствахъ, могу требовать, чпобъ пы благоговѣль къ Генію моей судьбы, освященному оприцаніемъ опъ земнаго счастья : оны повелѣваетъ тебъ воропнпться къ ангелу любви ! Я постараюсь замѣнить тебя на полъ брани ! Но дабы не казаться тебъ великодушнымъ, возлагаю на тебя бѳльшую обязанность : не забывай, чпо пы владѣлецъ моего неба ! и такъ Елена никогда вспоминть не должна, чпо былъ на свѣпѣ человекъ, коего никто не превзошелъ въ способности любить ее !

Конешанпнптъ, насмопрѣвшпсь на порпреть невѣсты, опдалъ его Евгению со словами : » Жаль, чмо она не существуетъ въ двухъ лицахъ ! . . по пы шворецъ ея изображенія, пы носишь его на груди —

не оживится ли оно опять Ингмаліоновой сирасни?» Евгений глубоко чувствовалъ, что эта шутка, какъ добродушно ни была сказана, все-таки неприлична въ устахъ счастливица: »Онь не можешь знать, какъ раздражительно сердце въ моемъ положеніи!« думалъ онъ и смолчалъ. — »Я послушенъ тебѣ, добрый Евгений!« продолжалъ Левентъ: »ду къ невѣстѣ! на меня возложена двойная обязанность: удоспѣишься швоей дружбы и *такъ* осчастливишь Елену, какъ ее осчастливилъ бы Вельяминскій! Видишь: я знаю цѣну твоимъ чувствамъ! принимаю твое жертвоприношеніе; но прежде, нежели тебя предоставляю судьбѣ швоей, ты не можешь опказать мнѣ въ одной просьбѣ: походъ нынѣшняго года кончился; не ранѣ весны возобновился война; ты еще всю зиму можешь прожить въ Россіи — и шакъ поѣдемъ вмѣстѣ, возвеселимся въ ангелѣ любви и красоты, оппразднуемъ свадьбу — и погда «... — Не

пробуй опть меня невозможнаго: я не па-
дѣюсь на свои силы! — прервалъ его Велья-
минскій. » Ну, другъ Евѣеній! такъ ты
плохо замѣнишь меня на полъ брани: кшо
не имѣеть духа видѣть вѣчаніе Гречанки,
можешь ли поопть сражаться за Грецію?
Да! управься хорошенько съ праздничнымъ
виномъ на Греческой свадьбѣ, такъ я по-
вѣрю, что ты масперекки управишься и
съ Турецкою кровью!»

— Улыбаюсь пвоей шупкѣ, копнорая
уязвляетъ мое сердце! мы соспрадаемъ не-
дужному; мы должны благоговѣть къ спра-
ждующему сердцемъ! О Констанцинъ!
ужели пвое чувство до того одичало въ
военныхъ схваткахъ, что ты можешь щѣ-
пннть надъ святостію несчастія? Я уже
че могу и не долженъ видѣть Елены Але-
ксѣевны: посвященіемъ себя на защиту ея
родины и великой мыслию вѣчной разлуки
я искупилъ и оправдалъ незабвенный мо-
ментъ прощанія, когда я признался ей,

что люблю ее! Развѣ напрасно ея теплыя слезы падали на лице мое! Развѣ напрасно она съ небеснымъ великодушiемъ прижала меня къ своей чистой груди и говорила молниеноснымъ голосомъ: »Благородный юноша! да почиетъ надъ тобою любовь Господня!« — »Все это, любезный Евгений, не помѣшаетъ тебѣ видаться съ Еленой и повспоришь, когда нужно будетъ, и живую сцену прощанiя. Твоя любовь къ моей нечестивѣ такъ чиста и возвышенна, что никогда не возбудитъ моей ревности. Ты ей признался въ любви: что за бѣда! развѣ она прежде не знала объ этомъ? я не люблю пустыхъ условiй общества, осуждающихъ тебя на вѣчную съ Еленой разлуку—будто спросишь, подобная пвоей, есть пресупленiе! Свободный поклонникъ искусства! презирай этины варварскими условiями, выдуманнми для слабыхъ душъ! гордися тѣмъ, что я благодарю тебя за эту любовь, и что Елена живѣйшей дру-

жбой воздасть тебѣ за это чувство. Пробудь у насъ, сколько можешь: ты *большой* Гений нашего союза! Но когда ты не хочешь быть свидѣтелемъ нашего счастья и станешь чуждаться своихъ лучшихъ друзей, — тогда ты нашъ *черный* Гений: свѣтлая душа Елены запомнилась мнѣ, что ея счастье основано на развалинахъ твоего сердца! Она и я, можемъ ли мы радоваться свѣжею прелестью нашего супружескаго рая, когда за золотой рѣшешкой онаго видимъ опустошенную весну твоего бытія? Евгений! не оправляй нашего счастья излишнею строгостію къ себѣ самому! пріѣзжай и докажи, что ты радостнымъ окомъ можешь глядѣть на радость нашу и быть счастливымъ нашимъ счастьемъ! Не опговаривайся своею слабостію: я никогда не повѣрю, чтобы твоей духъ не былъ столь же силенъ, сколько мой — и я пребуду опятъ тебя только того, что сдѣлалъ бы я на твоёмъ мѣстѣ. Въ заклю-

чеснѣ скажу чтобы ты не сталъ гнѣвить меня пустыми возраженіями, но клянусь тебѣ именемъ чесни, именемъ Елены, именемъ Бога, что безъ тебя не поѣду! Теперь моя судьба въ твоей волѣ: если ты упорствуешь въ своемъ отказѣ, то Елена никогда не увидитъ меня я здѣсь обрѣту уединенную могилу подъ лавророзой! «

Евгеній долженъ былъ согласиться.

Жестокая буря поспѣгла ихъ на Черномъ морѣ; опасность была велика. Консманшинъ сказалъ своему другу: »Видитъ Богъ, что я не изъ какой-либо прихопши сманилъ тебя въ эту бурю! когда намъ суждено здѣсь погибнуть, то не уходи отъ меня: обвинемъ крѣико и, ушопая въ волнахъ, скажу тебѣ слово!«... Но буря утихла, опасность минула; друзья привѣтствовали Русскую землю.

Передъ весело-горящимъ каминомъ сидѣло семейство Кондоріопти, когда вошелъ давно ожидаемый Консманшинъ. Объявилъ,

поцѣлуй, слезы радости — и слезы по Леонидѣ! — Съ какою сердечностію милая Елена заключила друга въ свои мягкія объятія: гнѣзныя перен высокими волнами били о мужественную грудь воина, и слезы текли по ланитамъ и она лепетала ему сладкіе звуки любви.... «Очаровательная Елена! » воскликнулъ онъ; « ты ли покоишься на моемъ сердцѣ? Евгений, я не позырилъ тебя, когда ты мнѣ говорилъ, что я видѣлъ только пышную зарю, что увижу лучезарное солнце! »

Скажи мнѣ: гдѣ милый и добрый Вельямнискій? спросилась гнѣзнымъ участіемъ Елена. «Онъ оспался въ спранѣ любви и мечтательности; я опоясалъ ему мечъ: онъ сражается за Грецію, и если тамъ не найдеть смерти — то » заперяется въ безконечности міра! » Она заплакала. «Мой ангель! благодарю тебя за эти слезы: онъ сподилъ ихъ! » Гупъ Конспанпинъ рассказываетъ ей все, и что надъ его твердостію

воспорижествовалъ только спранныю клятвой, не воропнись въ Россію безъ него.

Она писала къ Вельяминскому, который не могъ начитаться сихъ строкъ, дымащихъ теплымъ вѣліемъ благодарной любви. Константинъ, отецъ и мать, все написали, все умоляли его, своимъ прїѣздомъ довершить ихъ счастье. Дѣвственное слятеніе овладѣвало имъ, когда онъ вошесть. Елена пылала; но, ободрясь по знаку Константина, она пошла на встрѣчу гостю — отвергла ему небо своихъ объятій, и поднесла ему чашу пектара — уста полныя благовоннымъ лобзаніемъ — и привѣтствовала его знакомыми словами: «Надъ тобою почилъ любовь Господня!» — Дсь быстро протекалъ изліяніями любви и дружбы. Евгенийъ долженъ былъ дать слово прїѣзжать, какъ можно чаще. Искренности, довѣрчивость и нѣжность къ нему Елене возрастали съ каждымъ днемъ.

Прошелъ мѣсяць. Родилели, можетъ

бытъ и сама Елена, начинали удивляться, что Левентъ не поропится свадьбой, между тѣмъ, какъ онъ все одинаково нѣженъ и ласковъ къ своей невѣстѣ. — Подслушаемъ его ночью вполголосъ : « Я точно люблю ее, мнѣ больно будетъ видѣть ее подъ вѣнцемъ съ другимъ: это чудное лицо, эту нуховую грудь, эту пышную, сладоспираспную формы передать въ другія руки . . , и потомъ грѣшною мечтою отыскавъ прежнюю любовницу подъ новобрачною сѣнію — ужасно ! Я увѣренъ, ни какое въ мѣръ наслажденіе не сравнится съ свѣжими объятіями моей Елены . . . но я послѣдую своей лучшей увѣренности она будетъ счастлива съ Евгеніемъ ! Ужели для минутнаго блаженства разрушу небо моего друга и жизненное счастье сего ангела ? Сія мысль придастъ мнѣ силы, цѣной сердечной крови одержать побѣду надъ собою и надъ слезами моей невѣсты ! завпира же прислушимъ къ дѣлу ! » —

Онъ пошелъ къ компанш Елены; она была одна. Онъ подошелъ къ ней и гнжно обнялъ ее рукою: «Послушай: еслибъ у тебя было два сердца, ты, безъ сомгннн, опдала бь одно Вельямннскому? или, еслибъ не было меня на свѣтѣ, ты любила бь его всѣмъ пламенемъ сердца? будь искрення!» — Я этого точно не знаю, но думаю, что было бы такъ; но для чего этогъ вопросъ? — «Дослушай, милый другъ мой! люблю тебя болѣе всего на свѣтѣ, и потому прошу тебя — будь супругой Вельямннскаго! Не плачь, моя Елена: мнѣ довольно и твоей мернвой блѣдности! Изслѣдую мою любовь къ тебѣ: ты первая завладѣла моимъ сердцемъ — я былъ счастливѣе всѣхъ на свѣтѣ! въ разлукѣ я любилъ тебя уже не съ прежнимъ восторгомъ. Я прѣхалъ, былъ пораженъ твоей красою! много ли прошло времени? я уже привыкаю къ ней: знаю она и упранила половину цѣны для меня! тому при-

чина мой несчастный характеръ, который не умѣетъ находить благополучія по обыкновенной суетѣ и не шепинитъ оковъ — даже мягкихъ оковъ супружества! я былъ бы полу-богомъ двѣ, при недѣли — попомъ сталъ бы изнывать въ однообразіи жизни! Клянусь: я всей душою люблю тебя, и одну тебя! но только въ духовномъ сънобою супружествѣ моя любовь будетъ неизмѣнна, и въ эпомъ высшемъ смыслѣ ты по гробъ мой будешь небеснымъ видѣніемъ въ моей жизни!» Онъ умолкъ. Елена взглянула на него взоромъ нѣжнаго упрека и промолвила тихо: »Видитъ Богъ: не захочу твоего несчастія!» Константинъ продолжалъ: »Поговоримъ шенерь о Вельминскомъ. Уже ли ты, читая его записки, не чувствовала, что онъ единственно созданъ для твоего счастья на землѣ? безъ взаимности, безъ надежды, онъ съ одинаковой силой, съ героическимъ самоотверженіемъ и съ тихой, глубокой, пламенной

пѣжностью любилъ тебя понинѣ! ручаюсь тебѣ за вѣчность его чувства : онъ всякій день будетъ благодарить Провидѣнiе за то, что оно дало ему ангела въ супруги! Только подобный супругъ достоинъ моей Елены : ты будешь счастливѣе изъ всѣхъ — и оцѣнишь свое счастье! . . .

» Ты нынѣ меня еще предпочитаешь ему : повѣрь : это обманъ чувства, это перво-бытная привычка твоего сердца! Рано ли, поздно ли, оно отдастся тому, къ тебѣ болѣе любимо! Время непременно вразумило бы тебя на счетъ Вельяминскаго — и тогда было бы поздно! Я это ясно почувствовалъ, когда онъ прѣхалъ ко мнѣ въ Грецію и рассказывалъ повѣсть своей любви. Сравнивая его чувства съ моими, я устыдился своего сердца, въ отношенiи къ тебѣ; я завидовалъ ему въ превосходномъ дарованiи : всѣмъ существованiемъ сливаясь въ одну пламенную, какъ солнце, точку — во всеодушевляющее чувство къ тебѣ —

я хотѣлъ бы подышать его жизнью! Ты Святая его сердца: его фанназія отраженіе твоей образъ въ лучишномъ вѣщѣ безсмертной любви — и только въ его разсказахъ другіе узнаютъ всю цѣну тебѣ. Мнѣ было жаль, предать опасностямъ опчаянной войны человека, въ душѣ коего самовластвуетъ моя Елена, и который Богомъ созданъ для блаженства ея, на логѣ мира... между милліонами ты должна была сердцемъ отличить — Вельямискаго!»

Елена, храня томное молчаніе, уже и взорами не упрекала Конешаншина: опуманенныя очи не имѣли взгляда, равно какъ солнце, зримое сквозь легкое облако, не имѣетъ лучей; но единая слеза, остановившаяся на ланитѣ, проглательнымъ языкомъ свидѣтельствовала о пламенной боли опверженнаго сердца. »Милая, мучительная слезника!« воскликнулъ Левенъ; »ты падешь въ десницу Божию! ты обвиняешь меня здѣсь — но оправдаешь *тамъ!* Ска-

жи той прекрасной дѣвѣ, чье сердце породило тебя болѣзненнымъ сжатіемъ, *того* мнѣ сподобитъ отреченіе отъ невѣсты моей!» Эти слова возвысили Елену надъ ея горестію: она говорила непрерывнымъ голосомъ: » Твой поступокъ не оскорбляетъ моей дѣвственной гордости: я его считаю самымъ сильнымъ, хоня и грустнымъ свидѣтельствомъ любви! Ты любишь меня: сія увѣренность мнѣ, въ эту скорбную минушу, даетъ священную силу, какъ погибающему надежда на другую жизнь! Не понимаю себя, но покоряюсь швоей волѣ, какъ волѣ лучшаго меня существа, которому я готова жертвовать жизнию — и бѣльшимъ, нежели жизнию! Еслибъ я не согласилась, еслибъ осталась одинокою до гроба — я энимъ оправдала бы цѣлый вѣкъ швой! и такъ невѣсна необыкновеннаго человека, въ эномъ случаѣ, не можетъ поступать, какъ другія женщины! Не желаю, чшобъ эшо усилило твою любовь ко мнѣ — будь

счастливишь, свойственныиъ тебѣ образомъ! Чувствую, что Вельяминскій достоинъ моего сердца и руки моей; я иѣжно люблю его; но *сколько* я любила бѣ его и какъ много была бы счастлива съ нимъ, еслибѣ не встрѣнилась съ побою во всю жизнь! Еще при днѣ остаюсь твоей невѣстой: въ это время, еще свободная любовь твоя, хочу принуждать свое сердце къ увѣренности, что Богъ не судилъ тебѣ быть украшеніемъ моей жизни! Медленно и иѣжно развязывая узелъ невѣстности къ тебѣ любви, хочу развивать мое чувство къ Вельяминскому и освятишь оно ушѣнипельною мыслию, что выйду замужъ по твоему сердцу. Нужно ли сказывать, чтобѣ ты щадилъ меня въ объясненіи съ Евгениемъ: говори ему, что хочешь, чего пребуиощъ обспоянелъства, но, ради Бога, не опиывай меня измѣнившеею прежнимъ чувствамъ!

Увидимъ, какъ поступалъ Левенъ съ

Евгеніемъ въ такомъ необыкновенномъ дѣлѣ, гдѣ надлежало вполне оправдать Елену, оправдать себя и склонить друга на вступленіе въ званіе жениха. Зная нѣжностью и добросовѣстностью Вельяминскаго, мы должны согласиться, что разыгрывать съ нимъ подобную сцену — было дѣломъ весьма затруднительнымъ, и тѣмъ болѣе, что Константину долженствовало выдерживать большую борьбу, нежели думалъ, съ собственнымъ сердцемъ, въ которомъ вспыхнула прежняя любовь къ Еленѣ: ея смиренная, благородная покорность его снранной воли; эти трогательные пріидия, въ кои пожелала быть еще его невѣстой, это слабое, обманчивое утѣшеніе, что выйдетъ за-мужъ по его выбору — надлежало имѣть весьма твердую душу, чтобы не колебаться въ исполненіи дѣла, уже однажды признаннаго священной необходимостью.

Въ теченіе сихъ трехъ дней онъ спа-

рался унимать сердечную грозу усилями ума и чувством долга. Утро четвертого дня сіяло въ нѣжномъ облаченіи перваго снѣга, обливаемого лучами восходящаго солнца. Елена, по просьбѣ друга, такъ была одѣта, какъ въ топъ день, когда на террасѣ пѣла горную пѣсню. Она казалась разительнымъ подобіемъ природы: ея бѣлое платье сіяло же нѣжно и чисто, какъ эфиръ снѣгъ; ея лице такое же свѣтлое, но холодное солнце — эфиръ былъ тонкій, идеальный румянецъ полу-преображенной страдалицы, обвѣваемой святою сію ея побѣды надъ собою... она никогда не была такъ прелезна! Константинъ молчалъ: въ его душѣ кивали подавленные слезы. Елена прервала молчаніе: »Вчера еще видѣлись запоздалые цвѣтшы и пиравки — а сего дня природа въ саванѣ!« — Нѣтъ, Елена! природа, какъ ангелъ, какъ ты, въ блестящихъ покровяхъ преображенія! на что годятся эти убогіе, поздніе цвѣтшы и полублеклыя

правки? ихъ никому не надо! Это самое солнце, что теперь безъ пеплоны, въ свое время исполнился животворнымъ жаромъ; радужными каплями спадеть эпоптъ бѣлой занавѣсъ, и засіяетъ пышная, райская весна — весна твоей любви! —

Елена сквозь слезы поглядѣла на друга и съ тихой улыбкой и съ меланхолической сердечностию промолвила нѣжно: » Я буду счастлива! « Константинъ заговорилъ о Леонидѣ; они много бесѣдовали о немъ и припоминали тотъ вечеръ, на террасѣ, и первое, воздушное лобзаніе.

» Моя Елена! сегодня на уснахъ твоихъ приму послѣднее лобзаніе любви, потому я хопѣлъ, чтобъ ты была въ этомъ самомъ плапнѣ — а впередъ будущъ поцѣлуй дружбы! « — Да будетъ воля Бога! — сказала она, и пропинула руку къ другу... Послѣднее, продолжительное лобзаніе, послѣднія любовныя объятія Лесень по-

спѣшно вынести, сѣлъ въ легкія сани — и по-
лешѣлъ къ Вельяминскому.

»Поздравляю тебя съ первымъ зимнимъ
путемъ!« было привѣтливое хозяина.
»Благодарю!« отвѣчалъ Константинычъ; »но
знаешь: поздравленіе пьется виномъ! у
тебя водился хорошее Шампанское: вы-
пьемъ въ честь перваго снѣга и за то,
что онъ пѣженъ и чистъ, какъ душа на-
шей Елены!« — Выпьемъ, мой добрый Ле-
вентъ, за здоровье и за счастье Елены Але-
ксеевны! — »За виномъ друзья еще болѣе
дружатся и еще лучше понимаютъ другъ
друга: не правда ли, Евгенийъ?« — Выпьемъ,
узнаемъ! былъ отвѣтъ.

»Вино ли, рассказы ли твои подѣйстви-
вали на меня — онъ чего я такъ веселъ?
спросилъ хозяинъ. — Эного-то и надо мнѣ!«
отвѣчалъ съ нѣкоторою важностію Левентъ
и началъ говорить о себѣ. Рѣзкими черша-
ми обозначивъ всю странность своего ха-
рактера, попревоживъ слушателя завяз-

кой своей жизненной драмы, гдѣ богошворимая Елена играла столь важную роль, онъ, отнюдь не измѣняя совершенно спокойнаго тона, рѣшительно приступилъ къ развязкѣ: Елена и я, мы оба чувствуемъ, что такой человекъ, какимъ я себя описалъ и каковъ я точно, не можетъ ни счастливить, ни быть счастливымъ въ супружествѣ; наши сердца понимали это гораздо прежде, нежели мы другъ другу признались въ томъ: ны вѣрно и самъ замѣнилъ, что наша взаимная любовь мало по малу превращалась въ чуждѣйшую дружбу. Вчера, свободное изліяніе нашихъ душъ объяснило все: мы оба согласились, что первая, пламенная юность набрасывала на наше чувство розовый отблескъ, отъ чего оно и казалось намъ счастливымъ! но время, опытность, совершенное самопознаніе предпавляютъ это чувство въ настоящемъ видѣ: оно только есть чувство безстрастное, идеальное, свободное,

и по этому не желающее и даже не терпящее ни какихъ земныхъ узъ. И такъ сами собою распались цвѣточныя цѣпи нашего предбрачнаго сосюянiя ; мы смѣялись надъ заблужденiемъ нашимъ, свободно обнялись, какъ братъ и сестра — и поклялись быть друзьями по гробъ и за гробомъ! .. Мы оба совершенно свободны! « воскликнулъ онъ и допилъ чашу.

Пораженный Евгенийъ не могъ вымолвить ни слова : онъ смотрѣлъ на Левена, не вѣрилъ глазамъ и ушамъ своимъ, что человекъ такъ спокойно можетъ опречься отъ брачнаго счастья съ ангеломъ-Еленой. Онъ это считалъ бы шуткой — но онъ ясно чувствовалъ, что Константинъ говорилъ отъ души ; онъ это считалъ бы жертвоприношенiемъ себя, еслибъ возможно было жертвовать невѣстной. « Безумецъ! вскричалъ онъ ; « ты легкомысленно разрушилъ свое счастье! если твой характеръ при-

чина сему разрыву, по отложись отъ него, какъ отъ власни некусителя — не вѣрь враждебному шопону нечистаго духа! Переименуйся — и Елена оишь тебя полюбитъ прежней спраснїю: ея супружескіе поцѣлуи освѣтятъ тебя! Ты въ ужасномъ заблужденїи, если думаешь, что можешь быть счастливъ безъ нея! Я художникъ: понимаю идеальныя сношенїя высшей любви; но они счастливятъ лишь того, для котораго не было вида на розовый садъ супружества съ ангеломъ! Но ты — о кѣрь мнѣ — ты никогда не переспаншь пламенной боли той мысли, что Елена была твоя невѣсна — и не сдѣлалась супругой твоей! что ты могъ жить въ обѣщанномъ раю и, немного не дошедъ, своропнлѣ съ цвѣночнаго пуши въ скучную спень одинокаго бытїя! Не обманывай своего сердца! воропнсь къ ногамъ Елены: моли ся любви, какъ осужденный спасенїя — она прижметъ тебя къ теплему сердцу — и

себѣ не нужно будетъ мечтать о счастьи Серафимовъ на небѣ!»

Конспаншинъ улыбнулся: »Милый другъ мой! ты обо мнѣ судишь по себѣ! дай мнѣ сердце твое — и я съумѣю любить, какъ ты! Но Богъ не одарилъ меня такимъ сердцемъ — и я могу быть только браномъ Елены!.. Ея супругомъ будетъ другой — тотъ, кто лучше всѣхъ ее любитъ — и впайнѣ любитъ ея!»...

Евгеній вскочилъ со стула: »Что ты сказалъ? я ли вѣроломно похитилъ у тебя сердце невѣстны? Ужели Елена изменила тебѣ — быть не можетъ!»...

— Елена изменишь не можетъ! возразилъ съ упрекомъ Левентъ; наша связь была основана на обманѣ чувствъ, какъ я уже говорилъ; припомни: ей было только шеснадцать лѣтъ! Ты ей полюбился съ перваго разу; твое письмо съ моимъ порицаньемъ, твое нѣжное прощаніе, твое благородное самоопроверженіе, твои записки, начерпан-

ныя сердечную кровію (я ихъ далъ ей тайно) да можетъ ли такая любовь, какъ нивоя, быть безопивѣнною? Но почитая себя уже не свободною, Елена тщательно скрывала свое чувство къ тебѣ подъ покровомъ дружбы, и вслѣбъ я точно любилъ ее, какъ должно любить жениху — она вышла бы за меня! но этого случиться не могло, ибо изъ характеровъ развивающагося произиссшвія! Тупѣ нѣтъ измѣны, и мы оба, Елена и я, остались вѣрными себѣ. Помнишь ли, какъ ты въ Греціи пожурилъ меня за то, что я не сей часъ читалъ ея письмо? Это маловажное обспяшельство могло тебѣ послужить зеркаломъ моихъ чувствъ къ невѣстѣ моей!»

Евгеній призадумался. » Вы отказываешесь другъ опъ друга... Елена меня любишь... Ужели она сподобилась меня небеснаго счастья: бышь ея супругомъ? Нѣтъ, этого бышь не можетъ! я тебѣ не вѣрю, Ле-

вещь! О еслибъ она сама мнѣ сказала, что уже давно меня любитъ!» — Вельяминскій! ты долженъ вѣрить мнѣ и вѣрно не спросишь ее объ этомъ, благоговѣя къ нѣжной скорби сей чистой души, осуждавшей это чувство, какъ непозволительное, въ ея прежнихъ со мною отношеніяхъ. Теперь уже нѣтъ этихъ отношеній! Пріѣзжай, попроси ея руки — услышишь, что она скажетъ — ты будешь доволенъ! Мои сани поданы; прощай! ожидаю тебя къ вечеру! —

»Я не могу, я не осмѣливаюсь просить ея руки: видишь, какъ она блѣдна и молчалива!« шепнулъ Вельяминскій на ухо Конспантину. — Таковы всегда бывають дѣвушки, когда ожидаютъ такого себѣ предложенія! съ сими словами Левентъ взялъ руку друга и подвелъ его къ блѣдной дѣвѣ, коюрой лице въ эту минуту всыхнуло горящимъ пурпуромъ. »Елена Алексѣевна! мой другъ не много робокъ: онъ выбралъ ме-

ня въ свои ходатаи — оиъ проситъ эпой милой руки, копорая опверзнетъ ему двери неба!« — Когда я въ первый разъ преклонилъ передъ вами колѣно, сказалъ въпревоженный Евгений, тогда я молилъ вашего благословенія на смерть — и я хотѣлъ умереть миру! Нынѣ судьба во второй разъ повергаетъ меня къ ногамъ вашимъ — я дерзаю моить вашего благословенія на райскую жизнь! —

» Вспаньте, мой благородный другъ!« сказала съ яснымъ спокойствіемъ Елена: «я знаю ваше сердце — и увѣрена въ своемъ счастьи! я согласна дѣлиться съ вами жизнью... Дай Богъ, чтообъ и вы были счастливы!» — Дѣло слажено, обнимитесь, мои милые друзья! — И Констанция, обнимая обонхъ въвстѣ, шепнулъ своему бурному сердцу: «Свершилось все: успокойся!»

— Мы уже давно замѣтили, что дѣло идетъ на разладъ! сказалъ Кондоріотти,

дружески ударивъ по плечу Левена: ты вѣлически способствовалъ Вельяминскому завладѣнью сердцемъ Елены! Я всегда былъ того мнѣнiя, что онъ опасенъ для дѣвическаго сердца — ибо любовь его уже сначала такъ велика была. Вы оба прекрасные и достойнѣйшiе люди; люблю васъ равно! онъ будетъ моимъ зятемъ, но и ты долженъ насъ считать своими родственниками — мы будемъ звать тебя Леонидомъ! —

»Да, продолжала мать: Вельяминскiй сталъ Левеномъ, а ты — нашимъ Леонидомъ! Частно онъ говаривалъ мнѣ: »Маменька! если хочешь осчастливить меня, то люби Левена на равнѣ со мною!« Господь не опредѣлялъ тебѣ спасти его жизнь; но ты исполнилъ его волю — ты опоменилъ Туркамъ за него!... Такъ ты не сердись на нашу въпренную Елену? милый сытъ мой! — Маменька! опивѣчалъ Консантинъ: постараюсь удостоить сего прекраснаго именованiя! никогда не забуду того сча-

счастливаго времени, когда мы съ нимъ жили вмѣстѣ — на небѣ будетъ продолженіе этимъ дѣямъ! Леонидъ первый нарекъ меня братомъ Елены, какъ будто предчувствовалъ, что она должна быть только сестрою моею! Это точно есть воля Бога — я доволенъ ея сестринскою привязанностію!»

Мы не беремся описывать счастья Евгенія. Если благосклонный чинпанель помнитъ слова его безопытной любви, то можетъ представить себѣ вдохновеннаго, счастливаго любовника той дѣвы, которой обленительная прелесть (говоря его языкомъ) обливала его сіяніемъ другаго міра! Сама Елена казалась счастливою и веселою: Евгенийъ былъ доволенъ жаромъ ея лобзаний и въжностію ея рѣчей. Только, въ присутствіи Константина, она иногда смущалась отъ ласкъ Вельяминскаго. Мать изъяснила это очень просто: »Шалуныя спыдншея измѣны прежнему жениху!»

Нашаго дня свадьбы; все поконъ были

чудесно убраны : богатый Кондорюшши не пожалѣлъ никакихъ издержекъ для сего праздника своей единой, прекрасной дочери. Елена, великолѣпно одѣтая, появилась въ церкви, тихо, торжественно подходила къ роковому мѣсту и, проходя мимо Левена, пожала его руку, не обративъ къ нему блѣднаго лица. Сіе прощальное рукожанье любви было для него смертельнымъ ударомъ : его сердце вспренинулось, какъ закланный голубь . . . но, не измѣняясь въ лицѣ, важно и спокойно онъ послѣдовалъ за ней ; онъ держалъ вънецъ на ея головѣ ; ходилъ за нею кругомъ палоя . . . упонилъ свое сердце въ свадебномъ вѣнѣ, шапцовалъ съ невѣстой, прислуживалъ ей за столомъ, не забывая и другихъ гостей — и наконецъ, въ шумномъ забытіи проснившись съ нею у новобрачнаго одра, бросилъ пламенный взглядъ на эпитопъ блестящій, пухлый, заманчивый алшарь законнаго сладострастія — и скрылся.

Было утро ; вокругъ чайнаго стола сидѣли оставшіеся госипи, хозяева и молодой супругъ-счастливецъ. Отворились двери — вошла Елена, одѣтая въ бѣлое, упреннее платье, въ богатый, пѣвнишельный шюникъ. Въ бросилась поздороваться съ нею; глаза всѣхъ гостей устремилась на нее въ эту и безъ того уже тяжелую минуту; но она болѣе всего замѣтила холодный поцѣлуй и спраанный взоръ Конспаннища. Въ дополненіе замѣшательства ея, какой-то задумчивый чудакъ, издалеча прѣхавшій на свадьбу, въ своей привычной разсѣянности, обратился къ ней съ обыкновеннымъ, но въ это утро конечно непримичнымъ привѣтомъ: — — — — ? Сей спраанный вопросъ, возбуждшій невольный, продолжительноый, съ трудомъ подавляемый смѣхъ общества, возмозъ Конспаннищу освободиться отъ вліянія непріятнаго чувства. Въ первый разъ испытавъ, что иногда суцая без-

дѣлица можетъ воспановить равновѣсіе душевныхъ движеній, онъ сталъ онытъ прежній Левентъ, побезный, веселый, оспиромный, и уже спокойно могъ глядѣть, какъ Елена съ яснымъ лицемъ и съ супружескою нѣжностію ласкалась къ Вельямнскому.

Обычные визиты удаляли *молодыхъ*. Конспанншигъ задумчиво расхаживать по комнатамъ — все было пусто для него опущеннѣемъ одной Елены! онъ омотрѣлъ на ея пальцы, разсѣянной рукою ударить по ея гитарѣ, опкрытъ ея форпелъно — все памятники ея сущесствования казались погруженными въ праздное уныніе! нигдѣ не видно было ея; нигдѣ не было слышно нишаго шума ея легкихъ шаговъ; какъ будно никогда ея сладкозвучный голосъ не раздавался въ энихъ пространствахъ — и между нѣтъ она вездѣ мечталась ему; вездѣ онъ чувствовалъ близость ея непаго духа и, мнилось, воздухъ въ эномъ домѣ благоухалъ ея чешной жизнью. Онъ ужа-

спулся глубины своего чувства къ ней ; мысль, что онъ можетъ бышь обмануть свое сердце софизмами ума, мелькнула въ его головѣ... Онъ не хотѣлъ проникнуть этой мысли, чувствовалъ необходимость удалиться, объявилъ семейству Кондоріопти, что, по домашнимъ обстоятельствомъ, ему надо ѣхать на берегъ Финскаго залива, обѣщавъ не забывать ихъ и воротиться къ нимъ, какъ скоро можно будетъ, и вырвался наконецъ изъ гнѣзныхъ объятий отца, матери, Елены и Вельяминскаго.

Образъ прежней невѣсты сопутствовалъ ему. Для разсвѣтил онъ заѣзжалъ къ свой старый полкъ и, угощая обрадованныхъ ему товарищей занимательными разсказами о Греческой войнѣ и о своихъ собственныхъ въ то время походовъ, онъ мало по малу забывалъ послѣднее, важнѣйшее событіе своей жизни, и съ радостію замѣчалъ, что оно не исключило его изъ веселаго круга юношескихъ пир-

шествъ. По мъръ сердечнаго успокоенія повеличивалось въ его умъ отреченіе оупъ Елены и укрѣплялась увѣренность, что оупъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ добраго геніуса; и что оное произшествіе займетъ первое мѣсто между лучшими воспоминаніями его жизни.

Товарищи принимали живое участіе въ судьбѣ своего Кондоріопти: «Такъ воптъ что танлось въ эпомъ мрачномъ нелюдимъ, коого мы не умѣли разгадать и оцѣнить по доступности!» Чупобъ примириться съ его благородной пѣнію, они наняли его прежною кварипиру, обили ее чернымъ сукномъ, украсили блестящею арматурою и, при богатомъ освѣщеніи, три вечера сряду совершали по немъ великолѣпную призну. Самъ почтенный Полковникъ участвоваль въ эпомъ номинальномъ пиру. Круговья бесѣды, будучи полнымъ отраженіемъ быпія Леонида, сосредоточивались въ эпихъ словахъ: «Истинный Герось Греціи,

онъ жилъ между нами въ тихомъ величїи
 древяго Папрїотизма! « Восклищанїя:
 »Честь и слава тебѣ и вѣчная память!«
 сопровождались шумными звуками трубъ.
 Константинъ, поднявъ палипой бокалъ,
 промолвилъ поржественно: «Благородный
 мученикъ! явился къ намъ изъ гѣдръ зем-
 ли, какъ Коринѣская невѣста, искать
 не наслажденнаго счасїя жизни и пей,
 какъ она, наше земное, веселое вино!
 Ты не хочешь вина: ты досыта напился
 Турецкой крови! Ты, незримый, между на-
 ми — чувствую близость твою... Ты ве-
 лись мнѣ самому выпить бокалъ!» —
 Въ третїей вечеръ, въ самую полночь, Ле-
 венъ вспалъ, опѣ имени своего друга бла-
 годарно откланиваясь любезнымъ поварни-
 щамъ осушенїемъ послѣдней чашп, кон-
 чилъ тризну и, еще разгоряченный виномъ,
 все это подробно описывалъ въ письмѣ къ
 старому Кошдорїоппи: «Вѣрно эти воен-
 ные поминки по незабвенномъ сынѣ изгле-

купъ великія слезы изъ очей благороднаго отца и сладкія слезы изъ глазъ нѣжной матери и моей милой Елены! « думалъ Коштаннингъ; » скажутъ обо мнѣ: Добрый человекъ! онъ не забылъ своего погибшаго друга и по смерти достойно возвеличить его въ памяти прежнихъ товарищей! « Сія мысль преимущественно занимала его во всю дорогу до Ревеля.

Онъ пріоспановиля на сосѣдственной высотѣ и печально глядѣлъ на древній, опещескій городъ, гдѣ возвышались вѣковыя стѣны и лѣсъ изъ мачтъ, украшенный многоцвѣтными флагами и вымпелами. Бывало, при величавыхъ колокольных главами достигли до небесъ! одной — величайшей — шпѣть! онъ воображалъ странно-великолѣпное среди пламени паденіе Св. Олая, зажженнаго грозою! Ревель, лишенный своего главнаго украшенія; его семейство, лишенное главы въ лицѣ недавно умершаго отца — онъ тяжелою мыслию сближалъ эти два про-

изшествія—и, при вѣздѣ, ему казалось, что родимый городъ болѣзненно спѣснялся домами, съ крупными, высокими кровлями. —

Сидя у раствореннаго окна въ пракпирѣ золотого Льва, онъ равнодушно глядѣлъ на проходящій по улицѣ народъ. Опѣ чего вдругъ блеснулъ огонь въ его взорѣ? онъ видитъ дѣвушку спройную, милую, но чрезвычайно печальную... «Ты ли? Грехенъ!» Она узнала его и вошла къ нему; онъ обнялъ ее: «Здравствуй, другъ мой! бѣдная Грехенъ! что съ тобою? опѣ чего ты такъ печальна и бѣдна?» Она съ прудомъ вымолвила слова: «Милый губищель мой!» и заплакала.

Разскажемъ ея повѣсь въ немногихъ словахъ. Спрашый съ нею поснунокъ Левена, какъ-то сдѣлавшійся гласнымъ, обезславилъ несчастную — но она смѣялась надъ мнѣніемъ міра и прожгла нѣсколько лѣтъ, горделивою и славной Геперой, предаваясь только избраннымъ ея любовію

юношамъ. Съ нею приключилась первическая горячка: докпортъ, сострадая грѣшной душѣ ея, предложилъ ей причаститься Священныхъ Таинъ. «Ахъ! Я должна умереть!» думала она и, въ ожиданіи Паспора, мучительнымъ пламенемъ раскаянія очищала душу. Она молилась: «Боже! если тебѣ не довольно моего поздняго раскаянія, по протии мои дни: даю тебѣ объщъ: добродѣтельной опыты жизни искупить заблужденія моей юности!» Господь услышалъ ея молитву — она вспала съ одра спираданій — и когда она, вѣрная своему объщю, заслужила прощеніе неба — отъ чего же люди не снимаютъ съ нея пятоспной опазы? юноша пройдетъ мимо и не посмотритъ на нее взглядомъ любви! Она живетъ трудами рукъ своихъ, иногда пощщаетъ подругу; видитъ, какъ она счастлива замужемъ, какіе мнѣые у нея дѣти — и, возвращаясь домой, мечтаетъ о пошеряиномъ блаженствѣ и погружаетъ

ся въ печаль. И теперь она шла опть этой подруги.

«Ужели супружеская жизнь такъ мила?» спросилъ Левенъ, далеко улстая мечпою. «Прости мгъ, Грешкенъ: я разрушилъ стройное здание твоей жизни! Подумаешь немного и сообразивъ, сколько онъ виновенъ передъ нею, онъ, для возвращенія ей гражданской чести, предложилъ свою руку. Добрая Грешкенъ не хогъла этой жертвы, изъ уваженія къ людскому мнѣнію и, болъе всего, къ его больной матери. Дѣло кончилось шѣмъ, что онъ, изъзначивъ ей значительное приданое, выдалъ ее за своего управителя, человека среднихъ лѣтъ, хорошаго, благоразумнаго, и помогъ ему записаться въ купцы. Онъ иногда посѣщалъ ихъ: они принимали его, какъ благодѣтельнаго творца ихъ взаимнаго счастья. Прелестное лице стройной Грешкенъ, блѣдное и завялое опть поски и воздержанія, во второй разъ пышно раз-

цвѣло на вѣку юности : такъ дважды въ одно лѣто цвѣтеть Песпумская роза !

Когда скончалась его мать, чей истекающій вѣкъ услаждался нѣжной любовію единороднаго сына, Левентъ, въ своемъ опідовскомъ помѣстьѣ, созерцательною жизнію обогащая свое одиночество, непримѣнно приготовлялся душою къ принятію ему дошолъ неизвѣстныхъ впечатлѣній. Повѣряя милыя къ нему письма Елены, дышавшія тихимъ блаженствомъ любви, съ занимательною картиною семейственнаго счастья своей Царицы розъ, онъ начиналъ понимать нѣжное, ровное чувство супружескихъ веселій, хотя еще и не зналъ, какъ примѣнять оное къ странностямъ своего характера. Однакожь Анна замѣчала, что онъ уже вслушивается въ кругъ обыкновенной жизни, и что самыя выходки, на коихъ еще оплѣсывается его первобытный нравъ, уже смягчаются легкою отпѣшкою какого-то сердечнаго умиленія.

Госпн, торжествовавшіе когда-то праздникъ розъ, разошлись и заперлись по свѣту и въ могилахъ! они оба остались послѣдними, живыми, еще юными памлпшиками прекрасной идеи, представленной въ формѣ современной идилліи. Это тихое чувство нѣкоего сиротства, сія роскошная картина незабвеннаго вечера, во дни безнечной юности, освѣщала и укрѣпляла ихъ родственную дружбу: ихъ души взаимно проникались живописнымъ лучемъ сихъ воспоминаній. Знали ли Констаншинъ, что этимъ романтическимъ пристрастіемъ къ Царицѣ розъ онъ отвлекалъ жаръ души своей отъ другаго предмета? Онъ воспоминалъ объ Еленѣ, не свѣплымъ, посполнымъ чувствомъ идеальной дружбы, какъ ему хотѣлось, но мимолепнымъ чувствомъ какого-то благоговѣйнаго безнокойства: онъ не воображалъ ея лица, но зналъ, что ея образъ спитъ въ его душѣ очарованнымъ сномъ, за священной завѣсою су-

пужества . . . Таковымъ нашъ Левенъ оспавался въ продолженіе двухъ лѣтъ.—

Наконецъ, уже ни чѣмъ не могши своего долгаго отсутствія извинить передъ семействомъ Кондоріопли, ожидающимъ его съ умилительнымъ нетерпѣніемъ, онъ собрался въ путь, совершенно увѣренный, что и Елена манитъ его только милымъ зовомъ дружбы. Вѣроятно онъ думалъ, что она, супруга-мать, уже не можетъ ему напомнить прежней невѣсты, и что на ланпахъ ея уже исчезла пѣвчая, очаровательная финифть первой юности.

Было опять весеннее время. Константинопль приближался къ знакомымъ мѣстамъ: его душа растворялась сладкимъ дыханіемъ любви . . . Сердце безпокойствомъ забилось, когда въ отдаленіи онъ увидѣлъ Черное море. — Онъ оставилъ коляску въ деревнѣ и пошелъ черезъ садъ, чпобъ неожиданно предстать передъ своихъ друзей. Тамъ встрѣтилась ему няня, съ ма-

малюпкою на рукахъ: это было дочка Елены, вся въ прекрасную машь! » Милое существо, созданное изъ души моей Елены! « воскликнулъ испуганный Константинъ, взявъ улыбающуюся малюпку на руки, пошелъ съ нею нѣсколько шаговъ . . . и вопль! передъ нимъ сама Елена — та же стройная, юная, прелестная! . . .

Малюпку держа на одной рукѣ, онъ другою крѣпко прижималъ ко груди нѣблизительную машь, горящую восторгомъ . . . въ это чудное мгновеніе внезапно промолвилъ внутренній голосъ: » *Она могла быть твоей женою* — и это дитя было бы *твое!* « Сими словами объяснилось все, что до тѣхъ поръ было темною и загаочною въ его страсти: священныя чувства супруга и отца, столь живо имъ понимаемая въ сей роковой моментъ, двойнымъ факеломъ истины озарили всю великость отверженнаго блага — о какъ больно было сердцу! . . . Онъ хотѣлъ радостно отвѣчать невиннымъ ла-

скамъ и поцѣлуютъ Елены, и ея сердечнымъ восклицаніемъ : » Мой милый Левенъ ! « онъ не могъ : умиленіе подавляло его слова. Казалось, она того не замѣчала, за суетливостію свиданія. » Опдай малюпку нягъ ! « просила она, » и пойдемъ поскорѣе обрадовать нашихъ ! « Исполнивъ волю ея, припворно внемля ея рѣчамъ, онъ молча говорилъ ей : » Ужели ты не помнишь, что было, шестъ лѣтъ тому, въ этой самой аллеѣ, по которой идемъ теперь ? ужели ты счастлива до того, что совсѣмъ забыла, какъ здѣсь, въ моихъ объятіяхъ, ты заплакала отъ восторга любви ? О женщины ! «

Его пріѣздъ, будучи праздникомъ веселія и дружбы, для семьи Кондоріопити, былъ для самого Константина порожественный день небесной кары. Днемъ онъ скрывалъ свое несчастіе подъ личиною веселаго лица, а ночи его были бессонныя и тяжелыя. Нельзя было не замѣчать его перемены. Родителямъ и Еленѣ онъ говорилъ :

»Моя задумчивость происходитъ отъ моего характера: я отступилъ отъ страсти къ необычному — и еще не привыкъ къ обыкновенному; житейская опытность наспраиваетъ мои сердечныя струны на другой тонъ: отъ этого на время пресъклась рѣзвая игра моей жизни!» Вельяминовскій не довольствовался этимъ опытомъ своего почти обожаемаго друга; онъ не зналъ, что своимъ небеснымъ счастьемъ обязанъ великодушію Левена, по невольному порывался къ нему сердцемъ: чувство есть опкровеніе!» Такъ что жъ тебѣ сказать? мой добрый Евгений! Счастье есть лампада въ свѣтъ лица сердца: мудрое Провидѣніе отпѣрило для нея елей на цѣлый вѣкъ смертнаго; ея назначеніе — тихо горѣть, и догорѣть въ минушю преспавленія! Я не былъ доволенъ этимъ скромнымъ блескомъ, хотѣлъ болѣе свѣта и жизни... мой елей, вспыхнувъ пламенемъ, испощился преждевременно... лампада по-

гасла — и въ сердцѣ темно!.. Къ этому еще присовокупляется раскаяніе другаго рода: (чтобъ совершенно удовлетворить безпокойное любопытство Вельяминскаго, Левенъ здѣсь выдаепть за свое, случившееся съ однимъ изъ его пріятелей, нѣкоторымъ образомъ примѣняя это къ поступку съ Гретхенъ.) Я легкомысленно обольстилъ прекрасную дѣвушку. Послѣ шестилѣтняго отсутствія, возвратившись на родину, узналъ я гибельныя слѣдствія сего грѣха: несчастная сдѣлалась чадоубійцею — и если не умерла, то гонимъ поминся въ пляской ссылкѣ! Мнѣ случилось видѣть ея отца, уже безчаднаго! онъ съ царственною твердосіію переносилъ свое несчастіе, никому не жаловался — но меня мучилъ нѣмой укоръ его долговѣчной грусти! Я молилъ его проклятія — онъ считалъ это слишкомъ легкимъ наказаніемъ: онъ убилъ меня своимъ всепрощающимъ благо-

словеніемъ — и отшелъ опть міра! ... Теперь ты знаешь все! « —

Тихая грусть испощевала душевныя силы Константина. Уъхать бы далече! да развѣ не все равно? судьба совлекла покрывало съ лица Истины: онъ знаетъ, онъ споль глубоко чувствуетъ, что цѣлый вѣкъ его вездѣ будетъ тяжелымъ по Еленѣ вдовствомъ, которое немного умягчаепся ея милымъ присуствіемъ. Она весела и счастлива : такъ онъ долженъ ей прощати забвеніе первой любви, хопя его сердце и ропщеть на нее. —

Какъ знать? можетъ бытъ и она страждеть тайно! она часпо задумываепся; въ ней замѣтно тихое безпокойство. — На одипокон съ Левеномъ прогулкѣ она, послѣ долгаго съ обѣихъ спорон молчанія, наконецъ рѣшиласть ему сказать шихимъ, препетнымъ, умильнымъ голосомъ: «Мой незабвенный другъ! уѣзжай опть насъ: я не знала, что твоя близость такъ онасна!

Я была счастлива!... Съ тобою улетишь
превозможная мечта о нездѣнномъ счастьи...
съ меня опять будетъ довольно любви
Евгенія: опъ добръ, какъ ангелъ! —

Константины уѣхалъ. Елена понынѣ не
знаетъ, что онъ отреченіемъ опъ не
погубилъ свое сердце: это незнаніе по-
могло ей успокоиться, о чемъ свидѣтель-
ствуетъ ея послѣднее къ Левену письмо.
Она опять весела и счастлива, но вѣро-
ятно еще боится за свое сердце: она не
проситъ къ себѣ друга, коего четыре го-
да не видала; а Константинъ, по усло-
вію, не поѣдетъ, безъ ея приглашенія.

Онъ показывалъ мнѣ портретъ Елены
— до того прелестный, что посланціи его
на груди не долженъ бы сказать, что онъ
одиночествоуетъ въ мірѣ. Говорю своему
другу въ утѣшеніе: »Необыкновенный че-
ловѣкъ не могъ быть счастливъ обыкно-
веннымъ образомъ! энопъ горькій опытъ
убѣдилъ тебя въ священной истинѣ, что

есть только единое для сердца счастье: то, которое обрывается миллионами, по широкой сплесь обыкновенной жизни:—ты для сего счастья созрѣваешь подъ зноемъ грусти! Ты еще молодъ: тебѣ только двадцать второй годъ: какъ знать, что жизнь еще сдѣлаетъ изъ тебя!» — Ахъ, отвѣчалъ онъ: можетъ быть и мое сердце успокоилось бы въ тревогахъ послѣдней Турецкой войны, еслибъ мое присутствіе не встревожило Елены, еслибъ она не сказала: *»Улыбайся отъ насъ!»*

Баронъ Розенъ.

С О Н Ъ.

» То *мртвеца* надъ *жизнію* смѣлясь!

(*Неизвѣстный*)

Ночь была ни шемца ни свѣшла, одна-кожъ предметы различать было можно. Осень похитила всю роскошь у лѣсна: обобрада лисня съ деревъ, зажелшила луга, обнажила нивы. Я скипался, унымый какъ природа, по полямъ, по оврагамъ. Въперъ взвѣвалъ полы и ворошникъ моего плаща, дулъ мнѣ въ спину и кричалъ по щелямъ и въ пуснопахъ деревъ, отчаянно, какъ человекъ, копорого губянтъ въ пусныгъ.

Вдругъ очунился я гдѣ-то. Кресты, могилы, близость храма — показывали кладбище. Я уже былъ въ оградѣ церкомой!

Но не пѣніе храмовое, какой-то *другой* шумъ раздавался вокругъ меня. Спою, вслушиваюсь это смѣхъ, и какой! рѣзкій, ужасающій хохотъ! Большое общество разговаривало *едль-то* и смѣялось, хлопая, или лучше сказапъ, производя прескъ, не знаю чѣмъ, подобный звуку Испанскихъ каспаньетовъ. Я былъ въ недоумѣніи. Но вопль рисуется что-то въ воздухъ: почтенное, ласковое лице, длинная сѣдал, борода, однимъ словомъ: *Старецъ!* Опъ подходилъ ко мнѣ: Не бойся, *живой!* « говорилъ онъ: » То мертвецы надъ жизнью смѣются! « Я не понимаю пвоихъ словъ, сказалъ я ласковому спарику. » А вопль увидишь, пойдемъ! « Тутъ помазалъ онъ мнѣ глаза какимъ-то соспавомъ и я увидѣлъ! Общества мертвецевъ, вышедшихъ изъ могилъ, сидѣли дружелюбно кружками, въ нѣсколькихъ мѣснахъ. Каждый былъ *оставъ*, собраніе косней безъ пѣла! Ихъ лысыя головы кивали на позвонокахъ былыхъ шей

и костляныя руки хлопали. Улыбка не могла являться на устахъ безпѣлыхъ, но рѣзкій, какъ свистъ, и пронзительный хохотъ выходилъ изъ отверстій, по большой части, беззубыхъ. Что они дѣлаютъ? спросилъ я. — Это бѣдные горемыки, которымъ на землѣ ни въ чемъ не было удачи. Здѣсь въ день *землаго рожденія* каждого, имъ дозволено собираться у могилы того, чей праздникъ. При такихъ случаяхъ разказываетъ онъ господамъ *свою земную жизнь*, ея превращенности, неудачи; свои завѣтные мечты, несбывшіяся надежды и, когда оканчивается повѣсть, всѣ восклицаютъ: »Такъ эпо — то жизнь!« и тутъ начинается хохотъ и хлопанье костлявыми руками. Этой невниною пошлостью они мещаютъ жизни за ея неустойки въ договоръ о счастьи. Такъ они пребываютъ *здѣсь*, не довольно грѣшныя, чтобъ погрузиться въ адъ, не довольно праведныя, чтобъ воспарить въ небо. Но есть въ году одинъ

•

день, во днѣ одинѣ часѣ, въ часѣ одна минута и въ минутѣ одно незамѣтное мгновѣніе, когда слезаетъ Ангелъ Божій съ яркимъ свѣшмыльникомъ въ рукахъ. Онъ зажигаетъ его на солнцѣ правды и, принося долу, открываетъ несчастнымъ истину, говоритъ *одно тайное слово*, и несчастливые горько рыдаютъ, получая неутолимую жажду къ *высшему бытію*. Топъ, въ комъ жажда сія усиливается, болѣе другихъ, возносятся вверхъ, остальные, съ оплехомъ Ангела, погружаются опять въ прежнее свое безуміе. « Старикъ умолкъ. Въ это время проходило ирелестное существо—красавица! казалось—при ея приближеніи, мѣсяцъ прорѣзался сквозь густое облако и звѣзды, какъ пищицы, спландами спорхнули со всѣхъ семи небесъ на видимый горизонтъ. Это была дѣвица цвѣтущихъ лѣтъ, очаровательной наружности, одѣтая въ волнистую, голубую одежду, какъ будто изъ полосы неба выкроен-

ную; она несла въ рукахъ золотой сосудъ, покрытый платомъ, цвѣта упренней зари и опущанный вязью изъ розъ свѣжихъ, еще не распустившихся. Она шла медленно, съ необыкновенною пріятностью, и ласково на всѣ стороны разкланивалась. Это сама *Жизнь!*« сказалъ мнѣ спарець. Пупница поклонилась и обществу костяныхъ собесѣдниковъ. Казалось, она предлагала и имъ дары свои. Но лишь только одинъ изъ круга произнесъ: »Это Жизнь!« — какъ всѣ начали хохотать и хлопать: »Иди, иди, смазливая обманщица! обольщай міръ и глупыхъ съ теплою кровью! мы тебя знаемъ!« — Я не могъ долѣе сносить сего отвратительнаго явленія и пошелъ домой. Встрѣчные прохожіе оспазавливались съ какимъ-то чувствомъ страха и любопытства и слушали на кладбищѣ непонятный для нихъ шумъ. Они приписывали его движенію въпра въ церковныхъ погребахъ, или крику совъ и филиновъ. Но я зналъ,

что *та.мъ* было : » по мершвцы надъ жи-
знию смѣялись! « Такъ сказахъ я самъ се-
бѣ — и пробудился! —

Ө. Глима.

СТРАННОЕ ЯВЛЕНІЕ ВЪ ПРАВ- СТВЕННОЙ ПРИРОДѢ ЧЕЛОВѢКА.

(Отрывокъ.)

... Вся жизнь моя кинулась въ голову : въ головѣ возстала какая-то буря. Безпрерывно кружась и свирѣпствуя, она не давала мнѣ ни чинять, ни утѣшаться, ни наслаждаться тихими соображеніями. Ничто судорожное, порывистое обладало мною. Казалось, что какой-то великій, неукротимый вихрь раздробилъ вселенную и мчалъ опломкни ея мимо меня. На минуту они остановились, я ихъ созерцалъ... они быспро смѣялись другиму. Въ семь безпорядочномъ, но послѣдовательномъ ходѣ были страшныя случайности : иногда представлялось мнѣ не

бесное—и вдругъ палешали картины слишкомъ земныя. Спраны свѣта, эпохи Исторіи также смѣнялись, какъ движущія панорамы: видамъ Италіи мчалась на смѣну пустыни Африки; тихимъ, спокойнымъ долинамъ нѣняцілся моря, на коихъ бѣдснвуетъ заблудшійся корабль. Изъ преданій время: Греція, Римъ, Скены въ кибиткахъ; Сократъ въ пещицѣ; Миприданъ, ведущій рати по зыбкимъ болошамъ Понта; жрецы Египетскіе въ ихъ длинныхъ процессіяхъ и Христіане въ мукахъ—представлялись, одни за другими. Наконецъ, мало по малу, пишина подворялась; грудь согрѣлась, голова освѣжѣла; умъ воспріять свои права; все мутное, смѣшенное, какъ вода весенняя, сбѣжало. Наспала ясность съ пишиною умилительною. —

Федоръ Глинка.

РЫЦАРИ ХРАМА.

Когда рыцарство отклонялось отъ пути своего, когда пороки уже глубоко пускали свои корни, когда своскорыстіе было побужденіемъ во всѣхъ дѣлахъ рыцарей, сихъ незванныхъ защитниковъ правоты и безсилія — тогда явились ревностныя блюстители рыцарскихъ добродѣтелей, для поддержанія коихъ учреждали споль же мечтательныя духовно-воинскіе ордены. Завоеваніе Іерусалима дало прочное основаніе и силу симъ обществамъ: старшій и сдва ли не сильнѣйшій въ свое бремя, былъ орденъ *Рыцарей храма*.

Сей орденъ получилъ основаніе свое 1118 года въ Іерусалимѣ. Гюгъ де Пайансъ и Гоп-

Фридь де Санкшъ-Ульдемаръ, и семь другихъ рыцарей, соединившись между собою, дали Папріарху Іерусалимскому при клятвенныхъ обѣщаніяхъ: жить въ бѣдности, хранить цѣломудріе и быть покорными; службу избрали они — защитицу богомольцевъ и безопасность дорогъ, для путешествующихъ въ Святую Землю. До 1127-года они никого не хотѣли принимать въ свое сообщество, боясь, что съ умноженіемъ членовъ водворятся и усилятся пороки. Но когда Св. Бернардь, Аббатъ Клервскій (de Clairvaux) и Папа Гонорій II дали имъ, утвержденныя въ семь году Тройскимъ Соборомъ (de Troyes) правила, и Великаго Магистра, тогда вступленіе въ сей орденъ было разрешено. Впрочемъ, при семь принятіи, долго наблюдали чрезвычайную разборчивость, такъ, что въ 1180 году было только 300 рыцарей храма, хотя многіе знатные рыцари и дворяне искали сего достоинства, хотя безчисленное множество слу-

жили въ семь орденъ , въ званіи служащихъ брашьевъ.

Знакъ опличія рыцарей храма былъ крестъ на плащъ , данный имъ Евгеніемъ III; а главныя правила ихъ — кромъ уже извъ-сннхъ — предписывали : 1-е) Рыцари посвящаютъ всю жизнь на службу Богу и Его святой Церкви ; 2-е) поелику въ числѣ ихъ начальныхъ обшповъ была безо-пасность странствующихъ богомольцевъ , по , когда сія обязанность — равно какъ и всякая война съ невѣрными — опзывала ихъ въ поле , опть первой они освобождались , поручая опую одному изъ собратій — *Па-теру* ; 3) они должны чепыре дня въ не-дѣлю содержать постъ ; 4) рыцарь не могъ имѣть болѣе трехъ лошадей и одного ору-женосца ; 5) строго запрещались звѣршая охона и инцеловство.

Сначала рыцари сіи назывались , по при-чинѣ бѣдности , *Нищіе святаго Гроба* ; по-томъ , когда Балдуинъ II , Король Иеруса-

лимскій, далъ имъ часть дворца, которая прилежала къ древнему Соломонову храму, они получили названіе рыцарей храма (Темпліеры). Первое названіе не долго могло имъ приличествовать: такъ какъ они всю жизнь свою посвящали Богу и ближнимъ, то и должны были жить подаліями; а потому Короли Іерусалимскіе и Европейскіе, вельможи и даже духовенство, безпрестанно доставляли имъ великіе, единовременные и постоянные, доходы.

И такъ чрезмѣрное усердіе дателей, ихъ желаніе: способствовать намѣреніямъ и успѣхамъ сего ордена, содѣлалось главной причиной опустошенія его опъ первыхъ обѣтовъ. Рыцари храма пріобрѣли несметныя богатства, а богатый рѣдко бываетъ крошккимъ, покорнымъ и умѣреннымъ. Когда еще Христіане владѣли Іерусалимомъ, орденъ сей, мѣстопребываніемъ коего была Святая Земля, имѣлъ нѣсколько тысячъ помѣстій въ Азіи и въ Европѣ. Но послѣ

паденія Христіанскаго владычества въ Палестинѣ (1186), орденъ разсѣлся по Европѣ. Здѣсь всѣ Дворы, а за ними и богатое дворянство, старались перещеголять другъ друга въ вознагражденіи рыцарей за пошеряныя владѣнія на Востокѣ. Скоро сила и богатство Тамплиеровъ возрасли до невѣроятности: въ концѣ 13-го столѣтія, по увѣренію Историковъ. они имѣли болѣе 9000 монастырей и богатыхъ помѣстій, со всеми угодыми и деревьями. Важнѣйшія Государственныя должности вездѣ были въ ихъ рукахъ; воюющія между собою Правительства занимали у нихъ огромныя суммы. Сполнъ великое могущество родило въ нихъ гордость и страсть къ пышности, а военная жизнь и безбрачіе приучили ихъ къ необузданнымъ желаніямъ удовольствій.

Политическая значительность Тамплиеровъ давно возбуждала зависть, а невоздержный образъ жизни далъ поводъ, въ послѣдствіи, къ явному противъ нихъ ропо-

ту Французскаго Правительствa. Когда же они отказались повиноваться Иерусалимскому Патриарху, отъ котораго они всегда зависѣли и коему платили дань, — то враги ихъ воспользовались симъ случаемъ и разсѣвали, въ порицаніе ихъ, то вымышленные, то истинные, но преувеличенные слухи. Наконецъ зависть и злоба до того возрасли, что Филиппъ Прекрасный, Король Французскій, твердо рѣшился уничтожить сей орденъ. Искали случая и благовидной причины; обстоятельство показали то и другое.

Частыя войны и худое управленіе финансами совершенно разорили Францію. Тяжесть безпрерывно увеличиваемыхъ налоговъ возбудила въ Парижѣ бунтъ (1206); Тампліеры, какъ хранители Королевскихъ сокровищъ, были объявлены виновниками возмущенія; преимущественно же Король обвинялъ рыцарей за вспомошествованіе большими суммами денегъ Палъ Бошфа-

тію VIII, съ которымъ онъ былъ въ распрѣ, и за явное порицаніе двухъ Королевскихъ любимцевъ: Энгерада Мариньи, правителя финансовъ, и Стефана Барбета, который былъ главнымъ Парижскимъ судьей, и начальникомъ монетнаго двора. Сихъ причинъ было достаточно, для Французскаго Правительсва, къ обвиненію рыцарей, но недостаточно для того, чтобъ нанести рѣшительный ударъ ордену, разсыпанному во всѣхъ странахъ Европы.

Филиппъ былъ гордъ, жестокъ, мститель, хищръ, корыстолюбивъ, распущенъ, и Министрамъ своимъ позволялъ всѣ средства, для снабженія его деньгами. Теперь, удовлетворяя требованіямъ своей души и сундуковъ своихъ, онъ составилъ планъ мщенія, чтобъ присвоить себѣ большую часть богатствъ ордена. Найдены обвинители, которымъ было вѣрено сіе дѣло. Первые два были: Гери-

берпъ, бывшій Монфокопскимъ Пріоромъ, и Нофодій, ошесупники сего ордена, содержавшіеся въ шемницъ за пресшунленія. Они, явившись, иребовали внесши ихъ къ Корюлю, для опкрыпія важной шайны. Филлигъ выслушалъ доносчиковъ, припворился изумленнымъ, ни въ самомъ дѣлѣ былъ изумленъ необыкновенною наглостію клеветниковъ; но, желая превзойти ихъ въ лицемеріи, угрожалъ имъ казню, ежели доносъ окажется ложнымъ; они оспались упорны, ибо были увѣрены въ его желаніи. Тогда Король, по донесенію сихъ насмныхъ свидѣтелей, приказываетъ всѣмъ уѣздымъ судьямъ Королевства и начальникамъ округовъ усиленъ вооруженную стражу, и мѣшъ всегда въ готовности сильныя конвои; посылаетъ шайныя повелѣнія, запрещающа, подѣ опасеніемъ жизни, опкрывать оныя до 13 Октябрю 1309 года.

Между тѣмъ Король и его совѣшники дѣйствовали со всѣмъ жаромъ рѣшишель-

ныхъ заговорщиковъ. Они искали доносчиковъ, платили имъ большія деньги, или прощали ужасныя преступленія, для склоненія на свою сторону; убъждали къ тому другіе Дворы, словомъ: подводили всевозможныя пружины, чпюбы всею силою двинушь въ свое время машинну заговора.

Наконецъ наступаетъ срокъ (13 Октября 1309 года). Чиновники, давно получившіе тайныя повелѣнія, распечатываютъ оныя, въ исполненіе коихъ схватываютъ и заключаютъ въ темницы всехъ во Франціи находящихся Тампьеровъ, описываютъ на имя Короля все ихъ имущество, все богатства, не исключая даже и того, что находилось только въ ихъ завѣданіи, или управленіи. Являются двѣсти одинъ свидѣтель, которые все единогласно — ибо они даже уже выучили свои роли — доносятъ, что посвящающіеся въ таинства сего ордена отрекаются Христа, плюютъ на крестъ, поклоняются утвер-

жденной на чепырехъ ногахъ золотой головѣ; показываютъ, что повичекъ, при вступленіи въ сіе общество, долженъ имѣть воспріемникомъ опытнаго рыцаря, котораго онъ цѣлуешь въ грудь и другія части плѣа. Таковы, и еще болѣе нелѣпы, болѣе отвратительны были показанія наемниковъ. Несчастливыхъ лишили всѣхъ средствъ къ оправданію, не уважили, даже не выслушали прощиву-показаній; всѣ вещи, всѣ бумаги, могущія служить къ обличенію клеветы, отобраны и сожжены.

Папа, Климентъ V, сначала показалъ сопротивленіе; хотѣлъ доказывать, что нечестивцевъ можетъ карать только церковь; но, будучи пвореніемъ Филиппа, и надѣясь получить, за уступку правъ своихъ, наличной монеты, онъ вступилъ въ союзъ съ Королемъ и самъ допрашивалъ 72 рыцарей, учредилъ для сего особаго судилища, повелѣлъ Инквизиціи дѣйствовать всею силой, послалъ ко всемъ Дворамъ Европы

Буллы, перебуя ихъ содѣйствія; но, кромѣ Франціи, на сей разъ нигдѣ не рѣшились погубить сихъ несчастныхъ. Во владѣніяхъ же Папы и Филиппа ни одинъ богатый Тамплиерь не избавился сего ужаснаго суда; даже Великій Магистеръ сего ордена и многіе командоры: Французскій, Нормандскій, Кипрскій и другіе должны были подвергнуться допросамъ и испытаніямъ. Многіе изъ сихъ несчастныхъ, не вытерпѣвъ жестокихъ мученій, клеветали сами себя. 74 рыцаря, не обвиняемыхъ и не перебуемыхъ къ суду, явились сами, чинящъ защищать своихъ собратій. Они требовали, для обвиненія ордена, не словъ безчестныхъ и гнусныхъ преступниковъ, избавляющихся симъ лже-свидѣтельствомъ отъ эшафотовъ и висѣлицъ, — но показаній людей честныхъ, по разсмотрѣніи орденскихъ бумагъ и дѣлъ; требовали предъавленія предъ судъ той золотой головы; приводили въ свидѣтели служившей Алнаря Хри-

стова, людей дознанной честности и благочестія, истинныхъ поборниковъ Вѣры, извѣстныхъ въ Европѣ и Азїи; свидѣтельствующихся самой Вѣрой, для которой они жили, которою питались и за которую проливали кровь; говорили, что шалости и даже распутства немногихъ молодыхъ людей, каковыхъ много въ каждомъ сословіи, не дають права на истребленіе цѣлаго сословія. Но услышатъ ли тамъ голосъ истины и закона, гдѣ раздастся ужасный ревъ мщенія и корысти? Имъ не вынимали! несчастные гибли!

Не имѣя возможности и надобности исчислять всѣхъ погибшихъ, заглянемъ только въ Инквизицію Парижскую. Тамъ Вильгельмъ Кордельеръ съ другими Инквизиторами, допрашивая, замучилъ сто сорокъ одного рыцаря, а пятьдесятъ девять рыцарей, которые гнушались принять жизнь — съ условіемъ: обвинить орденъ — сжегъ въ одинъ день, близъ монастыря Св.

Анжонія. 18-го Марта (впорникъ) 1314 года, выведены на то мѣсто, гдѣ теперь памятникъ Генриху 1V, 72 рыцаря, и съ ними самъ Великій Магистръ, знаменитый Яковъ Молѣ, и Великій Пріоръ Нормандскій, Гидо. Предъ глазами ихъ пылалъ костеръ; клубящееся съ шумомъ пламя предвѣщало ужасную смерть. Прочитаны показанія свидѣтелей и собственное признаніе Великаго Магистра. Сей маспитый спарецъ, славный прямодушіемъ и храбростію, громко кричалъ, что онъ никогда не дѣлалъ подобнаго признанія, хотя вытерпѣлъ всѣ роды мученія; что Кардиналы, исполнители сего вѣроломства, превосходятъ всякую мѣру безсовѣстія. Наконецъ, возведши Молѣ и Гидо на возвышенный эшафотъ, объявили имъ, что здѣсь всенароднымъ только признаніемъ въ показанныхъ преступленіяхъ ордена они могутъ отклонить отъ себя произнесенный уже приговоръ, осуждающій ихъ на сож-

женіе. Сін два сирадалыца, посѣдѣвшіе въ дѣлахъ чести и правды, съ презрѣніемъ отвергли предложеніе, дающее имъ поспѣдную жизнь, и клялись въ невинности ордена. Таковая твердость раздражила убійць — и несчастные брошены въ пламя. Они умерли, взывая къ Богу-свидѣтелю ихъ невинности и злодѣяній ихъ гонителей. Одинъ владѣтельный Графъ, оклеветанный въ кровопролитствѣ Рыцарямъ, безопасно покоясь въ объятіяхъ молодой супруги, въ полночь схваченъ и преданъ былъ Инквизиціи подкупленными рабами своими. Подданные, оставшіеся вѣрными, сбѣжали на крикъ Графа; завязалась битва во всѣхъ углахъ замка : неприготовленные защитники были всѣ изрублены предателями и Королевскими солдатами. Черезъ нѣсколько дней Графъ, кровопролитствуемый Королевой, былъ вынужденъ изъ Инквизиціонной тюрьмы; спѣшить домой — но какимъ ужасомъ былъ пораженъ освободившійся

изъ адскихъ когтей Инквизиціи? въ ограбленномъ, полуразрушенномъ замкѣ, между множествомъ труновъ, онъ узнаетъ мать свою; далѣе встрѣчаетъ, въ сумашествіи по развалинамъ бѣгущую, съ мерзвымъ младенцемъ на рукахъ, молодую супругу. Но закроемъ подобныя картины до вѣчнаго Суда!

Наконецъ Папа, на Вѣнскомъ Соборѣ, совершенно уничтожилъ сей орденъ; множество владѣній орденскихъ и значительныя суммы перешли въ его руки. Филиппъ получилъ, сверхъ многихъ удѣловъ и помѣстій, двѣсти тысячъ ливровъ, а сыну его, Лудовику, досталось 60,000 ливровъ изъ имѣній Тампліеровъ. Папское уничтоженіе ордена, его Буллы, а еще болѣе богатныя добычи, полученныя Французскимъ Королемъ и Папою, скоро возродили охоту и въ другихъ Кабинетахъ: гнашь сихъ рыцарей. Вездѣ хватали, заключали въ шемницы, судили, казнили, или ограбили и выгоняли ихъ изъ Государства. Но въ Ан-

гнѣ они были споль силыны и оспорожны, чпо не позволили схватить ни одного чело-
 вѣка. Въ Арагоніи они, собравшись
 въ крѣпкіе замки, выдерживали долгія оса-
 ды, прошивъ соединенныхъ силъ Королей
 Арагонскаго и Кастильскаго; но нако-
 нецъ, бывъ обезсилены, лишены владѣній,
 земель и всѣхъ богатствъ, должны были
 опказаться опть ордена своего.

Многіе изъ нихъ перешли въ другіе ор-
 дены. Всѣ ихъ земли отданы Родосскимъ
 рыцарямъ, кои, долго съ усѣхомъ про-
 тивоборствуя Туркамъ, владѣли Родосомъ
 и были достойны, ежели не по праву, то
 по крайней мѣрѣ — по храбрости, владѣнію
 имущесіюмъ славныхъ Тамліеровъ.

Такъ мщеніе и корыстолюбіе, вымы-
 сливъ преступленія и злодѣйства, веро-
 ломно и злодѣйски погубили безчисленное
 множество опличныхъ гражданъ и превос-
 ходныхъ воиновъ.

Авпоръ сѣй стапны вѣролпно не знангь одного любопытнаго историческаго преданія о Тампліерахъ, различнымъ образомъ рассказываемаго Историками. Когда Великій Магистеръ Молè и Великій Пріоръ Гидо уже стояли на кострахъ своихъ, одинъ изъ нихъ, громко и всенародно, призывалъ къ небесному суду, въ шеченіе года, гнусныхъ палачей ордена, Филиппа и Климента — и обонхъ не стало въ шеченіи осьми мѣсяцевъ! Во всякомъ случаѣ нижеслѣдующее, извлекаемое изъ примѣчанія Вернера къ своему драматическому сочиненію: «Die Söhne des Zbales» есть чисто-историческая — и даже высокая, поэтическая истина:

Чрезъ нѣсколько дней по сожженіи Молè и Гидо, Папа заболѣлъ жестокою рвотой и коликою, и очень спирадалъ. Въ надеждѣ, что воздухъ родины уймептъ сію болѣзнь, онъ велѣлъ везти себя изъ Авиньона въ Бордо, но въ жестокихъ мученіяхъ умеръ, дорогою, въ Ро-

кеморъ, близъ Авиньона, съ небольшимъ мѣсяцъ по смерти упомянутыхъ Таммие-ровъ. Усопшаго опвезли въ Карпенпра, поставили въ церковь—церковь въ шу же ночь сгорѣла, и половина шѣла сдѣлалась добычею пламени; что осталось, было похоронено торжественно въ Узеснѣ, по желанію покойника. Его родспвенники, конимъ онъ оставилъ несмѣшныя сокровища, соорудили ему великолѣпный мавзолей. Въ 1577 году сей. намятникъ былъ обрушенъ Гугенотами, кои не только расхитили всѣ драгоценности онаго, но и прахъ Па-ны развѣяли по вѣпру.

Столь же прагическій былъ и конецъ другихъ, шизкими побужденіями осквернен-ныхъ, пропивниковъ ордена; но здѣсь не мѣсто говорить объ этомъ.

Король Филиппъ Прекрасный жилъ толь-ко восемь мѣсяцевъ по смерти Молè, и умеръ послѣ многихъ, весьма горькихъ опышовъ. Кромѣ млашежныхъ Фламандцевъ,

еще дворяне и духовенство его Государства вступили въ союзъ прошивъ него, по причинѣ чрезмѣрныхъ налоговъ. На закатѣ жизни, онъ находился въ необходимости: либо сражаться съ своими подданными, либо разрушить то, что онъ соорудилъ, для возвеличенія своего могущества. Несчастіе преслѣдовало его и въ собственномъ домѣ: супруги прехъ сыновей его были обвинены—и двѣ изъ нихъ даже обличены—въ невѣрности мужамъ! Этого спыдъ и много другихъ спрадацій причинили ему болѣзнь, коей не могли распознать медики. Онъ самъ, не задолго до кончины своей, перевозной мыслию постигъ *мистъ Немезиды*, и на одрѣ смерти, сыновьямъ сообщилъ эту новую для него идею. Онъ умеръ въ Фонтенебло, 29-го Ноября того же года. Изъ шестерыхъ дѣтей (четыре сыновей и двухъ дочерей) оставшихся по смерти его, старшая дочь умерла, уже невѣстой; вторая вышла за Эдуарда,

Короля Англійскаго, что, какъ извѣстно, имѣло весьма кровополюпныя слѣдствія для обоихъ народовъ. Изъ чепырехъ сыновей его младшій умеръ, малолѣпный; старшіе при, одиъ послѣ другаго, взошли на пресноль и сошли въ могилу, не оставивъ наслѣдниковъ: съ ними пресѣкъся царствующій родъ Валоа.

(Изд.)

ОБЫКНОВЕННЫЙ СЛУЧАЙ.

Громы военные умолкли ; молва успала разглашать славныя дѣла героевъ Сѣвера ; радостная вѣсть о мирѣ срывалась съ языка Вельможи и полника, мирнаго гражданина и прудолобиваго ремесленника ; Изданные Газетъ замѣтно испощились въ новостяхъ и листы въ газетахъ ихъ, къ удовольствію мыслящаго класса людей, стали менше и менше числомъ. Въ это время, вы думаете, мой читатель, что я скажу о какомъ либо важномъ политическомъ событіи? — нѣтъ! въ это время, повторяю я, Ромисиръ Вѣтвинскій, доброй малой и лихой Гусаръ, возвратился

изъ Арміи въ Столицу и всходитъ на лѣстницу одного изъ извѣстныхъ шрапнировъ

Какъ мнѣ скучно, Гг. говорить за другихъ! повѣрите ли, что иногда я лѣнюсь говорить и за себя? Когда, въ быту людскомъ, я вижу пустошу, дурь и самонадѣяность; когда въ тиши домашняго крова и въ блестящемъ собраніи знашнаго вельможи, вездѣ равно выказываешься необразованная нравственность и поверхностная ученость, то мнѣ вдругъ приходитъ на мысль: что не сподобитъ, для эпохи шолны, перьями убѣжденій здравой логики и я молчу Когда же люди оскорбляютъ меня, пользуясь правомъ, копорое, справедливо ли, или несправедливо, доставилъ имъ случай, и когда я бы могъ доказать имъ правоту мою самою обыкновенною рѣчью, даже и тогда я часто предпочитаю молчаніе, ибо думаю: сподобитъ ли терять время для перемѣны людскаго мнѣнія въ мою пользу вино-

вапъ: лѣносшь мой порокъ! И пакъ, зная мой нравственный недостатокъ, вы не удивитесь, когда я не объясню вамъ причины прїѣзда въ Петербургъ моего знакома Вѣшвинскаго, ни отношеній его въ обществѣ, ни ожиданій, ни надеждъ, et cetera... а вмѣсто того представлю, для прочтенія, копію съ письма Вѣшвинскаго къ одному изъ его однополчанъ, написаннаго въ первый вечеръ, по прїѣздѣ въ столицу. Вотъ оно опъ слова до слова: —

Въ восемь дней я прилетѣлъ опъ береговъ Дуная къ струямъ родной Невы!. Говорить ли тебѣ о погодѣ: то снѣгъ засыпалъ меня, то промачивалъ дождь, пакъ, что я, вѣхавъ на перекладной тележкѣ моей въ столицу, походилъ совершенно на живое болото... Тупиъ я долженъ былъ оныскать квартиру, опдохнуть, одѣться, явнисья туда, представнисья къ тому: пы знаешь всѣ проволочки военныхъ — и наконецъ къ той — кошорал, какъ Прови-

дѣніе, досель вела меня въ жизни спесію счастья... Но всего этого въ одинъ вечеръ сдѣлать было не возможно, и я пріятнѣйшее оставилъ до утра, пѣмъ болѣе, что туда я хотѣлъ предстать въ нѣсколько благообразнѣйшемъ видѣ, а ласучая тѣда самый злой недругъ шуалепа. Однако, послушай: какое-то тяжкое, непонятное предчувствіе ужасаетъ меня! — Можно ли ручаться за сердце женщины, когда и мужчина иногда увлекается обсползельствами и измѣняетъ словамъ своимъ... два года отсутствія, это такой сильный пріемъ проливъ горячки, что у меня, при одной мысли о томъ, пробѣгаетъ дрожь по всему тѣлу, и я живо вспоминаю всю твою философію; всѣ твои софизмы мнѣ кажутся имбюцими какое-то основаніе и я почти плачу... да, плачу какъ дитя: потерять любовь прекрасной дѣвушки, я думаю, стоить потери красивой куклы!

Какъ ны говоришь? Женщина иногда

легкая, безвредная бездымка, иногда злобный гений, — всегда лишняя вещь на Божьемъ свѣтѣ!.. Будучи на низшей степени въ нравственномъ мѣрѣ, чѣмъ мужчина, она наполняетъ собою пустыню между цвѣтами и животными, какъ жители воздуха — легкія Пери — опдѣляютъ насъ, мужчинъ, отъ существъ еще числѣйшихъ и благороднѣйшихъ. . . Ты говаривалъ: женщина есть цвѣтокъ въ царствѣ животномъ, облагороженный сосудъ оплодотворенія—и больше ничего!.. Правъ ли ты? не знаю! но знаю, что я тебѣ не вѣрилъ. . . вѣрилъ въ половину и Шиллеру, когда онъ говорилъ, что, если женщина не ангелъ, то она дьяволъ, и вѣра моя окончилась только на первомъ предположеніи, которое я излагалъ иначе и слѣдующимъ образомъ: женщина есть добрый, благодѣтельный Гений, путеводитель мужчинъ; крошечное, сходившееся созданіе, дополняющее своими тихими добродѣтелями, своею нѣжностью

и чувствительностию — недостатокъ чувствительности въ мужчинѣ.

Однимъ словомъ, когда пы сомнѣвался: можно ли почитать женщину человекомъ, я думалъ, что мужчина и женщина, вмѣстѣ взятые, составляютъ цѣлаго человека. . . . Но теперь согъ мня клонитъ — завтра утромъ, окончивъ дѣла мои, я буду тамъ, и вечеромъ, но только поздно вечеромъ, я напишу себѣ другое письмо, которое будетъ дополненіемъ къ настоящему. . . .

Но другаго письма не получалъ поварницъ Вышвинскаго: спранныя событія помѣшали сему послѣднему исполнить сдѣланное имъ обѣщаніе! Событія эти мнѣ передала молва и сплетни, и о нихъ, радъ или не радъ, а я долженъ вамъ рассказывать, какъ умѣю. Гг. вниманіе!

На другой день, въ 11 часовъ утра — наблюдаются ли влюбленными приличія? Ромистръ Вышвинскій летѣлъ по Невскому проспекту — какъ сильно сердце билось у

Гусара ! Нѣтъ, ни подѣ Кулевчи, ни за Балканами, даже въ опидѣленіяхъ чумныхъ, куда его разъ запряжали по подозрѣнію, сердце его не билось такъ сильно . . . И отъ чего такая робость ? дѣло шло объ осадѣ женскаго сердца и взятіи его не шпурмомъ, а на капитуляцію, — и въ той крѣпости были измѣнники въ пользу Гусара . . .

Наконецъ отъ уже у знакомаго дома, уже на крыльцѣ, уже отворяетъ дверь въ пріемную—и первая встрѣча была хорошенькая горничная . . . А ! здравствуйте, Александръ Петровичъ ! — Здравствуй, Дуляша . . . дома ? — Нѣтъ ! Гг. еще не пріѣхали изъ Выборга, а завтра, или послѣ завтра, мы ихъ ожидаемъ» — и въпренная воспитанница модныхъ магазиновъ, съ коварнымъ видомъ присовокупивъ : а вы, Александръ Петровичъ, будете у насъ на праздничкахъ ? — скрылась прежде чѣмъ Александру Петровичу, огорченному неожиданнымъ извѣсті-

смъ, пришло на умъ спросить, о какомъ праздникѣ она говоритъ

Сдѣлавъ два, или три визита, менѣе пріятныя, но болѣе необходимыя, Вътвинскій возвратился въ 5 часовъ въ свой трактиръ, гдѣ за общимъ столомъ хозяинъ уже ожидалъ поѣшителей.

Когда мы заняты предметомъ важнымъ, или когда находимся въ расположеніи не совершенно веселомъ, мы не принимаемъ участія въ общемъ застольномъ разговорѣ, даже не развиваемъ частный разговоръ; мы слушаемъ лѣниво, невнимательно и грустно софизмы и силлогизмы ораторствующихъ, недружелюбно прислушиваемся къ радостному шуму и веселымъ восклицаніямъ Эпикурейцовъ - Гастрономовъ, и продолжаемъ мечтать о своемъ полу-горѣ: шакъ шѣчно Вътвинскій сидѣлъ за большимъ столомъ, безгласный въ числѣ 40 или болѣе шумныхъ поѣшителей. Проникнувъ него, нѣсколько отдалаясь отъ общей группы, объедали два

человѣка, какъ казалось, ближніе знакомые между собою; изъ нихъ одному не было еще 30 лѣтъ, другому было за 35-лѣтъ и во всѣхъ пріемахъ послѣднѣе было такъ много спешеннаго, опечесивеннаго, разсудительнаго, что и не пламенный мечпашель охотно повѣрилъ бы его словамъ.

Не знаю по чему, но эти два госпя обратили на себя большое вниманіе Вѣнчинскаго и онъ, не показывая, что слѣдитъ за ихъ разговоромъ, въ продолженіе цѣлаго полуобѣда прислушивался къ ихъ рѣчамъ. Вдругъ разговоръ, дополъ кружившійся на Петербургскихъ Театрахъ, Русской Императоръ и Алжирской экспедиціи, такъ же своею правью, какъ въперъ въ бурю, перемѣнилъ свое направленіе и старшій изъ двухъ пріятелей сказалъ: Ты знаешь Карельскаго?

Да, я слышалъ о немъ; описывалъ младшій; у него прекрасная дочь... что за дѣвушка!

Она створена и вѣроятно скоро будетъ свадьба. Свадьба? неправда! опивчалъ младшій, съ такимъ видомъ, съ какимъ говорили старшій Прапорщикъ о производствѣ за отличіе въ Подпоручики младшаго своего товарища. » Не сомгѣвайся: я весьма коротко знаю жениха это пусть онъ, замѣтивъ, что Роммистръ началъ внимательно слушать ихъ, поклонился и сказалъ въ полголоса : » Шариковъ, Полковникъ полку.«

Господа перестали говорить, но несчастный Въпивинскій еще слушалъ спрятанный разговоръ, еще отзывалось въ ушахъ его: она невѣста, она створена, — женихъ и въ заключеніе — этошъ Шариковъ, этошъ Полковникъ въ полку.

Разрѣшите, что вертѣлось въ умѣ бѣднаго молодого человѣка; по злоба, по месь, по равнодушіе къ жизни; по неуваженіе къ себѣ, по презрѣніе къ дѣвушкамъ, которую онъ любилъ, какъ изящнѣй-

шее созданіе, какъ благороднѣйшую предста-
вительницу своего пола . . . и которая такъ
черно покрыва для него все его будущее,
все настоящее и даже оправдала мечты
о его прошедшемъ. Онъ не дождался окон-
чанія стола, ему стало душно въ комна-
тѣ: онъ накинулъ плащъ и безъ цѣли, безъ
мыслей выбросился на проспектъ, гдѣ было
все полно безпокойной жизни и неудо-
мстворяющей дѣятельности. —

Наконецъ онъ очнулся на берегу Не-
вы; облокотясь на гранитныя перила,
онъ смотрѣлъ съ безпокойною думою на
широкое лоно свѣжей воды, стремящейся
въ океанъ. — Измѣна дѣвушки палила грудь
его, смущала мысль, ожесточала сердце и
уничтожала могущество разума — то онъ
хотѣлъ убить соперника, то хотѣлъ ли-
шить себя жизни — все равно нисполнюмъ,
бритвой, водою . . . Однако, добрый гений,
его гений - спражъ не вздремалъ въ рѣ-
шительную минуту — и спасъ опчаяшаго!

Для кого же лишанъ себя жизни? подумалъ глубоко въ душѣ своей Въпвинскій; не ужели для дѣвушки ничтожной, дюжинной, которая не понимаетъ прекраснѣйшей обязанности своего пола — любви? — Это смѣшно! надобно опмѣстить ей презрѣнiемъ, — въ это время золотое колечко, нѣкогда свидѣтель прекраснаго вечера, подарокъ первой любви, какъ увѣряли его, во время оно, вѣчной, неизмѣняемой, — полетѣло въ волны рѣки... Да погибнетъ съ тобою и память коварной! сказалъ Въпвинскій, вздохнулъ, и свѣтлая слеза выкатилась изъ очей солдата. — Казалось, скорбь его уменьшилась, или благоразумiе скрыло ее. — По крайней мѣрѣ, возвратясь въ трактиръ, онъ былъ какъ бы спокоенъ...

Рано на другое утро разбудили Въпвинскаго: человекъ Карельскаго уже съ полчаса дожидался его. Холодно принялъ Александръ Пестровичъ посланнаго, доло-

жившаго ему о томъ, что Г.г., прїѣхавъ въ Пенсербургъ, только 2 часа тому, узнали о прїѣздѣ Выпвнскаго, неказанно обрадовались и приказали просить шеперь же пожаловать къ нимъ; » Напалья Сергѣевна также!» присовокупилъ человекъ.

Напалья Сергѣевна! сказалъ проптяжно Ропмистръ, и подождя ближе, проговорилъ какъ будто безъ всякаго участія: да скажи, мой любезный, за кого выходишь замужъ Напалья Сергѣевна?

Ни за кого! сказалъ служитель; а мы домашніе думаемъ, что вамъ вѣрнѣе всего знать о томъ. —

Хорошо, мой другъ, доложи Г.г., что скоро буду, Андрей, угости его! — и Андрей съ новымъ знакомымъ своимъ вышелъ изъ комнаты.

Почти съ слезами на глазахъ встрѣтили его хозяева дома и прелестная Напалья, въ двое, въ трое, въ четверо, въ пятеро ставшая прелестнѣе прежняго. —

Все было пересказано, все было повѣрено, что случилось, что думали, чего надѣялись въ продолженіи двухъ-годуичной разлуки — и пустоша эпихъ двухъ лѣтъ наполнилась прехъ-часовымъ свиданіемъ. — Роммиспра не отпустили — впрочемъ онъ и не хотѣлъ уѣхать. — Цѣлый день на него не могли наглядѣться старикки, цѣлый день онъ не могъ наглядѣться на свою богиню; и когда ему, по спранный связи въ идеяхъ, пришелъ на мысль Полковникъ Шариковъ, то онъ, взявъ за руку дѣвушку, вышелъ съ нею въ другую комнату, и какъ бы боясь потерять свое сокровище, съ пылкимъ сумасбродствомъ признался ей въ своей страсти... Эпоть пылъ любви, эпта отвага солдана и склонность дѣвушки. прошептали ей отвѣпъ — и она подала ему руку на жизнь вдвоемъ до могилы, на дѣлежъ наслажденія и горя, и клятва сорвалась съ успѣ счастливецъ и чрезъ четверть часа старикки благословили любовь ихъ...

На другой день, въ домъ Карельскихъ былъ родственный обѣдъ: Вытвинскаго предсказали какъ жениха ихъ дочери, какъ будущаго сына. За роскошнымъ обѣдомъ сыпались остропы за остропами, шушки повторялись за шушками; наконецъ, дабы испытать способносшь молодого въ хозяйствѣ, по приказанію спариковъ передъ Вытвинскимъ поставили на пребольномъ блюдѣ рѣдкаго на Сѣверѣ гостя, въ Невѣ пойманнаго вчерашній день осетра, и всѣ присутствующіе требовали, чпобъ онъ разрѣзалъ рыбу...

Тутъ ничего не было страшнаго. Но Вытвинскій вспомнилъ, что претяго для онъ бросилъ кольцо въ Неву, въ поперѣ кошораго подѣ Варпою увѣрилъ невѣсту; осетръ пойманъ въ Невѣ — эиотъ случай былъ необыкновенный, пойманъ только вчера. — Ну если кольцо — быть не можетъ — онъ беретъ ножъ и вилку — всѣ внимательно смотрятъ на него, сперва изъ шу-

тки, ю попомъ, замѣпивъ какую-то незапную странную робость молодого чловѣка—съ тайнымъ любопытствомъ; всѣ, кажется — не желаютъ пропустить ни малѣйшаго изъ его движеній, ни одного изъ его взглядовъ . . . Въпвинскій медникъ, — наконецъ начинаетъ рѣзать, и безмолвный, потерянный, пренещущій — въ разрѣзанномъ осетрѣ находить — что бы вы думали? молюки! . . .

Карлгофъ.

ПИСАТЕЛЬНИЦА.

Отрывокъ изъ Воспоминаній о Герлицѣ.

На сихъ дняхъ прочиталъ я въ одномъ Французскомъ Журналѣ слѣдующія замѣчанія на женщину-Авипоровъ :

»Почему женщина, и самая добрая сердцемъ и прекрасная, лишается въ глазахъ нашихъ своей прелести, взявшись за ремесло Писательницы? Нѣкоторые полагаютъ, что это происходитъ отъ дѣйствія зависти, самолюбія и мщенія мужчинъ. А мнѣ кажется, что это повал жертва, силъ прелести и красоты; жертва, должно признаться, жестокая, но чистосердечная и весьма понятная. Женщина, которая

рѣшается изображать чувства вмѣсто того, чѣмъ рождаѣтъ ихъ въ сердцахъ, онъ казывается опѣ своего владычества, сходитъ на нѣсколько ступеней съ своего прона; становится жрицею, бывъ божествомъ, унижается до степени Поэта, бывъ самою Поэзіею. — И, сверхъ того, въ занятіи Словесностию, въ размышленіяхъ о семъ занятіи есть нѣчто суровое и пуготное: на нѣжномъ личикѣ Автора являются какіа-то непріятныя движенія, вовсе пропивныя назначенію той, которая долженствовала бы быть подругою всѣхъ взшихъ счастливыхъ часовъ. Глазность, знаменитость есть поржество, пріобрѣтаемое на счетъ стыдливости, могущее запрашивать и самую дружбу. Любовь не легко свыкается съ глазами, покрасившими опѣ письменныхъ трудовъ, и не прельщается пальчиками въ чернильныхъ пятнахъ. Посмотрите, какъ жестоко шпы тщеславія терзаютъ юную

красавицу; какъ она мучится надъ принскиваніемъ рифмъ, надъ обработкою стиховъ. И старался произвестъ въ другихъ удивленіе, терзался мыслию, что читатели къ ней равнодушны, она теряетъ крошечность, терпѣніе, нѣжность; теряетъ то, что составляло всю ея прелесть! Вотъ за какую цѣну, слава иногда вѣнчается лаврами своими женщинъ умныхъ и прекрасныхъ: несчастныя совершаютъ печеніе жизни, не возбудивъ ни любви, ни желанія! Что жъ дѣлать? Когда сердце женщины переведено на бумагу, когда въ немъ нѣтъ тайнъ, которыми могли бы обладать вы одни, — спонимъ ли труда покорять это сердце? Сіе условіе женской знаменитости, произвело многія рѣзкія мысли, со времени Сафо до нашей эпохи, мысли впрочемъ всѣмъ извѣстныя и обыкновенныя; но Философы, внимательно наблюдающіе сей предметъ, легко понимаютъ роль Фаона. Бѣдненькій! Какъ же-

споко наказанъ онъ вѣкъ неумолкающими укоризнами за равнодушiе свое къ испугленной страсти женщины - Поэта! Имя его переходить изъ вѣка въ вѣкъ, какъ имя нечувствительнаго, неблагодарнаго чудовища, а можетъ быть, какой нибудь Археологъ, роясь въ плывущихъ рукописяхъ времени пропекшихъ, найдетъ въ заперянныхъ листочкахъ Геродота или Апеней доказательство, что онъ опинодъ не былъ нечувствителенъ. Кто знаетъ: въ то самое время, какъ онъ запыкалъ уши предъ всенародными разглагольствиями десятой Музы, впайнъ онъ, можетъ быть, любилъ спрашно какую нибудь Мипиленскую или Самосскую дурочку, безграмотную, но хорошенькую. Соотчичи знаменитой пѣвицы учредили, въ честь ея, еще при жизни, поржественная игрища; выбили даже въ память ея медаль; но медаль эпа лежала только въ карманъ Фаона, въ сердцѣ же конечно было ничто

другое. Попомство! ты бываешь иногда очень несправедливо и взыскательно: неужестиво имѣешь также свою прелесть. И послѣ Фаона многие предпочинали выспреннимъ дочерямъ Феба молоденькую дѣвочку, которая не умѣла отличить дактиля отъ хорей. Ривароль любилъ пригоженькую ивею, и говорилъ о ней: у ней вкусъ — перенка, а умъ — розы.

Вы видите, памъ въ шихой роцѣ, какъ подъ плащанами древняго Элевзиса, блуждающъ пѣнь женщины, завернувшейся въ шемную шаль. Если можете вообразить, что это юная мать или невеста, какъ пріятна и мила должна быть вамъ эта прерывистая походка; какъ интересны эти задумчивые взгляды, изрѣдка обращаемые къ небу; какъ заманчиво движеніе устъ, коншорья, волнуясь пихо, кажется зовущъ предметъ ея любви. Но когда вы узнаете, что эта молодая женщина размышляетъ о плащъ новой книги, что кра-

савица эта поглядываетъ на облака и на луну, чтобъ пріискать упрямую рифму, что она повпоряетъ полуспишіе, которое непременно должно вписывать въ стихъ — очарованіе ваше исчезнетъ. Можно простить и угрюмость женщины и много причудъ, особенно когда ихъ причина неизвѣстна; но если знаете, что причиною этой угрюмости, этихъ причудъ была невозможность выразить на бумагѣ чувство, котораго она сама не понимаетъ, подобрать звонкое словцо, округлить романтическую фразу, досада или сожалѣніе возникнетъ въ вашей душѣ, и вы спросите: какое право имѣетъ она сурово обходиться съ дѣшми своими, душно принимать гостей? виноваты ли они, что умъ ея сегодня заупрямился.

» Между шѣмъ было бы весьма несправедливо, въ полпѣ сочинительницъ не отличить пѣхъ женщинъ, которыя непреодолимымъ стремленіемъ увлекаются къ выра-

женію, къ обработанію своихъ мыслей; не опличить ихъ опть пѣхъ, которыя сдѣлались Авпорами, изъ одного тщеславія. Очень полезно удерживать послѣднихъ невинными насмѣшками опть пустыхъ и безплодныхъ занятій Словесностію; но первымъ должно воздавать всю дань нашего уваженія. Если многія женщины почитаютъ умокъ свой талантомъ, и спрашиваютъ къ мелкимъ похваламъ принимаютъ за любовь къ славі, за то другія повинуются невольному вдохновенію, и не могутъ удерживать своего гения въ его полетѣ. Такъ Госпожа де Севинье начертывала безсмертныя строки, безъ своего вѣдома; такъ Дезульеръ писалъ для потомства, не думая ни о современникахъ.»

Къ числу женщинъ-Авпоровъ, выходящихъ изъ обыкновеннаго круга, должно причислить и пѣхъ, которыя, претерпѣвъ жестокіе удары судьбы, лишась надежды бытъ счастливыми супругами и матерями семейства, въ занятіяхъ Литературою и

Искусствъ нами находящъ услажденіе своихъ горесней , и на жертвенникъ Музъ сжигаютъ. оиміамъ , данный пмъ природою для принесенія на алтари другихъ божествъ , сими божествами опринуемый. Такова одна изъ знаменитѣйшихъ Писательницъ Германіи , одна изъ благороднѣйшихъ женщинъ , какихъ мнѣ когда-либо случилось встрѣчаться въ семъ мѣрѣ посредственности — Элиза Фонтъ-дери-Рекке , урожденная Графиня Фонтъ-Медемъ , сестра покойной Герцогини Курлидской. — Расскажу по порядку , какъ и гдѣ я узналъ ее.

Въ 1817 году , проживъ нѣсколько мѣсяцевъ на берегахъ Рейна съ единственнымъ другомъ моимъ , возвращаясь я , одинокій , въ Россію. Я былъ избалованъ : по Франціи ѣздилъ въ дипломатсахъ , съдѣшвенно всегда въ пестрой и измѣнявшейся компаніи ; по Германіи и по Швейцаріи самодругъ съ человекомъ , который замѣнялъ для меня цѣлый мѣрѣ. Но теперь , опѣ са-

маго Гауу, ѣхалъ я одинъ въ своей про-
 спорной коляскѣ, и ужасно скучалъ. Чтене-
 ніе мнѣ пріѣлось. Воишь, въ Вейсенфельсѣ,
 за завтракомъ читала я въ Лейпцигской
 Газетѣ объявленіе, что одна молодая дама
 ищетъ въ Пешербургѣ спутника, кото-
 рый имѣлъ бы свою коляску; узнавъ о ней
 въ Лейпцигѣ у банкира Рейхенбаха. Дама?
 молодая? Виноватъ, всё жиаки разыграли.
 По пріѣздѣ въ Лейпцигъ, поспѣшилъ я въ
 контору Рейхенбаха, и узналъ, что эта
 дама есть Госпожа В., Швейцарская уро-
 женка, жена бывшего моего поварница по
 службѣ, женщина любезная и образован-
 ная, которую я зналъ уже въ Пешербур-
 гѣ. Она завезена была въ Германію какою-
 то знатною барынею, и брошена на про-
 изволь судьбы. Я обрадовался этому слу-
 чаю: могу имѣть пріятную спутницу въ
 скучной дорогѣ, и въ то же время одол-
 жить добрыхъ людей. Но ея не было въ
 Лейпцигѣ: она жила въ помѣстьѣ Сак-

сень-Готскаго Министра Барона Фогъ-Тюммеля, Непшеницъ, близъ Альшенбурга. Въспомо того, чшобъ переписываться, я рѣшился самъ къ ней ѣхать. Съ большимъ любопытствомъ осматрѣлъ я на пупи мѣсто знаменитѣйшей битвы новыхъ временъ; видѣлъ Борну, Либерволковицъ, Вахау и другія мѣста, извѣстныя мнѣ донынѣ по реляціямъ; ходилъ на кладбища при сихъ селеніяхъ, и кланялся праху земляковъ, спящихъ съномъ непродуднымъ послѣ геройской смерти. Госпожа В. удивилась и обрадовалась моему прїѣзду; она охотно согласилась прїѣхать чрезъ два дня въ Лейпцигъ, чшобъ попомъ вмѣстѣ отправиться въ Россію. Я былъ принятъ хозяйкою ея Баронессою и двумя дочерьми учтиво, прїѣтливо и радушно. Все это семейство дышало какою-то возвышенною Поэзією, наследіемъ недавно умершаго дяди, знаменитаго Писателя Морица Августа Фогъ-Тюммеля, по которому онъ всѣ

еще ходили въ прауръ. Я въ поутъ же день воротился въ Лейпцигъ. Спутница моя прѣехала въ назначенное время; мы съли въ коляску, покапались на Сѣверъ. Подъѣзжая къ Берлину, спали мы разговаривать о поутъ, какъ намърены провести тамъ время. Я собирався осмошрѣпъ Библиотеку, Университетъ, поспипъ Театры, и пр., а она объявила мнѣ, что должна видѣться съ Госпожею Фонъ-Рекке. — » Съ Сочинительницей писемъ объ Ипаліи? » спросилъ я. — »Точно такъ,« отвѣчала она: » а вы почему ее знаете? — Какъ не знать! Еще прошлаго года перевелъ я нѣсколько ея писемъ и напечаталъ въ Сынѣ Отчества. Симъ разговоръ нашъ кончился. По прѣздѣ въ Берлинъ, я отправился къ нашему Послу, а спутница моя къ Госпожѣ Фонъ-Рекке, и между прочимъ рассказала ей, что ѣдетъ обратно въ Россію съ Русскимъ Литераторомъ и Журналистомъ, который знаетъ Пуше-

шествіе ея въ Иналію, переводитъ оное и печатаетъ. Госпожа Фопъ-Рекке полюбопытствовала узнать меня, и лишь только я воропился съ Посольскаго обѣда, Госпожа В. повела меня къ ней. Я нашелъ женщину лѣтъ шестидесяти, высокаго роста, пріятной, не авшорской паружности, учинвую, привѣпмивую и любезную. На лицѣ ея, въ глазахъ, въ поступи видны слѣды необыкновенной красоты. У ней былъ Поэпъ Тидге (живущій уже нѣсколько лѣтъ въ ея домѣ) и Профессоръ Богословіа Маргейнке. Предупредительное обращеніе хозяйки ободрило меня, и я, къ собственному своему удивленію, въ эпопъ вечеръ очень свободно и бѣгло говорилъ по Пѣмецки. Путешествіе по морю, пребываніе въ Франціи, поѣздка въ Швейцарію, посѣщеніе Гѣне и т. п. были попеременно предметами нашего разговора. На другой день пригласила она меня къ обѣду. Я нашелъ у ней общесиво разнообразное и

пріятное : Директора Гимназій Беллермана, Профессора Дитмара, Директора Академіи Художествъ Вейса, Поэтовъ Шинка и Гёккига, почтеннаго сшарца, которой съ большимъ удовольствіемъ разсказывалъ мнѣ о пребываніи своемъ въ Петербургѣ, лѣтъ за шрицать предъ тѣмъ. Но всѣхъ интереснѣе была для меня сама хозяйка, существо необыкновенное, благородное, возвышенное. Сообщаю главнѣйшія обстоятельствова жизни сей почтенной и любезной женщины.

На 16 году отъ роду она была выдана замужъ, по фамильнымъ расчетамъ, за человека суроваго и жестокаго, который терзалъ и преслѣдовалъ ее за любовь ея къ мачихѣ и роднымъ своимъ, за непрерывныя занятія книгами. Наконецъ отъ до того на нее озлобился, что выгналъ ее изъ дому съ двухлѣтнею дочерью, единственнѣмъ ея утѣшеніемъ. И это дитя скончалось на шестомъ году отъ роду; въ

по же время умеръ любимый братъ ея. Одинокая въ здѣшнемъ мѣрѣ, стала искать утѣшенія и отрады въ сообщеніи съ другимъ свѣтомъ. Въ то время (1779) прибылъ въ Митаву Каліоспиро, нашелъ душу ея готовую къ принятію его мечтаній и фантазмагорій, обѣщалъ показать тѣни брата и дочери, и преподавалъ уроки Магій. Но вскорѣ по отбытіи шарлатана, собственный здравый смыслъ и бесѣды умныхъ людей ее исцѣлили, и когда Каліоспиро, при производствѣ процесса въ Парижѣ, дерзнулъ сослаться на ея свидѣтельство, благородная Элиза всенародно призналась въ прежнемъ своемъ заблужденіи, и напечатавъ книгу о бесѣдахъ своихъ съ симъ лжеумудрецомъ, сняла съ него личину. Сіе великодушное пожертвованіе собственнымъ самолюбіемъ, для открытія свѣту истины, обратило на нее вниманіе всей Европы и доставило ей уваженіе всѣхъ благомыслящихъ. Въ 1783 году предприняла она

пушешествіе въ Германію, для поправленія своего здоровья у Карлсбадскаго цѣлительнаго источника. Въ это время познакоми-лась она съ первѣйшими писателями и поэтами Германіи. Сама она издала не за долго предѣтъ пѣмъ духовныя и нравственныя стихопворенія, копорыя были приняты съ общею похвалою. Канпъ, Мендельзонъ, братья Шпольбергн; Вейсе, Гёте, Виландъ, Глеймъ, были ея искренними друзьями. Ихъ одобреніе давало ей силы продолжатъ споръ съ мистиками, которые вступились было за Калиостра. Истина воспоржествовала, и Госпожъ Фогъ-деръ-Рекке принадлежишь слава обнаруженія всего шарлатанства сихъ высококомърныхъ и зловредныхъ мечпашелей. Съ того времени жила она поперемышю въ Германіи и въ Курляндіи, находила удовольствіе въ бесѣдѣ умныхъ людей и въ занятіяхъ Литерапурою. По-перя нѣжно любимою отца, одной вѣрной подруги (Софіи Беккеръ, съ которою она

путешествовала и занималась описаніемъ своихъ путешествій) и другихъ любезныхъ ея сердцу — все это наспирывало ея душу къ созерцанію внутренняго міра, не вымышленнаго мечтателями, но существеннаго и истиннаго. — Несчастный случай (она упала однажды изъ кареты, и опасношибла голову) разстроилъ слабое опть природы ея здоровье, и она въ 1804 году опправилась въ теплый климатъ Италіи, въ сопровожденіи Поэта Гидге: перемѣна воздуха, разнообразіе представлявшихся ей предметовъ, самыя безпокойства пути способствовали къ ея изцѣленію. Явился предъ нею безсмертный Римъ съ своими вѣковыми памятниками; разостлалась цвѣтущія равнины Неаполя, повѣялъ бальзамическій вѣтеръ Искіи; она ожила тѣломъ, обновилась душою. Плодомъ сего путешествія были нѣсколько прекрасныхъ стихотвореній, и изданіе Дневника ея (въ чепырехъ томахъ, 1815 — 1817) принадлежащаго къ

самымъ занимательнымъ твореніямъ въ семь родъ. — Съ нѣхъ поръ живетъ она въ Германіи, но въ Берлинѣ, но въ Дрезденѣ, въ общорномъ, пріятномъ кругу, и услаждаетъ часы досуга занятіями Литературными. Вотъ что говоритъ о ней Аббанъ Денна : „Госпожа Фонъ-дербъ-Рекке есть для Литературной Германіи то же, что была Викпорія Колонна, Маркиза Пескарская, въ Италійской Литературѣ, въ вѣкъ Льва X. Благородная, прекрасная, ученая, Писательница, Маркиза Пескарская была другомъ Аріостна, Бембо, Казы, Варки, всѣхъ знаменитѣйшихъ Писателей Италіи въ то время. Госпожа Фонъ-дербъ-Рекке живетъ въ дружбѣ съ Гг. Бисперомъ, Гёше, Миллеромъ, Николаемъ, Раммеромъ, Виландомъ и проч.; со всеми Германцами, отличающимися талантомъ и заслугами, какой бы религій, какого бы сословія они ни были. Она принимаетъ съ равною учтивостію и жену ученаго книгопродавца

Николая, и Еврея Докшора Герца, и вдову и дочь Моисея Мендельзона. У сей увидишь Поэта и живописца, Музыканта и Историка, и п. д.»

Время, проведенное мною въ обществѣ Госпожи Фонъ Рекке, останется незабвеннымъ у меня въ памяти и въ сердцѣ. Она рассказывала мнѣ многое о своихъ Литературныхъ занятіяхъ и спорахъ, о Калиострѣ, и Лафатерѣ; но болѣе всего врѣзалось у меня въ душѣ ея повѣствованіе о свиданіи съ Екатериною Великою. Передаю рассказъ съ нѣкоторыми дополненіями, доставленными мнѣ въ послѣдствіи почтеннымъ Гидге.

»Великая Екатерина неоднократно изъявляла мнѣ свое благоволеніе за открытіе обмановъ Калиостра. Въ 1795 году опечетство мое, Курляндія, содѣлалась Россійскою провинціею, и я сочла обязанностію изъявить вѣрноподданническую преданность моей Государынѣ. Императрица благоволи-

ла отвѣчать на мое письмо, весьма мило-спиво, въ самыхъ лучшихъ выраженіяхъ приглашала меня пріѣхать въ Пестербургъ. Льпомъ 1795 году прибыла я изъ Германіи въ столицу Сѣвера. Чрезъ нѣсколько дней была я приглашена къ обѣду Оберъ-Гофмейстериною Великихъ Княженъ, Госпожею Фонъ-Ливенъ, въ Царскомъ Сель, и тамъ мигъ объявили, что Государыня, узнавъ о моемъ прибытіи, изъявила желаніе свое принять меня въ томъ же вечеръ, безъ всякихъ церемоній, въ тѣсномъ кругу ея фамиліи на дѣтскомъ балѣ, который данъ будетъ для забавы Ея внучатъ. Почтенная Госпожа Фонъ-Ливенъ приняла меня съ невыразимымъ радушіемъ, и представила Великимъ Княжнамъ. Вѣкъ не забуду сихъ райскихъ цвѣтновъ Царственнаго вершгорода! Невольное чувство радости и благоговѣнія влекло меня къ юнымъ Царевнамъ. Съ благородствомъ и достоинствомъ своего высокаго званія, соединили онѣ дѣтскую кро-

тоспѣ и просподушіе, коиорыя могутъ возникнуть только при пѣхъ Дворахъ, гдѣ спрорій эппкентъ не изгналъ любви къ природѣ и человѣчеству. Спаршія Великія Княжны, Александра и Елена, были прелеспныя дѣвицы; младшія, Марія и Екашерина, милыя, веселыя, умныя дѣти. Я провела пріяпнѣйшіе часы въ ихъ кругу. Вечеромъ, по данному мнѣ наспавленію, пошла я съ Придворными дамами, въ такъ называемую Аудіенць-Залу, въ копорой уже собраны были кавалеры. Я вдругъ очушылась въ кругу особъ, мнѣ совершенно чуждыхъ. не принимавшихъ во мнѣ ни малѣйнаго учаенія; но вскорѣ нашла одного Варшавскаго знакома, Князя Спашислава Поняповскаго, и бесѣдовала съ нимъ въ ожиданіи появленія Государыни. Вдругъ распахнулись объ половинки дверей, и Императрица, сопровождаемая Своими внуками, вступила въ залу. Я предспавилась Ей въ мою очередь. Великая Екашерина, съ самаго дѣш-

спва занимала мой умъ, мое воображеніе. Я представляла Ее себѣ героинею высокою, колоссальною. Вообразите себѣ мое удивленіе, когда я увидѣла, что она роста средняго. Но это впечатлѣніе вскорѣ изглажено было величествомъ ея поступи и осанки, силою превосходнаго ума, которой, блиставъ въ ея глазахъ, выражался въ каждомъ ея словѣ. Она поблагодарила меня за сочиненіе о Калиострѣ, попомъ отзывалась весьма благосклонно о моемъ опечечствѣ, и въ великодушномъ порывѣ благоспи своей сказала, что постарается заслужить довѣренность, съ какою Курляндцы подверглись ея Скипетру. Попомъ обратилась она къ другимъ особамъ, а я представлялась Великому Князю Александру Павловичу и Его Супругѣ. Прекраснѣйшей четы я въ жизнь мою не видала! Все собраніе послѣдовало за Государынею въ танцовальную залу, и по данному Ею знаку,

начался балъ. Императрица сѣла въ кресла, и посадила меня подлѣ себя. Я имѣла счастье цѣлый часъ слушать Ея бесѣду — счастье и истинное наслажденіе! — Въ слѣдующее Воскресенье, день рожденія Великой Княжны Александры Павловны (29 Июля, когда я явилась съ поздравленіемъ къ Ея Высочеству въ Царскомъ Селѣ, Государыня приказала пригласить меня къ обѣднѣ въ Придворной церкви, попомъ къ столу, и вечеромъ къ фамильному балу. По соизволенію Императрицы отправилась я въ церковь съ Придворными дамами. Я крайне сожалѣла, что не разумѣла словъ богослуженія, но слухъ мой и зрѣніе были очарованы. Въ церкви стояла я въ такомъ мѣстѣ, съ котораго могла видѣть всю Царскую Фамилію. При семъ случая увидѣла я Великую Княжну Марію Ѳеодоровну, величественную, царственную Жену, еще прекрасную и миловидную. Не-

обыкновенная душа видна была въ Ея глазахъ и во всѣхъ чертахъ лица. — Вдругъ раздалось торжественное пѣніе невидимаго хора — казалось, звуки сіи несутся изъ другаго таинственнаго міра! Русское церковное пѣніе неслыханно проглатеть и возвышаетъ. Душа моя присоединяла слова и мысли къ симъ неземнымъ тонамъ. — По окончаніи богослуженія, Великая Княжна отправилась въ Павловскъ, и я лишилась счастья Ей представиться. За обѣденнымъ столомъ дали мнѣ почетное мѣсто, насупротивъ Государыни, и здѣсь я имѣла случай удивляться Ея необыкновенному дару бесѣдовать въ обществѣ. Вечеромъ, на балѣ, Она опять посадила меня подлѣ себя, и не позволила даже, чибобъ я поподвинула свой стулъ къ спороу. Умные, непринужденные Ея разговоры возвысили и мой умъ до той точки, съ копорой Она орлинымъ окомъ смотритъ на происшествія міра. Между прочимъ говорила Она

о томъ, сколько затрудненій встрѣчается Историкъ, долженствующему изобразить жизнь и подвиги Государя: онъ не можетъ проникнуть въ глубину его сердца, не можетъ видѣть побужденій и бореній, которыя предшествовали дѣйствию — и это дѣйствіе становится добычею Историковъ, изъ коихъ каждый изображаетъ его по своему, «Признаемся», говорила Она: «прагматическая Исторія очень скудна!» Она говорила еще многое. Я напрягала все свое вниманіе, чтобъ не пропустить ни одного изъ глубокомысленныхъ сужденій и тонкихъ замѣчаній, которыя вырывались у Ней, какъ бы невзначай. Обширность ума Ея меня удивила и восхищала. Екатерина была Великая Жена; Она была бы необыкновенною женщиною, если бы и не была Императрицею. (*) Лю-

(*) Екатерина въ низкой долѣ

И не на Царскомъ бы Престолѣ

Была бы Великою женой.

бовь къ. Ней народа, довѣренность къ Ея уму и сердцу, убѣжденіе въ помѣ, что Она ливо покровительствуема Промысломъ Небеснымъ, укрѣпляли самодержавную благодѣтельную власть Ея надъ Русскимъ народомъ. Этому случилось мнѣ видѣть разительный примѣръ. Черезъ нѣсколько дней послѣ того былъ спускъ корабля въ Адмиралтействѣ. Меня пригласили спуститься на этомъ корабль. Я дала слово, но утро того дня было пасмурное, дождливое и холодное, и я было раздумала ѣхать. »Поѣжайте!« сказалъ мнѣ наемный слуга: »Государыня Сама будетъ при спускѣ: погода непременно разгуляется.« — Непременно? спросила я. — »Непременно!« отвѣчалъ онъ: »Ее любитъ Богъ.« — Я рѣшилась смотрѣть церемонію изъ окна сосѣдственнаго дома. Пріѣхала Государыня; за-

Госпожѣ Фонъ-деръ-Рекке конечно не были извѣстны сіи спихи Державина; но поэты угадываютъ другъ друга.

гремѣли пушки; облака разсѣялись, и корабль полетѣлъ въ Неву, озаряемый лучами полуденнаго солнца. При первомъ лучѣ, слуга посмотрѣлъ на меня съ значительною улыбкою, и вѣрно думалъ про себя: »Теперь вѣришь ли, бусурманка, что Богъ любитъ нашу Государыню? «

Николай Греть.

РАЗСКАЗЪ ПОДПОРУЧИКА В

I.

Почти за годъ предъ снѣтъ, въ шемную Нолбрскую почъ, борзые кони несли меня изъ М . . . , ротнаго нашего штаба, по холмамъ снѣга, нанесеннаго сильнымъ вѣтромъ. Было уже около десяти часовъ, когда они взнеслись на гору, верстахъ въ двухъ отъ онаго, и тамъ, въ пространномъ полѣ, вьюга свирѣпствовала со всею своею силою. Не было слѣда дороги; но слово, данное любезному, веселому помѣщику деревни С . . . , быть на именинахъ его дочери, прелестной и умной, заставляло меня продолжать путь, столь мнѣ извѣ-

спный, что казалось, я могъ бы, завлававъ глаза, пройти его; къ тому жъ, на разстояніи двѣнадцати верстъ, — такъ мнѣ знакомой стороны, не возможно было бы заблудиться.

Но выюга часъ опъ часу становилась ярспиге и мы съ головы до ногъ были засыпаны снѣгомъ. Уже упомянные кони едва могли вырывать погрязнувшіе въ ономъ пошивин; уже сильный, пронзительный холодъ, вынуждалъ не рѣдко плже-лый вздохъ и тысячу проклятій непогодъ, у моего кучера; уже сей самый холодъ сдѣлалъ меня неперпѣливымъ и я беспре-спанно приказывалъ гнать лошадей скорѣе, досадуя на обязанность службы, удержавшую меня столь долгое время въ Шнабъ и завидуя поварищамъ, которые опсправились часа два прежде меня.

При такой спрашной непогодъ, около прехъ часовъ блуждали мы на авось, а деревня С.... еще не показывалась. Едва

выглянулъ я изъ своей шинели, дабы оглядѣшь мѣстоположеніе и дашь по оному направленіе пупи нашему, какъ сгѣтъ, вздымаемый сильными порывами вѣтра, совершенно засыпалъ мои глаза. Въ полѣ не видно было ни зги; все гоппово было обрапшсь въ первобытпый хаосъ. Тогда я приказываю дашь волю конямъ, копорые бы, хотя по чутью, приближались къ какому нибудь селенію, и въ сей увѣренности продолжаемъ путь еще околю часа. Вдругъ пошивни остановились: »Мы наѣхали на сѣно!« закричалъ мнѣ кучеръ, и я рѣшившя, не вдаваться болѣе въ опасность, не ѣхашъ на удачу, а почевашъ подѣ прикрпемъ, какое представляли намъ близъ расположенные одинъ къ другому спота. — Тупшъ, поставивъ пошивни и лошадей на споращъ завѣтренной между шими, сами зарылись въ сѣно и въ такомъ положеніи провели оспалокъ ночи.

Кто вообразить наше удивленіе и досаду, когда, проснувшись около полудня, замѣтили, что така бѣдственная и ужасная ночь заспигла насъ едва въ полверстѣ отъ С... такъ, что при другой погодѣ, мы могли бы слышать гремѣвшую памъ на канунъ музыку.

Подобный рыцарю печальнаго образа, полузамершій, я отправился прямо на дворъ къ помѣщику. Въ домъ его только что наступило утро; никто не ожидалъ моего посѣщенія и первый, встрѣтившійся мнѣ въ комнатѣ, куда я вошелъ, была милая дочь его, Антонеля. »Вообразите, папенька!« вскричала она, вбѣжавъ въ кабинетъ отца своего, »когда изволилъ пожаловать къ намъ званый вашъ гость! — и вскорѣ, она и родители ея, вышли ко мнѣ съ самыми полногѣсными упреками. »Можетъ быть вы имѣете какое нибудь оправданіе? ангельскимъ голосомъ произнесла Антонеля — такъ говорите: намъ

пріямно найти васъ невиннымъ! въ противномъ случаѣ, вамъ должно быть совѣстно, что для моихъ имѣній, не взирал на просьбы бапюшки, пріѣхать къ намъ; не взирал на ваше обѣщаніе: исполнишь сіе—вы лишили насъ удовольствія видѣть васъ у себя, вчерашній день. Я выждалъ, пока градъ обвиненій, сыпавшійся на меня, испощился; тогда — довольный своею невинностію, дрожащимъ отъ стужи голосомъ, рассказалъ все случившееся. Кто бы могъ меня остановить? — прибавилъ я, если бы зналъ, что такъ близко нахожусь отъ цѣли моего странствованія; но четыре часа, проведенные въ безпрестанной борьбѣ съ ужасами непогоды и опасность, при наступившей темнотѣ, низвергнувшись въ какую-нибудь пропасть, заставили меня быть осторожнѣе.

»Общимъ совѣтомъ признаемъ вашу невинность!« сказалъ хозяинъ; »а въ знакъ примиренія, какъ и для подкрѣпленія ва-

шего, прошу васъ рюмкою венгерскаго!« и вслѣдъ за симъ нѣсколько стакановъ чаю, которые я долженъ былъ выпить, оживили меня совершенно.

Я былъ съ избыткомъ награжденъ, за претерпѣнныя вчерашняго дня непріятности, нѣжною попечительностію и заботами обо мнѣ Антонели, въ которыхъ она забыла, что на ней еще былъ упреній нарядъ, хопя часы пробили уже три. Признаюсь, я желалъ, что бы весь день она не имѣла на себѣ другаго. Со времени нашего знакомства, никогда не казалась она прелестнѣе: ея платье, темно кофейнаго цвѣта, болѣе нежели когда нибудь, отражало ослѣпительную бѣлизну ся лица, а взоры ея, часто обращенныя на меня, способны были поколебать самое твердое сердце.

Приближалось время обѣда, и никто изъ товарищей моихъ, даже любезный Александръ, съ которымъ связывала насъ

птѣснѣйшая дружба, не являлись. Огъ, будучи въ другой ротѣ, съ ввѣренными ему людьми имѣлъ квартиры въ С. . . Но мало по малу собрался почти всѣ, присупсвовавшіе на вчерашнемъ праздникѣ. Они удивлялись, почему я не былъ на ономъ и гораздо болѣе удивлялись разсказу о забавномъ моемъ походе.

За обѣдомъ хозяйнѣ и супруга его, а по примѣру ихъ и гости, опмѣнно были веселы. — Антонеля явилась, когда уже сидѣли за столомъ, въ простомъ платьѣ голубаго цвѣта, который, какъ однажды я ей замѣнилъ, былъ мой любимый. Краснѣя, она взглянула на меня, потомъ на свое платье; а я, какъ умѣлъ, толковалъ сіе нѣмое объясненіе.

По окончаніи стола, рой обожателей увивался около Антонели; не взирая на причины, находимыя ею каждый разъ, чтобы избавляться пошлыхъ учтивостей сихъ

героевъ, они были довольно неопытны и съ новымъ запасомъ нужностей приступали къ ней. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли было видѣть ее и оставаться нечувствительнымъ? и даже самый Арендарь, Еврей Лейба, часто приходившій по дѣламъ къ помѣщику, весьма былъ доволенъ, когда запущанные счета его поручали опгадывать Антонели. Онъ не одинъ разъ клялся Авраамомъ и Исаакомъ, что жена его Рахиль, въ первое время любви, лѣтъ за сорокъ назадъ, не казалась ему предестинье. Но въ многочисленной полпѣ ревностныхъ обожателей милой дочери хозяйна, нельзя было не замѣтить: круглаго, почти кубическаго вида Рахмистра (повѣреннаго) въ дѣлахъ какой-то помѣщицы; до крайности влюбленнаго и въ себя Коморника, (землемѣра) многіе годы пошьющаго надъ означеніемъ границъ въ С... и устарѣлаго для любви шляхтича на буркѣ (дворянина безъ мѣста и дѣла) владѣтеля полу-

развалившася домика въ сосѣдней деревушкѣ.

Забавно было видѣть, какъ первый изъ нихъ, безпрестанно дѣлалъ небольшіе шарики изъ хлѣба, въ которыхъ всегда подразумѣвалъ себя, колеблющимися спопами, послѣ обѣденнаго угощенія, подкапывался къ прекрасной и претовалъ желанія. Его ничѣмъ не лъзя было сполько одолжить, какъ предлагалъ ей, на его имя, подобное.

Не одинъ разъ, веселый поварница мой Трещепкинъ, сдѣлавъ огромный шаръ и прилѣпивъ къ нему кусочки хлѣба, на подобіе предлинныхъ ушей, былъ за него ходатаемъ у Антонели, желавшей въ подобныхъ случаяхъ или выбросить оный за окно, или выместъ на дворъ съ соромъ и проч., а несчастный, стоя въ углу, ожидалъ приговора своего и утѣшался мыслию, что она дѣлаешь такія жестокія назначенія, скрывая привязанность свою къ нему. Другой, не менѣе забавный, старался плѣ-

пить ее нѣкоторыми бездѣльцами, весьма цѣлпо играемыми имъ на гитарѣ — причѣмъ не обходилось безъ того, что бы кто нибудь не переставлялъ ему пальцы, на ладахъ оной; или, какъ онъ мечталъ, обворожалъ ее въ Польскихъ и Русскихъ пѣсняхъ, голосомъ, отъ дѣйствія коего принуждены бывали упрашивать его, снова принятья за гитару. Весьма часто, отрывъ какіе нибудь куплеты, въ самомъ спаринномъ пѣсенникѣ, онъ превращалъ ихъ въ такой видъ, что они могли бы служить образцомъ совершеннаго безсмыслія, которое, не бывъ страстенъ, при всѣхъ стараніяхъ онъ самъ не могъ бы произвести, и такіа, достойныя его пиворенія, онъ возлагалъ на жертвенникъ любви, воздвигнутый имъ несравненной Антонели.

Последній изъ нихъ былъ достоинъ сожалѣнія: онъ вздыхалъ, смотрѣлъ въ землю, украдкою иногда взглядывалъ на прелестную и былъ въ восхищеніи, когда взоры

ей не безъ умысла оспанавливались на его каррикатуры; а нѣжностъ его, въ подобныхъ случаяхъ, возбуждала общій смѣхъ. Онъ ушарѣлъ для любви, какъ я уже сказалъ, и сѣднами покрывая голова его была пому доказательствомъ; но между нѣмъ, всегда первый предлагалъ игру въ фанты, до которой былъ спрасный охотникъ. Въ угожденіе ему исполняли его желанія и къ невыгодѣ несчастнаго: онъ обыкновенно предспавлялъ спаную, зеркало, солону, изъ которой дѣлами самоепедное употребленіе.

Но между нѣмъ — въ сердце милого Александра, красота и добродѣтели Аннонели также возили оспрую спирту. Какъ часто, занимаясь разговоромъ съ нею, подспаниривалъ я бѣднаго друга моего, прислонившагося къ печи и пожирающаго ее взорами. Онъ былъ заспичивъ и рѣдко, очепь рѣдко, одно или два слова, робко произнесенныя имъ, едва доходили до слуха

Антонели. Все доказывало, что и онъ былъ въ числѣ ея поклонниковъ, хотя и не открывалъ никому своихъ чувствованій.

Въ первые мѣсяцы знакомства моего съ семействомъ добраго помѣщика въ С . . . поступки любезной дочери его почиталъ я дѣйствиемъ обыкновенной учтивости и ни мало не удивлялся ея откровенности, иногда свободному обращенію, свойственному дамамъ во всей Польшѣ; но въ послѣдствіи я дознался, что эти поступки были гораздо важнѣе и отнюдь не скрывались отъ родислестей, которыхъ чистосердечныя ко мнѣ ласки служили одобреніемъ оныхъ. Прекрасная любима — и я къ несчастію, сдѣлался предметомъ нѣжной ея сирасни. Возможно ли мнѣ было отвѣчать ей, когда любовь пламенная, непреодолимая къ прелестной Софїи, давно уже заронила, въ бѣдномъ моемъ сердцѣ, первыя свои искры.

Въ продолженіи двухъ послѣдующихъ дней,

новые опыты привязанности ея ко мнѣ, утвердили меня еще болѣе въ моемъ мнѣніи, и признаюсь: мужество, мое начало уже колебаться. Я чувствовалъ, что былъ не совсѣмъ равнодушенъ къ Антонели, и при ней рѣдко приходила мнѣ въ мысль Софія, которую вспоминая, я снова предавался влеченію первой своей страсти; но открытъ Антонели все и можетъ быть содѣлаться причиною ея спрдацій, было для меня также мучительно, какъ и забыть Софію; въ такихъ обстоятельствахъ, для собственнаго моего спокойствія, надлежало сдѣлать выборъ.

Но красота ихъ, Паристъ былъ бы въ недоумѣніи, которой вручить яблоко; — умъ, умъ . . . здѣсь прервалъ меня Александръ, прося на два слова къ себѣ

Всю дорогу до квартиры своей онъ былъ мраченъ и не сказалъ ни полъ слова. Мы вошли, — и путьъ принялъ онъ на себя, притворно-спокойный видъ. »Поздравляю

тебя, любезный другъ! ты выигралъ расположение Антонели; она тебя любитъ, а доказательство сего я видѣлъ, даже и въ твоёмъ отсутствіи, еще въ первые дни вашего знакомства.» Въ такомъ случаѣ считаю себя оптимъно счастливымъ, »опшвчалъ я съ такимъ же приговорствомъ; но кажется, что далеко еще до сего. » Полно, милый другъ, полно; кто не могъ бы замѣнить сего! — и кпо не замѣнилъ бы, что любовь твоя къ Софін, почитаемая тобою непреодолимою, взлетѣла на воздухъ, опъ дѣйствія огненныхъ взоровъ ея соперницы.» Желалъ бы знать, продолжалъ онъ, — съ досадою выбивая изъ трубки остатокъ недогорѣвшаго табаку — какую цѣль предположилъ ты себѣ, на семъ новомъ поприщѣ твоихъ дѣйствій? я думаю, обыкновенный конецъ — женитьбу; какъ поздравляю тебя съ лучшею супругою въ мірѣ! — Ты замѣчаешь, любезный Александръ, глазами страстного обо-

жателя, сказалъ я послѣ нѣкотораго молчанія ; вѣрь, что до сихъ поръ поступки мои, въ отношеніи къ Антонелли, весьма обыкновенны, и суть послѣдствія безпредѣльнаго уваженія къ ней, — больше ничего ; а только въ глазахъ соперника они могутъ быть значительныѣ. Еслижъ я успѣлъ заслужить у ней болѣе другихъ, то безъ всякаго старанія о помѣ съ моею спорою.

Ничто въ мірѣ не могло его обрадовать болѣе. —

» Я охотно вѣрю тебѣ, безцѣнный другъ мой, а потому тѣлоспно для меня долѣ скрыватьсѣ предъ тобою. — Знай, что прежде знакомства твоего въ семь домѣ, я уже любилъ Антонелли; и съ тѣхъ поръ, только въ обладаніи ею полагаю свое счастье. Но съ каждымъ прїѣздомъ твоимъ, въ искреннемъ другѣ, я обинмалъ жесточайшаго соперника и спольже сильно же-

лалъ тебя видѣть здѣсь, какъ и опѣзда твоего опсиюда.

Обиная Александра и благодаря за опкровенносипь, я обѣщаль ему прекрапнить поѣздки въ С , хопя чувствовалъ, что приносилъ дружбѣ самую ипжкую жерипву; попомъ просилъ его, извинить меня предъ почтеннымъ помѣщикомъ, представляя ему важныя дѣла службы, принудившія меня опсправиться немедленно въ ипшабъ, даже не просилъ съ ипмъ; наконецъ, позволилъ ему выдумать для мепя какое ипбудь годовое опсупспвие и на долго или на всегда оставилъ С

Вихремъ несли меня кони по углаженной въ продолженіи трехъ дней дорогъ; я былъ груспенъ. Забывъ и спраспнаго Александра, и кубическаго повѣреннаго, и забавнаго землемѣра и сѣдаго дворянина безъ мѣста и дѣла, я обратился къ моимъ сравненіямъ:

Умъ сполько же образованъ у одной, какъ и у другой: сердце . . . пусть, кто

хочетъ, разрѣшилъ такую загадку! Кроткій нравъ Антонели и веселый, даже рѣзвый, Софін, были камнемъ преткновенія въ выборъ; — Софья была немного моложе своей соперницы, которая и не имѣла богатства ея? богатая невѣста почти всегда опредѣляется для умноженія доходовъ богатаго жениха. Пылкая любовь Антонели и невѣденіе чувствъ Софін ко мнѣ, не могли затруднить меня въ выборъ. Наконецъ первая пламенная, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ постоянная страсть къ Софін, и — Боже мой! я уже совершенно забылъ обѣщаніе моему другу, за нѣсколько часовъ данное! сіи послѣднія обстоятельство говорили сильнѣе всѣхъ въ пользу ея.

Въ непрерывныхъ занятіяхъ службы и въ непрерывномъ ожиданіи пріѣзда Софін, непримѣтно день проходилъ за днемъ, со времени отъѣзда моего изъ С... , гдѣ почитали меня отсутствующимъ, по какимъ-то важнымъ порученіямъ Началь-

ства. Я писалъ къ Александру, ни слова не упоминалъ объ Антонели; онъ мнѣ отвѣчалъ и столькоже былъ молчаливъ на счетъ: ея это подавало поводъ къ заключенію что онъ мало успѣвалъ, въ намѣреніи овладѣть ея сердцемъ.

Въ Троицынъ день, когда въ католическую церковь, находящуюся въ шшабѣ нащемъ, ожидали многихъ постыпителей и постыпительницъ изъ сосѣдства, я отправился, по моему мнѣнію довольно поздно, съ желаніемъ, съ какимъ всѣ товарищи мои давно уже были тамъ: взглянулъ на прелестныхъ, усердно молящихся католичекъ, а болѣе— увидѣлъ Антонелю, старалась не дасть замѣнить себя ни ей, ни роднымъ ея, которые, безотмѣнно набожные, прѣзжали почти каждый праздникъ. Уже я восходилъ на холмъ, служащій основаніемъ храму, какъ вдругъ громъ экипажа, каплящагося по каменистой дорогѣ, ведущей къ нему, обратилъ мое вниманіе — и первый

предметъ, бросившійся мигъ въ глаза, было свѣтлое, какъ радость, личико Антонели и ея родные. Надлежало подойти и сказать прїѣхавшимъ. Послѣ первыхъ привѣтствій, упрекъ милой посѣтительницы: «быть такъ долго въ отсутствїи и ни спрочки о себѣ не писать никому — непроситительно!» коснулся слуха моего и сердца; тогда прощай Александръ, прощай Софія, прощайте... я все забыть! Меня пригласили занять съ ними одну скамейку и мѣсто подлѣ Антонели, которая не спускала глазъ съ молитвенника; а я, досадуя на жестокую пляску, которая лишала меня удовольствїя видѣть прелестные глаза Антонели, зѣвалъ и довольствовался только вычитыванїемъ локоповъ, падавшихъ по ея лилейнымъ плечамъ. Наконецъ служба кончилась; меня приглашаютъ посѣпить ихъ; даже принуждаютъ сѣсть съ ними въ коляску и ѣхать немедленно; я отказываюсь, представляя разные

причины; между тѣмъ, желая къ нимъ лвиться по нарядигѣ, я даю слово, къ вечеру непременно, послѣ шести мѣсяцовъ быть въ С...

Какая противоположность въ двухъ дняхъ поѣздки моей туда? за полгода предъ симъ, я едва не погибъ отъ ужасной выюги, ночью бушевавшей; сегодня, въ три часа по полудни, бричка моя плыла, такъ сказать, по мягкой, отъ сильныхъ жаровъ еще не засохшей землѣ; цвѣты украшали луга, покрытые шелковою травою, самой яркой зелени, и оживляли меня своимъ благоуханіемъ! прелестныя рощи, недавно распуснившіяся, возвышались по обѣимъ сторонамъ дороги; вездѣ слышно было журчанье ручейковъ, каплящихъ свѣпмыя воды свои по желному песку; и смѣшанное пѣніе голосистыхъ птичекъ оглашало воздухъ. Вотъ какую прелестною дорогою, я съ сердцемъ, для любви распвореннымъ, спѣшилъ въ объятія Александра. Ми-

пушная радость блеснула во всёхъ его чернахъ; но печаль также скоро помрачила ихъ, какъ сильнымъ въпрямъ гонимое облако закрываетъ солнце! Онъ опять задумался; я видѣлъ, что проптивъ воли былъ причиною его горести и раскалалъ, какой случай привелъ меня въ С... послѣ чего вмѣстѣ мы отправилась къ помещику.

Опытъ снова доказалъ мнѣ въ сей день, что время ни сколько не охладило, но усилило спрость бѣдной Антонели; я не въ силахъ былъ уже сопротивляться нежнымъ ласкамъ ея, вливающимъ въ душу мою блаженство и оправлявшимъ каждую минушу жизни несчастнаго Александра! — Уже я готовъ былъ измѣнить себя и едва признаніе: *»люблю тебя!»* не вырвалось у меня вмѣстѣ со вздохомъ; но горькая усмѣшка безутѣшнаго моего друга, находившагося противъ меня, напомнила данное ему обѣщаніе; привела на память образъ

милой Софiи и я опговариваясь круженіемъ головы, въ большомъ смущеніи удалился изъ компаньи. Никто изъ насъ не былъ такъ несчастливъ, какъ я. Давно любовь пылка, можетъ быть безнадежная, къ обожаемой Софiи, кипѣла въ моемъ сердцѣ; можетъ быть безнадежная, говорю я, потому, что до сихъ поръ никакой знакъ ея нѣжности ко мнѣ, не оживилъ для меня будущаго, въ коемъ счастіе казалось мнѣ невозможнымъ, при мысли о происхожденіи ея и значительномъ, богатствѣ, при горестной мысли, что блескъ золота, сего ничтожнаго мепала, раздѣляютъ насъ, какъ непроходимое пространство—и только слѣпая спрасси моя разсѣвала иногда такія врачныя мысли. Но душевная привязанность ко мнѣ Антонели также терзала меня неизъяснимо: могъ ли я видѣть равнодушно, съ какою силою мятежная любовь влекла ее ко мнѣ больше и больше? Наконецъ, спраданія Александра, ко-

шорыхъ виною былъ одинъ случай, дѣй-
 ствовавшій чрезъ меня — все сіе соедини-
 лось, чтобы содѣлать меня совершенно
 несчастливымъ. Между тѣмъ, музыка гре-
 мѣла уже въ залѣ и рѣзвые вальсы, вели-
 чественныя мазурки слѣдовали одни за
 другими. Подъ предлогомъ сильной голо-
 вной боли, я сидѣлъ, какъ пригвожденный
 къ стулу, съ котораго гошовъ былъ не
 сходитъ весь вечеръ. При окончаніи онаго,
 я окинулъ взоромъ танцующихъ, но Ан-
 понеля исчезла. Нѣсколько минутъ спу-
 стя, прелестная, какъ Грація, въ голу-
 бомъ платьѣ она явилась и просила меня
 протанцевать съ нею окончательную, по-
 слѣднюю мазурку: «можетъ быть она по-
 служитъ вамъ лекарствомъ.» Отказаться
 было не возможно, и пока музыканты от-
 дыхали, всѣ были заняты разговоромъ; а
 я, требуя у служителя перчатокъ, полу-
 чилъ ихъ вмѣстѣ съ письмомъ. По надпи-
 си, почтчасъ узнавъ почеркъ Адьюпанна

нашего, распечатываю, пробѣгаю нѣсколь-
ко строкъ и прерываю разговоръ госпней,
начавъ громко читать его.

»Слухи, досель носившіеся о военныхъ
дѣйствіяхъ, и радоспныя надежды наши
пожинають лавры на пуши къ славъ, оправ-
дались повелѣніемъ арміи: двинулись къ
границѣ. Съ разсвѣтомъ и роты нашей
бригады, кромѣ парочной, должны высту-
пить; послѣдняя оспанется въ кварши-
рахъ до дальнѣйшихъ распоряженій. Воля
Полковника, чтобы вы посѣтили пріѣз-
домъ въ М. . . . при такихъ обстоятель-
ствахъ хлопотъ будетъ довольно всемъ.«

Аишонеця поблѣднѣла. Вы напророчили,
можетъ быть, что я съ вами буду пан-
цовать *послѣднюю* мазурку, сказалъ я,
обращаясь къ ней; но кто знаетъ, что
случится, а потому станемъ продолжать!
Тутъ, по данному знаку, раздалась музы-
ка и въ вихрь мазурки она забыла на нѣ-
которое время, роковое для нея письмо!

II.

Громовой голосъ бомбардира, пришедшаго извѣститъ меня о выступленіи роты, прервалъ минушнѣйшій сонъ, которѣй послѣ заботъ цѣлой ночи, въ приготовленіяхъ взвода моего къ походу, передъ упрямъ склонилъ меня. — И дѣйствительно все уже было готово. Заря, едва алѣвшая на востокъ, отражалась въ яркопозлащенной ризѣ рогатого образа, посвященнаго въ кругу героевъ, готовыхъ нести врагамъ смерть, и Священнослужительъ возносилъ моленія свои къ Царю Царей о дарованіи имъ побѣды; всѣ съ благоговѣніемъ внимали его гласу. Наконецъ многолѣтній Монархъ и побѣдоносному воинству заключили молебствіе, и рота двинулась по дорогѣ къ Б Тогда я вздохнулъ, — и прости М куда съ такимъ неперѣтнѣмъ ожидалъ пріѣзда Софін, прости С, гдѣ оставилъ любящую меня Антонелю; простише, думалъ я, до радостнаго свиданія,

или навѣки. Звукъ музыки, попошъ коней, съ гордою влекущихъ огнедышницъ жерла, шумъ шолны жишелей, сопровождавшихъ рошу желаніями скорѣйшаго возвращенія къ нимъ, — все сіе наполняло сердце какимъ-то неизъяснимымъ чувствованіемъ удовольствія.

Шагъ за шагомъ конь мой подавался впередъ ; въ головѣ у меня не было ни одной порядочной мысли; я дремалъ. Но вопъ изъ за горъ блеснуло солнце, и лучемъ своимъ скользнувъ по мѣди орудій, освѣтило длинный рядъ Арпиллерін, плянувшей къ Б..., теплоша его оживила и меня. Тогда я вспомнилъ оспанокъ прошедшаго вечера и онъ казался мнѣ давноминуемымъ ; только висѣвшій у меня на шеѣ бѣлый, розами украшенный снурокъ, произведеніе пѣжныхъ рукъ Антонелли, разувѣрялъ меня въ томъ : до сего вечера я не имѣлъ подобнаго.

И такъ письмо было прочитано; мазурка кончилась ; Александръ былъ ушѣ-

шенъ извѣстіемъ, что парочная рѣпа, въ копорой огъ служилъ, оставалась на мѣстѣ. Я спѣшилъ къ фуражкѣ своей, съ намѣреніемъ отпраивнлся, куда призывалъ меня долгъ, и въ ней очуиился сей драгоценный спурокъ, копорый въ ту же минушу опразился на черномъ моемъ жилетѣ. Судьба досадила мнѣ случай благодарить Анпонелю въ топъ же вечеръ шакъ, что Александръ ни о чемъ и не зналъ.

Сколько просьбъ, сколько убѣжденій добрыхъ родителей и милой дочери, не забывай ихъ, писай шакъ часто, какъ только сіе можно будетъ; сколько искреннихъ желаній, чтобы Провидѣніе хранило меня среди военной грозы, гдѣ не оставляло бы меня счастлиіе; наконецъ, даже слезы ихъ доказали мнѣ, какъ много они меня любили. Признаюсь, — я самъ оставлялъ въ нихъ людей, къ копорымъ былъ душевно привязанъ, и плакалъ, при всѣхъ спараніяхъ казашся швердымъ.

Поспѣшивъ на квартиру Александра, я снова показалъ ему тамъ радостное для насъ письмо и оживилъ его, представляя, что въ отсутствіи, которое можетъ быть продолжительно, любовь Антонели ко мнѣ охладѣетъ; между тѣмъ онъ, открывъ свои виды родителямъ, получилъ ея руку. Мы обнялись, въ надеждѣ, что ожиданія наши исполнятся, — и удалая шройка, быспрѣ молшіи, понесла меня опъ нихъ.

Громкій смѣхъ товарищей моихъ, ѣхавшихъ впереди ропы, вывелъ меня изъ забвенія, въ которомъ я, воображая, что на канунъ сего дня лечу въ М дальшпоры моему рыжаку, и онъ въ мгновеніе унесъ меня далеко впередъ. Я остановился. Вѣрно вы мечтали ѣхать въ С . . . ? смѣясь говорилъ Адьютанпъ нашъ. «Здѣсь было бы мало удивительнаго! но вообразите себя пропивное, и этому причиною ваше письмо: я вспомнилъ вчерашній день, по-

роплюсь на службу, и конь мой мчалъ меня мимо васъ не въ С..., а опть шуда обратно! « Всю дорогу до границы, безпреспанно волновала меня прїлпнѣйшая надежда, въ войнѣ, которая готова была возгорѣться, содѣлаться достойнымъ прелестной Софїи; а поспоянство страсти моей къ ней, утѣшала меня сладостною мыслию: заслужить любовь ея — и тогда, — кто могъ бы сравниться со мною въ счастїи? »

Быспро лепѣло время въ веселомъ станѣ нашемъ, — и уже приближался Сентябрь, четвертый мѣсяцъ съ пѣхъ поръ какъ армія, расположенная на границѣ, горѣла нешерпѣніемъ перейти ее и со славою громить непрїателя. Но въ ожиданїи сего, при содѣйствїи грозной тучи вонновъ, угрожавшихъ наводнить землю врага, дѣла еще производились на бумагѣ; и если, какъ говорятъ, все идетъ къ лучшему, то они и кончатся на бумагѣ же. Вонны, доселѣ радостныя, были унылы при извѣ-

спіи о мирномъ окончаніи переговоровъ между Державами, и неувидительно, почему оно ихъ опечалило : не жажда крови заставляла каждаго ожидать, даже желашь войны— такая мысль не достойна героя! но сердце каждаго кипѣло мужествомъ и любовью къ отечеству, а на полѣ битвы, скорѣе нежели гдѣ-либо, можно было явить сіи благородныя чувствованія.

Между шѣмъ, какъ проходили сіи четыре мѣсяца, переписка моя съ Александромъ продолжалась. Желая сколько нибудь исполнить просьбы добрыхъ родителей Антонели, я въ письмахъ къ другу нѣсколько строкъ, содержащихъ въ себѣ одно пустое учтивство, опредѣлялъ и для нихъ ; но безпрестанныя жалобы его на жестокость постоянно неблагопріятствовавшей ему судьбы, и обстоятельство, оживившія надежду мою на любовь Софіи, принудили меня дѣйствовать рѣшительнѣе къ его выгодѣ. Письмо, по сему случаю при-

готовленное, заключало въ себѣ: При возвращеніи арміи въ квартиры, просьбы родителей моихъ, опятъ которыхъ я былъ отдаленъ незначительнымъ разстояніемъ, побудили меня взять отпускъ. Такъ писалъ я къ нему: они имѣютъ для меня богатую невѣсту, красавицу, умную, со всеми достоинствами, какихъ въ подобныхъ случаяхъ требуется, и полагаютъ, что съ предметомъ, который они мнѣ назначили, я могу быть счастливъ. Желая обрадовать лѣжно заботившихся родителей моихъ, я поспѣшаю къ нимъ немедленно; — и кто знаетъ: можетъ быть, тамъ найду я свое счастье! Если вздумаешь сказать о семъ любезному семейству въ С... , то ради Бога осторожься: ты знаешь Антопелю... Письма же свои, любезный другъ продолжалъ я — прошу тебя отсылать къ нашему Адьюпанпу въ М... , куда въ скоромъ времени прибудетъ и рота; а зная мѣстопробываніе мое, онъ перенесетъ

ихъ ко мнѣ. Върная, доброжелательная дружба къ Александру, и чистая любовь къ Софін, побудили меня прибѣгнуть къ сей выдумкѣ, которая уже занепаана, опидана въсповому, и онъ исчезъ. Я былъ доволенъ; но долго ли? Внебвшій на спѣнъ бѣлый съ розами спурокъ бросился мнѣ въ глаза, и мысль, при семъ мелькнувшая въ головѣ моей, заспавила меня вздрогнушь. Я вообразилъ, какое дѣйствіе произведетъ сіе письмо въ любезномъ семействѣ, гдѣ принимали меня, не какъ обыкновеннаго госня, но какъ некашеля Антонелли; какимъ мученіемъ будетъ для бѣдной любящей каждая спурока его—и шиселю разъ я готовъ былъ ворошннть въсповаго, но было поздно. Вскорѣ новыя обстоятельствова заспавили меня горько расканвашея въ послѣдності, съ какою отправилъ я это небудуманное письмо: изъ М . . . увѣдомляли меня, что уже переспали ожиданъ прїѣзда Софін—это было для меня громовымъ уда-

ромъ! но сего мало: судьба приготовила другой, гораздо ужаснѣйшій, которому душевныя и пѣлесныя силы мои пропущать не могли. Въ веселомъ, многолюдномъ городѣ, гдѣ до сихъ поръ находилась Софія съ родными, золото ея, предпочитаемое нынѣ всѣмъ совершенствамъ, служило приманкою для богатыхъ и не богатыхъ молодыхъ людей, которые со всѣхъ сторонъ, съ жадностію успремлялись на блестящій металлъ; но счастье доставило его, вмѣстѣ съ рукою Софін, богатому N... . Рона была уже на возвратномъ слѣдованіи въ M... и товарищи оставили меня, опасно занемогшаго въ небольшомъ городкѣ, на границѣ, гдѣ одиннадцать дней болѣзнь содержала меня въ совершенномъ безчувствіи. Наконецъ, въ двѣнадцатый, я увидѣлъ, что еще существую и едва помнилъ все происшедшее со мною. Слабость, послѣ мученій болѣзни, не оставляла меня; шоска увеличивала ее, и разные

медицинскія пособія, употребляемыя для возстановленія моего, были тщетны. Докторъ, котораго попеченіямъ я былъ обязанъ сохраненіемъ жизни, удивлялся, находя меня одинаковымъ, не взирая на мѣсяць, пропекшій со дня, въ который, по его мнѣнію, болѣзнь оставила меня совершенно. Онъ подозрѣвалъ, что болѣзнь душевная, гораздо жесточайшая первой, уничтожила всѣ дѣйствія его лѣкарствъ, по чему и совѣтовалъ мнѣ искать разсѣянія въ кругу веселыхъ друзей и знакомыхъ. — Писемъ отъ Александра давно я не получалъ; товарищи мои были далеко; и находясь въ кругу едва знающихъ меня людей, я не посѣщалъ никого, а часто по цѣлымъ днямъ сидя у окна, смотрѣлъ на дорогу, ведущую въ М . . . , куда за полтора мѣсяца предъ симъ еще я ожидалъ возвращенія Софіи. Любезный докторъ, часто бывшій у меня, не одинъ разъ выговаривалъ за сіе, и всегда съ новымъ участіемъ упрасивалъ

вѣхаль къ поварщикамъ, въ кругу которыхъ, онъ полагалъ, я забуду предметъ моей сердечной просьбы; но зналъ ли онъ, что въ М все мнѣ будетъ напоминать оный?

Не смотря однакожь на сіе и на продолжавшуюся еще слабость мою, я назначилъ день отъѣзда, взявъ съ собою запасъ съѣдковъ милаго Доктора, котораго я никогда не забуду. Уже готовясь выѣхать, я получилъ два письма Александра и одно Адьютанта нашего; съ нетерпѣніемъ распечатываю первыя, и нахожу въ одномъ, прежде писанномъ, что опасенія мои, въ разсужденіи Антонели и ея родителей, оправдались. «Съ тѣхъ поръ, какъ я сообщилъ имъ сію новость о тебѣ, я лишился и единственнаго утѣшенія, которое доселѣ имѣлъ—видѣть Антонелию! это принудило меня не скучать болѣе опечаленнымъ ея родителями моими посѣщеніями, которыя сталъ дѣлать сколь возможно рѣже.

Другое содержало въ себѣ извѣстія, для

меня гораздо мучительнѣйшія. Кто бы могъ вообразить? — писалъ Александръ, — чтобы домъ, въ которомъ пріятнѣйшія удовольствія ожидали каждаго, посѣщавшаго оный, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ содѣлался жилищемъ мрачнаго унынія; чтобы Антонелла, недавно разцвѣтавшая, какъ весна, въ продолженіи сего времени такъ измѣнилась, что ты, милый другъ, видѣвшій ее тогда, теперь нашелъ бы сходство только въ имени.

Въ С пронесся слухъ о счастливомъ твоёмъ супружествѣ, съ чѣмъ поздравляю тебя отъ души; а я на всегда лишился всего! Надежды мои, на мигъ блеснувшія при чтеніи послѣдняго твоего письма, погасли на вѣки съ той минутой, какъ слова: » тамъ они имѣютъ въ виду для меня богатую невѣсту, красавицу, умную, и кто знаетъ? можетъ быть и тамъ найду я свое счастье, « — коснулись слуха Антонеллы и ея родителей. Къ счастью, судьба ве-

депъ меня далеко отъ С , гдѣ безпрещанно шерзало бы меня воспоминаніе безнадежной моей любви ; наша ронна получила назначеніе приблизиться къ мѣспамъ , откуда должна принять паркъ , потому что къ веснѣ ожидають новаго движенія — и такъ нѣскольго сонъ верснѣ я отъ себя буду далѣе ; но время и разстояние не имѣють вліянія на искренность дружбы моей къ тебѣ , всегда посполной .

И такъ безразсудною и совершенно бесполезною выдумкою я лишилъ спокойствія цѣлое семейство и вмѣстѣ съ симъ , послѣдней надежды и единственнаго опрадъ друга . Ежели еще возможно , поправлю свою ошибку , думалъ я , садясь въ повозку , и чрезъ нѣскольго дней , еще болѣе ослабѣвшій отъ пиродовъ и безпокойствъ дороги , я очутился въ М къ крайнему удивленію товарищей , копорые почли меня шѣвно больного , оспавленнаго ими въ

пограничномъ городкѣ. Нѣсколько дней необходимо были для моего отдохновенія; а между тѣмъ новое размѣщеніе бригады по квартирамъ, присоединило къ нашей ротѣ нѣкоторыя деревни, въ числѣ коихъ и С..., гдѣ, по случаю благопріятному теперь мною намѣреніямъ, былъ помѣщенъ мой взводъ. Я отправился тотчасъ. Первое время пребыванія моего тамъ прошло въ развѣдываніи о помѣщикѣ и его семействѣ, и все описанное Александромъ мнѣ повторили; тогда я рѣшился жертвовать всѣмъ, для спокойствія столь много уважаемыхъ мною людей; рѣшился быть у нихъ, открытъ, что я свободенъ, сказать, что люблю Антонелю и просить руки ея; рѣшился—и вотъ уже предо мною любезный отецъ безупѣшной. Онъ едва узналъ меня, и холодный пріемъ доказывалъ чувствованія его ко мнѣ; но дабы скрыть волненіе ихъ, подъ какимъ-то мало важнымъ предлогомъ онъ удалился въ другую комнату. Ни мать, ни

Аннопеля не показывались. Черезъ нѣсколь-
 ко времени возвратимся отецъ и сѣлъ въ
 нѣкопоромъ опдаленіи опть меня, не гово-
 ря ни слова. Я прервалъ молчаніе. » Вамъ,
 я полагаю, извѣстна новостъ? « — Да,
 поздравляю васъ съ счастливымъ супруже-
 ствомъ, сказалъ онъ тяжело вздыхая. Чув-
 ственно благодарю, продолжалъ я, под-
 ходя къ нему, и не удивляюсь, что слухи по-
 лагаютъ меня женатымъ и счастливымъ!
 Добрый помѣщикъ опустилъ руки и эти
 слова поразили его; казалось, онъ не вѣ-
 рилъ слышанному опть меня. » Но, ради
 Бога, прошу васъ предсавить меня ско-
 рѣе вашему семейству, и тогда вы услы-
 шите объясненіе всего.

Желая предувѣдомить супругу и дочь
 свою о такой несожданной новостѣ, онъ
 опговорился ихъ болѣзнію, а далъ сло-
 во на другой день исполнить наши взаим-
 ныя желанія.

Самая безпокойная и продолжительная ночь миновалась; время тянулось въкомъ до часа, котораго ожидать я съ нетерпѣніемъ, дабы возвратить покой почтенному семейству. Наконецъ, слава Богу, не дожидаясь меня, самъ помѣщикъ явился. Онъ предложилъ мнѣ свою коляску и мы отправились.

Я увидѣлъ Антонелю! какъ она была интересна: ея милый, спрадальчeskій видъ печалилъ и восхищалъ меня! . . . ея робость, и присутствіе родителей, сначала удерживали порывъ моей нѣжности; наконецъ, слѣдуя всеильному влеченію сердца, я взялъ обѣ руки ея, поцѣловалъ ихъ попеременно нѣсколько разъ, посмотрѣлъ на нее взоромъ любовника и воскликнулъ: »Прекрасная Антонеля! я дружеству хотѣлъ жертвовать своей любовью: Богъ не принялъ сей великой жертвы — Антонеля, будь моею! « . . . Не знаю: она ли припала къ моей груди, или я склонилъ ее къ себѣ,

но знаю, что обильныя слезы моея невѣсты заняли въ моемъ сердцѣ послѣдній, потухающій жаръ къ Софін. Черезъ нѣсколько времени я уже былъ счастливѣйшимъ супругомъ Антонелли.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КЪ МИЛОМУ ДИТЯТИ.

Разумникъ мой, дитя мое!
Какъ ты невнимательно пѣняешь!
Какъ выло личико свое
Улыбкой дѣвской округляешь!
И маменька, тебя любя,
Выводитъ, на показъ, въ обповѣть!
Приди: мнѣ весело тебя
Погладить, съ лаской, по головкѣ!

Федоръ Глинка.

МИРОЛОГЪ.

Славно жилъ нашъ другъ на свѣтѣ;
 Другъ нашъ умеръ въ полномъ цвѣтѣ!
 Непорочна и свѣтла,
 Минлось, жизнь его была
 Вѣчно-радосная Гсба,
 Съ благовопной чашей Неба!
 Вдохновенные друзья
 Свѣтлыхъ пиршесствъ — вы и я —
 Этомъ сладкѣй нектаръ пили,
 И прелестныя мечты,
 Изъ отчизны красоты,
 На пиру его госпнили!
 Появилась, упрямъ лѣпъ,
 Въ видѣ розовой Авроры,
 Госпня-смерть — и разговоры,
 Пѣсни смолкли — друга цвѣтъ!
 Краткой жизнью довольный,
 Съ горней радосно въ очахъ

И съ улыбкой на устахъ,
Онъ покинулъ пиръ ядовитый
Тихо мигъ въ лице подулъ
Вдохъ предсмертный — онъ уснулъ!
Не былъ спрошенъ мигъ кончины;
Друга нашего чело
Даже въ саванъ свыпло!
Онъ лежитъ, какъ цвѣтъ долины,
Смятый ивжиною ногой
Милой дѣвы молодой!

Баронъ Розенъ.

САРАЦЫНЪ.

» Пожигать мой бурный конь —
 И песокъ взвился за нами,
 И надъ осирymi камнями
 Брызжеть искрами огонь.
 Самъ орелъ насъ не обгонитъ;
 Левъ главу предъ нами склонитъ,
 Волны намъ опкроютъ пушь! . . .
 Что жь ты, конь мой, обезножилъ?
 Что напужилъ бурну грудь?
 Иль Ричардъ тебя вспревожилъ?
 Върно пѣнь его спонитъ
 И стальнымъ мечемъ грозитъ!
 Дай дорогу! призракъ грозный —
 Не спрашай! теперь ужь поздно:
 Трунъ пивой саваномъ обанитъ!

Трилуний.

Ричардова храбрость страшила Арабовъ и,
 послѣ его смерти, когда кони ихъ безъ причины
 рпачились, они думали, что пѣнь Ричарда явля-
 лась. (Прим. Шанобріана.)

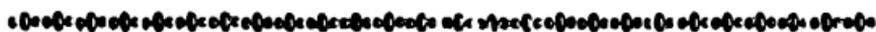

БЛАГОДАТНЫЙ МИГЪ.

Съ чудесной, дивною прохладой,
Съ неизглаголанной опрадой
На мигъ явилась мигъ весна,
Но не къ земль она сжшала;
Мигъ ароматы навъвала
Не *наша*, дальняя страна!
О, какъ л ими услаждался!
Какъ въ счаснй, упоалъ л къ нихъ...
И слышалъ, какъ съ души смывался
(Въ чудесный, благодатный мигъ)
Пагаръ спраспей и мукъ земныхъ! —

Федоръ Глинка.

ПОСТОЯЛЫЙ ДВОРЪ.

Путешествуя ко гробу,
Гдѣ почиеть твой супругъ,
Позабудь мірскую злобу:
Богъ вдовицъ нѣжный другъ!
Покорись же Провидѣнью,
Сокрушенная сестра!
Отдохни подъ дымной стѣною
Постоялаго двора!

Нѣтъ перины, нѣтъ служанки!
Но отвыкнувшей отъ нѣгъ,
Безъ кровати, безъ лежанки,
Будешь сносетъ сей ночлегъ;
Какъ нибудь тебя приспрою:
Есть подушка и шинель;
Подъ Иконою Святою
Поспелю тебѣ постель!

Спи, мой ангелъ злополучный!
 Для несчастливѣйшей изъ женщъ,
 Непогоду жизни скучной
 Да замгнншь тихій сонъ!
 Съ вѣрной трубочкою спужу я,
 Одинокимъ спражемъ сна;
 Илю, мечтательно поскулъ,
 Чашу горскаго вина.

Дни веселья миновались:
 Мы, въ разгуль молодомъ,
 По гусарски восхищались
 На дѣвичникъ твоемъ...
 Свадьбы день, твое въичанье —
 Въ спальнѣ, поздною порой,
 Многошумное прощанье
 Съ милой дѣвственною женой!...

Помню: въ дымкѣ бѣлоснѣжной,
 (Будно было шо вчера)
 Ты сидѣла, ангелъ пѣжный,
 У богатаго одра!
 А сего дня — Провидѣнью

Такъ угодно! ты, сестра,
Бѣдно спишь подъ дымной сѣмью
Постоллага двора! —

Магнетическою силой
Поминальныхъ думъ моихъ
Населю пивой сонъ унылой
Легкимъ росемъ сновъ злыхъ.
Сны! для силцей радость ваша
Да продлится до упра!
Ну проси, пустая чаша:
Отдохнуть и мнѣ пора!

Баронъ Розенъ.

М Е С Т Ъ Т И Р А Н А .

Роскошный праздник учреждетъ
Въ чертогахъ Римскаго Владыки :
Патриціевъ суровыхъ лицъ
Развеселяетъ лирный звонъ.

Вдругъ разлилось благоуханье —
И съ золотого пошолка,
Багрянымъ дождикомъ , слегка
Слепаютъ розы на собранье.

Толпа воспоргу предана,
Гельогабалу рукоплещетъ,
И въ чашахъ иршесивенныхъ блещетъ
Сшруя заздравиго вина!

По розы хлынули слыгыс . . .
Ковры, снолы наводнены,
И воздухъ гуще спать, душигыс , —
И въ розахъ весь погребены!

В. Роминовичъ.

КАТЕРИНА МОНСДОТТЕРЪ (*)

(ИЗЪ ШВЕДСКОЙ ТРАГЕДИИ: ЭРИКЪ XIV)

ДѢЙСТВІЕ II. ЯВЛЕНІЕ IV.

Комната Принцессы Елисаветы.

КАТЕРИНА.

Несчастливая! оплакивай всегда
 Топишь часъ, когда тебя, противъ желанья,
 Изъ хижины приняли въ элюпъ замокъ!
 Ахъ! не довольно мнѣ, скрываясь въ душѣ
 Мучительную спрашивать къ тому, который
 Моемъ не будешь! я со страхомъ вижу:
 Любовь, изъживъ опическую любовь,
 Воспламеняетъ Эрикову душу!
 То не обманъ, ни пыль, ни пыль! онъ на меня
 Чудесный бросилъ взоръ — и въ этомъ взорѣ
 Была не дружба . . . пыль, любовь была! . . .
 Я узнаю твой перстъ, Господь! уйду,
 Покуда первый вздохъ любви па въки
 Не соединитъ меня съ его судьбой!

 (*) См. Литт Газ. No 48 за 1830 годъ.

Ахъ, слишкомъ я низка, чтобы дѣлать
 Корону съ другомъ, слишкомъ высока,
 Чтобы, безъ короны, спросить его дѣлать!
 Когда онъ любитъ, онъ границъ не знаетъ,
 И не какъ Царь онъ любитъ, но какъ Скальдъ:
 Онъ не умѣетъ различить любви
 Къ своей землѣ онъ спрасситъ къ Кашеринъ —
 Сольенъ въ одно два чувства, изъ которыхъ
 Одно другаго гибелю будитъ!

Не грѣхъ ли всякій мигъ, что здѣсь живу?
 Вопице блеснущи его живое око:
 Сей спрассиный пламень взора для меня
 Звѣзды еси только отраженъ въ морѣ:
 Она манитъ не въ небеса, но въ бездну...

Я В Л Е Н І Е V.

ПРИНЦЕССА ЕЛИСАВЕТА, ЕКАТЕРИНА.

Е Л И С А В Е Т А.

Чудесная прогулка! и давно
 Я не была такъ весела, какъ нынѣ!
 Весь міръ въ цвѣпахъ, душистый воздухъ вѣситъ,
 Во всякой роцѣ раздаются пѣсни —
 Тебя одной не доставало мнѣ.

КАТЕРИНА.

Я облакомъ была бы подлѣ васъ,
Иль польско штыю въ вашемъ свѣпломъ мѣрѣ!

ЕЛИСАВЕТА.

Когда печальна ты, тогда желаю
Съ побою бышь всегда, какъ упѣшился;
Дано лишь дружбѣ сладосное право
Къ себѣ прилпъ онъ мѣра ончужденныхъ.

КАТЕРИНА.

Вы слишкомъ милоспивы! не могу
Не онкрыванъ вамъ сердца: вы сесира,
Вы другъ, вы благодѣтельница мѣ!

*(Хочетъ упасть къ ногамъ Принцессы
и цловать ея руки; но Елисавета
обнимаетъ ее.)*

ЕЛИСАВЕТА.

Другъ, обними меня! я раздѣлю,
Я, можешъ бышь, смягчу пивон печали.

КАТЕРИНА,

Принцесса! вамъ обязана я всѣмъ!
Тому уже два года, Эрикъ юный,
Какъ упро, мплъ, пришелъ въ долину нашу...
Онъ къ мѣсму онцу былъ добръ и ласковъ,
Вознаградить хотѣлъ его заслуги, —

И отпрашь иѣжпую семью убогой
Онъ озарилъ лучами золотыми:
Онъ взялъ меня къ Двору; и милость ваша
Меня хранила въ этомъ новомъ міръ!
Зародыши младенческаго сердца,
Цвѣтами снами подъ рукою вашей...
Вы мнѣ сеспра и другъ и мапъ родная!
Но все же...

Е л и с а в е т а .

Говори!

К а т е р и н а .

Хочу назадъ

Въ свою родную, тихую долину!

Е л и с а в е т а .

Мой милый другъ! за чѣмъ ны хочешь это?

К а т е р и н а .

Сама не знаю! вѣчно безпокойство

Преслѣдуютъ меня въ черномъ Царскомъ:

Нимѣю все — не доснасятъ покоя!

Е л и с а в е т а *(съ испытующимъ взоромъ)*

Тебѣ знакомъ молодой оруженосецъ,

Всплывшій нынѣ въ службу при Дворѣ?

Онъ въ милости у брата моего.

(шутя.)

Онъ юноша прекрасный, благородный:
 Уже не будешь стыдно дѣвъ пою,
 Предъ коей онъ колено преклонитъ!

КАТЕРИНА.

Онъ дорогъ мнѣ, какъ юности товарищъ;
 Онъ для меня живое воспоминае
 О прошлыхъ дняхъ, когда весь міръ былъ малъ,
 Какъ жизни кругъ мой, и снова же чиситъ!
 Два молодыхъ цвѣтка, другъ подѣлъ друга,
 Стояли мы въ сѣни дубовъ высокихъ;
 Подобно имъ, испытанные бурей,
 Не смятые житейскими бѣдами,
 Межъ скалъ родныхъ опцы стояли наши,
 Два снарыхъ Гуснавскихъ богатыря.
 Я признаюсь: Максимилянтъ во мнѣ
 Желанье въ край родимый возбудилъ.
 Позволь, Принцесса! шамъ, въ мой должъ
 Всегда твон благодаренья помня,
 Молишься спану Богу за шебл!

ЕЛИСАВЕТА

Увы! чего ты пребуешь онъ дружбы?
 Я Эрику скажу о томъ: онъ счаснѣя
 Тебѣ желаснѣ, онъ согласнѣ буденѣ

Я В Л Е Н І Е VII.

М А К С И М И Л І А Н Ъ.

Она идетъ — и даже не взглянула
 На друга юности . . . сѣ чуждъ мой голосъ!
 Ты, мой опецъ покинутый! просни!
 Наказанъ я, пвое сбьлюся слово!
 Я проклинаю часъ, когда вспунилъ
 Въ снѣ паланы! ахъ, я не любимъ! . . .
 Любимъ, бышь можешь, никогда я не былъ —
 Я это заслужилъ : я сынъ певѣрный!
 Грядущаго исчезнулъ сонъ прекрасный!
 Чины, богатство, честь — вы только пѣни!
 Я для нея желалъ васъ — но она
 Меня забыла . . . пусть и свѣтъ забудеть!
 Какъ все ничтожно въ мѣрѣ, безъ любви!
 Но если на сокровища сѣй жизни
 Глядншь любовь, то будто солнце уира
 Блещншь на златѣ, что въ полночный часъ,
 Изъ щдръ земли, кладокпанель вынулъ :
 Сокрылось солнце — злато не блещншь! . . .

Я В Л Е Н І Е XII.

(Комната Е.исаветы.)

К А Т Е Р И Н А.

Онъ возбранилъ мнѣ пунъ, конорый спасъ бы

Меня — какъ знаешь — и миръ его души!
 Одно спасеніе въ побѣгъ тайномъ!
 Досель лишь взоромъ молвыль онъ о спасеніи —
 Не знаетъ онъ, что мной богошворимъ!
 Такъ! я должна на вѣкъ оставить замокъ:
 Я не хочу губить его спокойства...
 Меня почтешь онъ лишь исблагодарной,
 Не спящей воспоминаній нѣжныхъ!
 Мнѣ Богъ прислалъ Максимилиана: онъ
 Защитникомъ мнѣ будетъ! онъ меня
 Еще такъ нѣжно любитъ; онъ въ чужбину
 Да увезетъ подругу юныхъ дней,
 Гдѣ бъ ни было, сокроетъ Каперну
 Онъ взоровъ Эриковыхъ — опъ людей!

Я В Л Е Н І Е Х V.

М а к с и м и л и а н ъ.

Я здѣсь еще — что медлю? прочь отсель!
 Куда жь уйши онъ образа прекрасной?
 Одна лишь смерть властна унять шо чувство,
 Что развилось и породнилось съ жизнью!
 Толкуюшь, будто грусть мерквилецъ — неправда!
 Одна лишь радость сокращаетъ жизнь!

Возможноль сердце оплорванъ отъ мнѣюй?
Любовь несчастная пого не можетъ:
Она естъ мать, конорую никпо
Не опорвепъ отъ мерпваго младенца! . . .
Что медлю здѣсь? я сердцемъ умеръ міру . . .
Въ юдоли *ищутъ*, въ небъ *обрътаютъ* . . .

(Послѣ нѣкотораго молчанія.)

Самоубійцу, говорягъ, хоронягъ
Лицемъ къ земль, къ земль — не къ небу? ахъ!
Какая мысль ужасная: лежатъ,
Во мракъ исподній устремляя очи,
Такъ, что звѣзды не видно надъ могпой,
И небо не разверзнешя надъ нами!—

Я В Л Е Н І Е Х V I .

М А К С И М И Л І А Н Ъ . К А Т Е Р И Н А .

М А К С И М И Л І А Н Ъ .

Ахъ, вошь она!

К А Т Е Р И Н А .

Тебя ищю я, другъ мой!

М А К С И М И Л І А Н Ъ .

Какъ я кончины!

К А Т Е Р И Н А .

Нынѣ, какъ грусь надежды!

М а к с и м и л и а н ъ.

Еще обманъ ли это? жизнь мнѣ снилась,
Любовью полная, какъ день лучами!
Ты создала, разрушила сей сонъ...
Тебѣ ничѣмъ теперь я не обязанъ —
Свободенъ я — когда тобой покинуть!

К а т е р и н а.

О не покинь меня! я безъ защиты,
И, безъ тебя, я одинока въ міръ!
(береть его руку)

Ты знаешь самъ: люблю тебя, какъ брата!

М а к с и м и л и а н ъ.

Какое слово? другъ мой, Катерина!
Ахъ! сонъ ли это? пусть онъ вѣчно длится!
Я не опровергнушь, не забыть тобой —
Ты только прищворялась равнодушной!

К а т е р и н а.

Лишь помоги мнѣ вырваться изъ плѣна:
Онъ съ каждымъ днемъ спланивится несноснѣй!

М а к с и м и л и а н ъ.

О Боже! воздухъ мнѣ, иль слезы нужны —
Въ глазахъ темно и сердце вспрепснулось...
Лишь я одинъ съ тобою въ свѣтъ буду —

Храни пелемъ твоимъ, пвоей опорой!..
Теки те, слезы-пльвиники! изъ душевой
Темницы сердца, радостно и живо,
Въ окно очей приобрытайте волю!

КАТЕРИНА.

Я жду тебя въ безмолвный часъ ночной,
Который вѣрно грусть хранишь и радость.
Въ ладони шри удара будушь знакомъ —
Такъ поспыши и приготновъ, что нужно.

МАКСИМИЛАНЪ.

Ты въ полночь жди меня; прости!

КАТЕРИНА *(пересиливая грусть свою)*

О Боже! —

(Блжтитъ въ комнату Принцессы. Максимилианъ удивленный, смотритъ ей вследъ и, опомнившись, постыжно уходитъ въ главныя двери.)

ДѢЙСТВІЕ III. ЯВЛЕНІЕ IV.

Комната Принцессы Елисаветы.

КАТЕРИНА. *(Одна; играетъ на арфѣ и поетъ)*

Прости, о замокъ! близокъ часъ разлуки!
Скажи ему послѣдній мой поклонъ:
Мои снпчалъ ты слезы, знаешь муки —

Но это вѣкъ да не узнаетъ онъ!
 Вокругъ меня развилась жизнь молодая,
 И день лепился на радостныхъ крылахъ!
 Мнѣ грустно — чтобъ не падать, спакъ должна я
 Укрыться заживо въ могильный прахъ!

*(Эрикъ тихо лавляется, въ черной бронь,
 въ звездистомъ шлемѣ; на щитѣ ссеребряный погумьсяцъ.)*

Что будущее? лишь саванъ, сонъ могильный,
 Томительный средь мерпшцевъ почлегъ!
 Моя судьба есть только ангелъ ссыльный,
 Вся жизнь моя изъ рая есть побѣгъ!
 Порывы бурь младую розу смяли —
 Не поднимаю цвѣтку главы своей!
 За гранью міра не живушь печали —
 За облаками рай любви моей!

(Увидѣвъ Эрика, встаетъ въ смятеніи.)

Ахъ, Государь!

Э р и к ъ.

Прекрасно! пой еще!

Сказали мнѣ: больна ты; ты сего дня
 Еще милѣй: за чѣмъ же при турнирѣ
 Ты не была?

КАТЕРИНА.

Я...

ЭРИКЪ.

И праздникъ мой зачѣмъ
Ты лучшаго лишила украшенья?

КАТЕРИНА.

Я...

ЭРИКЪ.

Красота не потеряла права:
Царицей для тебя именovali...
Лишь я одна, твои цвѣты носящій,
Еще награды жду! вѣнецъ побѣдный —
Твое лобзанье!

КАТЕРИНА.

Государь!

ЭРИКЪ.

Ахъ, нѣтъ!

Я не люблю сей хладной, бѣдной рѣчи!
Я Государь! Такъ что жь? моя любовь,
Какъ спасшійся пловецъ, сплоснулъ на брегъ,
Боясь, чтобъ ны, одна его надежда,
Богатая власнительница брѣга,
Всплывъ не велѣла въ глубь ему поплыть!

Любила ль ты? ахъ иль ты, ты не любила —
Но ангель самъ любви просишь въ небѣ!

К А Т Е Р И Н А.

Ты вѣрю мнѣ добра желаешь?

Э Р И КЪ.

Другъ мой!

Какой вопросъ?

К А Т Е Р И Н А.

Разспаться жь намъ на вѣки!

Э Р И КЪ.

Я не любимъ тобой!

К А Т Е Р И Н А.

Когда бь такъ было!

Э Р И КЪ.

Но если ты ко мнѣ не равнодушна,
То для чего скрывала это чувство?

К А Т Е Р И Н А.

Скрываешь бы чувство нынѣ и всегда:
Ты Государь — я подданная! вопль —
Межь насъ судьба лежишь, ужасной бездной. . .
Черезъ нее иль ты моста въ этой жизни! . . .

Э Р И КЪ.

Пересупишь могу я эту бездну :

Коронованъ красу и добродѣтель —
 Не значить ли возвысить блескъ короны?

КАТЕРИНА.

О нѣтъ! на свѣтлой высотѣ престола
 Цвѣсти не можетъ лилія любви!
 Рожденный для Короны, и рождень
 Одну лишь выдашь сильную любовь —
 Великую любовь къ своей опчизнѣ!

ЭРИКЪ.

Я понялъ ли тебя: уже ли дѣва
 Сильна презрѣть величьемъ престола?

КАТЕРИНА.

Презрѣшь? сего любовь не знаетъ слова —
 Она весь міръ съ восторгомъ обнимаетъ!
 Вдали престола, ямъ, въ долипахъ мира,
 Ты могъ бы счастливъ быть моею любовью!
 Тамъ я была бъ пвол *супруга* только —
 Ни чѣмъ инымъ я не копѣла бъ бытъ,
 Вдали отъ всякой зависти! Не Принцевъ —
 Но только вольныхъ сыновей съ шобой
 Я прижила бъ, для украшенья жизни!...
 Но эпокъ сонъ принадлежить не міру:
 Соединенныхъ спраснью рокъ разрознилъ!

Грѣшно мнѣ жить въ пвонхъ палапахъ Царскихъ —
Я ради счастья пвого уйду!...

Э р и к ъ.

Жестока! Ныпъ, ныпъ! одно лишь счастье
Есть для меня: съ побою жизнь длинпъ!
Вопъ. болзливъ, какъ нищій у порога,
Спою, моля лишь взора пвого!
О подыми глаза!... Въ нихъ зрится богъ,
Подъ покрываломъ ждущій приношенья! —

К а т е р и н а.

Когда бъ ты зналъ, какъ я люблю пбя, —
Не сдѣлалъ бы споль пруднымъ разлученья!

Э р и к ъ.

Ныпъ! никогда мы не должны разстаться,
Прелесный другъ! Ни небо, ни земля
Не разлучитъ насъ!...

К а т е р и н а.

Эрикъ! пощади

Младую дѣву: я обвпъ дала,
Бвжашъ пбя — бвжашъ уже пвпъ силы!
Твои слова, какъ пвкое волшебство,
Меня влекутъ насильно въ рай запрешный —
Бвжашъ бы мнѣ!...

Э р и к ъ.

Но если это рай —
То онъ шебѣ принадлежишь!

К а т е р и н а.

О Эрикъ!...

(Припадаетъ къ его груди; послѣ долгаго молчанія.)

Гдѣ я? —

(закрываетъ лице руками)

Увы! я пресупила кляшву!...

Э р и к ъ.

Тебя инак кляшва осчастливила —

Вонъ въ помѣ залогъ!

(Надвѣваетъ свое кольцо на ея палець.)

Ты, въ знакъ любви, свое

Мнѣ подарил!

К а т е р и н а. *(стучитъ.)*

Ахъ, ивѣть! Сіе кольцо,

Я признаюсь, хоть не большой цѣны,

Но никому на свѣтѣ не дарился!

И безъ любви еснѣ узы — не шакіл

Прекрасныя — но спюлько же святыя!

Еснѣ у меня одинъ лишь другъ на свѣтѣ —

Кромѣ шебя — онъ даль его мнѣ въ памянь!

(замыкая удивленіе Эрика.)

Прости: я откровенна! опъ тебѣ
Хоть уголь сердца скрывать бы должно было.

Э р и к ъ. *(съ горячностью)*

Измѣнница!

(ополнившись)

Но кто же это ты другъ?

И между васъ какого рода дружба?

К а т е р и н а.

Максимилянь, оруженосецъ пивой,
Съ которымъ я воспитывалась вмѣстѣ!
Онъ спасъ мнѣ жизнь однажды и еще
Спасши хоньмъ, когда . . .

Э р и к ъ.

Ну, говори!

(Катерина молчитъ.)

Зачѣмъ молчишь?

(послѣ некотораго молчанія)

Не думаю, чпюбъ быть

Соперникъ мнѣ—но если бы шаковой . .

(смотритъ сурово на нее; долгое молчаніе)

Прощай!

(всторону.)

Какая мысль меня тревожитъ.
Могуль ей вѣришь? женщина она!
Узнашь бы все! Какъ шагъ вокругъ могилы,
Такъ я скипашься спану вокругъ цел!
(уходитъ.)

Я В Л Е Н І Е V.

К а т е р и н а. (одна.)

Дѣйствительность ли? сонъ ли? Мнится, я
Въ раю была — теперь я вновь въ ядоли!
Здѣсь ангелъ былъ — не ангелъ важный, сирогій —
Но красоной земною умягченный...
И улетѣлъ — какъ будто ночи духъ,
Когда въ него денницы лучъ ударилъ!
Загадка все — и собственное счастье!
Такъ это счастье было? Призракъ чудный!
Въ непостоянствѣ вѣренъ пы себя!
Я эптошь часъ одинъ жила на свѣгь...
И, мнится мнѣ, что въ жизненномъ зеркалѣ
Исчезнули все образы другіе!..

Я В Л Е Н І Е - X.

Комната между покосьъ Эркова и Елнсавстнна.

Максимилангъ. (окутанный въ ланггю.)

Успалый день сомкнулъ свои глаза;

Не видно звѣздъ на покрываль нощи!
Вопль, часъ насналь условленный! -- все тихо;
Я всей душою радуюсь, чпо пынь
Въ послѣдній разъ брожу по снмъ палатамъ!
(Ударяетъ три раза въ ладони.)
Ея же видно! повноряю знакъ;
(еще три раза ударяетъ въ ладони)

Я В Л Е Н І Е Х І.

МАКСИМИЛІАНЪ. КАТЕРИНА
(идетъ носильшио изъ комнаты Принцессы)

КАТЕРИНА.

Максимильянь! бѣги : все измѣнилось —
Извѣстно все!

(хочетъ воротиться въ комнату Принцессы)

МАКСИМИЛІАНЪ.

Все измѣнилось! Чпо же?

Не здѣсь ли я? да развѣ ны не хочепь
Бѣжать со мной — нль я съ ума сошелъ?

КАТЕРИНА. *(хочетъ итти.)*

Мнѣ пѣкогда; просни! но завтра больше:
Принцесса кличетъ.

МАКСИМИЛІАНЪ. *(удерживая ее.)*

Нѣшь! отъ безпокойства

Ей ей умру, пока наспанешъ завтра —
Сей часъ хочу и долженъ все узнать;

КАТЕРИНА

Несчастный другъ! увы! Вопль этотъ слезы —
Опъ швон! Теперь прости — на вѣкъ!

МАКСИМИЛИАНЪ.

О Боже мой! Уже ль на вѣкъ? на вѣкъ!
Ты сократила смерть — благодарю!
Ты иребусшь разлуки . . . будь счастлива —
Ты это можешь безъ меня . . . прости!

*(Преклоняетъ колѣно и беретъ ея
руку, которую обливаютъ слезами.)*

Я В Л Е Н І Е XII.

Прежше. Эрикъ *(исзальтно входитъ.)*

КАТЕРИНА.

Миѣ жаль тебѣ, опъ сердца жаль, мой другъ!
Обонмъ намъ разлука будетъ счастьемъ —
Вмигъ жизни сонъ промчнися надъ землю —
Мы встрѣнимся въ иномъ и лучшемъ мѣрѣ! . . .

Эрикъ. *(ставъ между ними и отъ-
талившая Максимилиана.)*

Пажы! солдаты! гей!

(Катерина, вскрикнувъ, убѣгаетъ въ комнату Елисаветы; пажы и солдаты съ факелами.)

Э р и к т ь. *(показывая на Максимилиана.)*

Освободите

Меня и цѣлый міръ отъ этой пщарн!

(зводятъ Максимилиана.)

ДѢЙСТВІЕ IV, ЯВЛЕНІЕ III.

ЗАМОКЪ СВАРТШЕ.

Э р и к т ь. К а т е р и н а.

Э р и к т ь.

— — — — —
— — — — —

Ты, Катерина, мнѣ утѣшитель!

Живую боль сама въ душѣ таишь :

Быль у тебя, ты говорила, другъ—

Кромѣ меня, единый только въ жизни! . . .

Ахъ! ни одно изъ грустныхъ воспоминаній,

Съ ужасныхъ дней безумья моего,

Меня не мучитъ столько, сколько мысль :

Что я убилъ вельѣя Максимилиана! . . .

Враговъ своихъ я сльпо испреблялъ,
Чтобъ сохранишь себя — но ахъ! зачѣмъ
Убить невѣщнаго? цѣной короны
Я искупить хотѣлъ бы жизнь его!
Не отвращай лица, мой другъ! прости!
Коль чистая душа твоя проснула —
Тогда я чистъ и правъ предъ небесами!

*(Катерина протягиваетъ руку Эрику, и
другую, въ это время, отвращенная отъ
него,тираетъ слезы.)*

(Изъ Бескова.)

Баронъ Розенъ.

Я занималъ свою молву!
Вы сильны дасть огонь и живопись
Пѣвцу, молящемуся вамъ,
И благородство и снѣдливость
Его уму, его мечтамъ.
Приму съ улыбкой ваши узы,
Не буду пѣть монахъ проказы!
Я, видя васъ — любимецъ Музы!
Я только трубадуръ безъ васъ!

Н. Языковъ.

Г О Р О Д Ъ.

Холодный свистъ, тодоль забонгъ!
Твой блескъ, швой шумъ не для поэма:
Умъ вдохновенный не найдеть
Въ тебѣ опзывнаго привѣна!
Онгъ блеска, чуждаго Харингъ,
Хладвентъ сердца уносеть,
И, скривъ пылающій свой видъ,
Въ пустыни дикія бѣжишь
Испуганное вдохновенье! ..

М. Деларю.

П Ъ С Н Ъ С Л Ъ П Ц А .

Ахъ! опдернуть бы завѣсу ночи . . .

Ангель былъ бы я, прозрѣли бѣ очи!

Гробъ, для зрящихъ спранный немнойпой, —
Святотарный будень шеремъ мой!

Ты счастливъ, женщины жительство помный!
Есть окно — такъ миль и свѣтъ спорѣмый!

Есть спорьма — подумай обо мѣ —
Хоть была бы шрещина въ сплывъ! . . .

Ахъ, тогда бѣ я счастливъ былъ въ надеждѣ —
Видѣнь, все ли такъ, какъ было прежде :

Упромъ развѣвася лъ заря,
Багряница горяго Царя?

Та ли милал весна-дѣвица,
Та ли все, нарлдна Царица?

Дѣвы наши, съ прежней ли красой?
Дѣвы наши, Ангелы собой!

Такъ ли все еще на спнемъ моръ
Эти волны ходяшь на проспектъ?

Если бь Богъ на мигъ мнѣ даль глаза —
Въ ночь взглянулъ бы я на небеса . . .

Какъ люблю васъ, вѣчно-молодыя
Дѣвы неба, звезды золошья! . . .

Баронъ Розенъ.

РАННЯЯ ВЕСНА НА РОДИНѢ.

Прямаясь ольхи на холмахъ,
 И соловьиный журчанье и льютъся пѣсни,
 И скромно прятался, на молодыхъ лугахъ,
 Душистый гость, весны ровесникъ...
 Свѣдѣюль ивынки пушистымъ серебромъ;
 Еще смолисть, и липнеть, липеть березы,
 Круглящая капельки росистыя, какъ слезы,
 И западъ ласково алтень надъ Днѣпромъ...
 Ужь озимь огустяясь, озеленила пашни;
 Касанка вѣетъ подлѣ башни;
 И вопъ, оплешпыл за дальній Океанъ,
 Опянь къ роднымъ гнѣздамъ лепилъ изъ чуж-
 дыхъ спираль!
 Весна!... и кое-гдѣ блестятъ опрыски свѣга...
 Вдали Смоленскъ, съ своей зубчатой стѣной!...
 Откуда въ душу мнѣ бѣжипль накал пѣга?
 Какой-то *новый* мѣръ свѣтлѣенъ надо мной!...
 О, буду ль я всегда пакимъ пипанься чувствомъ?
 Зовепъ, манишь меня пропъ смутный дальній шумъ,

Гдѣ издвигается надъ сердцемъ колкій умъ,
Гдѣ клонится глава подъ лучей скучныхъ думъ,—
Гдѣ все *природное* поглощено *искусствомъ*! . . .

Федоръ Глинка.

Къ Н. П. Д—у.

Еще ты рокомъ не замѣченъ,
Тебѣ прекраснѣ Божій свѣтъ;
Не зналъ мукъ, не зналъ бѣдъ,
Ты всѣмъ доволенъ и безпеченъ!
Твои безоблачныя дни,
Какъ милый сонъ, мелькаютъ живо —
Да не закапленыя они
Съ порою младости счастливой!
Она пройдетъ — но пусть она
Не врачный пунъ тебѣ укажетъ,
Пробудитъ силы опло сна
И умъ для доблести разяжетъ;
Научитъ родину любить,
Добро и честно любить душою,
За нихъ бѣды переноситъ
И не блѣдитъ передъ судьбою!

Н. Языковъ.

Б Е Д У И Н Ъ.

(Изъ А. Ходзьки)

Кто это верхомъ облетѣлъ караванъ,
 Во всю прышь, на лихомъ скакунѣ ворономъ?
 Майданъ за спиною, спрялъ полонъ колчанъ,
 И въ рукѣ потрясаетъ онъ зыбкимъ коньсмъ!

Знакомъ Бедуина майданъ и джеридъ!
 Сей джеридъ, пока онъ на болотѣ распенъ,
 Покорный проспипкъ, и ничтожный на видъ
 Его въперъ и всякая пташка нагнетъ!

Когда жь онъ окованъ спальной головой,
 Вонь и взоромъ сверкаетъ и жаломъ змии;
 Онъ, пинцы быстрѣй, съцепъ воздухъ собой
 И, какъ дѣвы взоръ, топчетъ онъ въ мужа груди!

Майданъ, хопя гнетел верблюжымъ хребтомъ,
 Но спряла изъ него, какъ верблюда нога,

Върна, не блуждаетъ и въ мракъ ночномъ . . .
 Въ шепивѣ его звонкой смертъ спочепъ врага.

В. Романовичъ.

Д В А А Н Г Е Л А .

Я погребальный слушалъ звонъ;
Я видѣлъ пышность похоронъ —
И люди плакали, рыдали. . !
Я къ небу подилъ грустный взоръ:
На изумрудной выси горь
Два свѣтлыхъ ангела стояли !
Съ высоты спорхнувшій, рая сынъ,
Былъ святъ и радостенъ одинъ;
Другой задумчивъ, полнъ печали,
Скопчавъ недавно юный вѣкъ,
Еще былъ чувствомъ человекъ,
Еще земныя впечатлѣнья
Являлъ въ лучахъ преображенья.
Къ плечу собрата склоненъ,
Онъ слушалъ мѣди грустный звонъ,
И поминательно мечпою
Аспаль надъ милою землею. . .
Онъ могъ бы ввѣрнисья крылатъ
И, въ слѣдъ вожакаю святому,

Поднялся къ дальнимъ небесамъ —
 Но къ міру, къ оптическому дому
 Еще паническино его
 Вскло задумчивости бремя!
 Въ ночь мигъ настало для него
 Какъ бы предсвадебное время,
 Когда мечтательный женихъ,
 Воспоянъ помня дней былыхъ,
 Уже роскошесивуетъ гнжно
 Въ нривыхъ счастья мечахъ,
 Въ живомъ познаны сладкихъ благъ
 Того, что врно, неизбжно!
 Къ кладбищу взоромъ обращенъ,
 Гдѣ совершалось погребенье,
 Въ послѣдній разъ заплакалъ онъ
 Въ полу-небесномъ испуленьи...
 Ушихъ послѣдній мѣди спонъ;
 И видѣлъ ангеловъ обьянъ —
 И къ небесамъ, какъ легкой сонъ,
 Неслись сілющіе братья!...

Баронъ Розенъ.

Д О В О Л Ь С Т В О .

Persicos oili, puer, apparatus :

Пусть ищешь хитрых наслаждений
Изобретательный Воспокъ!
Я все въ доводъ : мой вѣнокъ
Не изъ драгихъ камней расшеи!
За то душа моя свѣтла
И юности кинни опивагой :
Какъ чаша яркаго стекла,
Фалерскою блистаетъ влагой !

В. Вердеревскій.

М О Р Е.

(*Подражаніе Байрону.*)

Волнуйся, сній Океанъ!
 Тебѣ удѣль завидный дагъ!
 Напрасно въ пустыни швей
 Блуждаютъ снаи кораблей:
 Ихъ легкій слѣдъ на мигъ одинъ
 Браздитъ чело швоихъ равнинъ!
 Напрасно съ гордою душой
 Адамовъ сынъ—сей бичъ земной —
 Поработилъ пивой мирный брегъ:
 Тебѣ не спрашенъ человекъ!
 Не смѣнъ дерзкой онъ спилой
 Попранъ кристалль пивой голубой!
 Надъ міромъ власннвоашъ любл,
 Овъ не присвоитъ у тебѣ
 Твоихъ млнннннхъ, гордыхъ волнъ —
 Тебѣ корабль какъ легкій чолнъ!
 Неодолимый исполннъ!
 Когда все брнно на земль,
 Съ вѣками сюрншь шь одинъ —

И на сѣдомъ пивоемъ чель
 Сашуритъ не наклеимъ морщинъ!
 Скажи : гдѣ Греція, гдѣ Римъ?
 Не ны ли плескомъ волнъ глухимъ
 Ихъ пошепалъ въ былые дни?
 Все шонъ же ны — но гдѣ жь они?
 Ужь ны давно оплакалъ ихъ
 Надгробнымъ гимномъ волнъ сѣдыхъ!
 Нензмѣняемъ и могучъ,
 Ты отражаешь въ глубинѣ :
 То черный ликъ громовыхъ пучъ,
 То солнце въ свѣтлой вышинѣ!
 Эмблема вѣчной красоны,
 Какъ въ первый день явился ны,
 Въ порфирѣ влажной, голубой —
 Такохъ и нынѣ образъ пивой!
 Онъ пнхъ, онъ свѣпелъ и глубокъ. . .
 Но и псбл поспигнепъ рокъ :
 Схоронишь ны знакомый мѣръ,
 И будешь снова мраченъ, сиръ,
 Какъ былъ въ хаосѣ однокъ . . .
 И опъ святыхъ небесъ далекъ,
 Безбрежный въ безднѣ пуснопы —
 О берегахъ заспоцешъ ны!

Трилуныйй.

КЪ КОРАБЛЮ.

Горизъ: книга 1. Ода 3.

Sic te diva potens Cyprî, etc :

Плыви, корабль, за свѣтлыми звѣздами
Касшора, Подлукса! — Киприда надъ шобой! . . .

И въверхъ, шихими усами,
Игралъ, вѣнеть въ парусъ швой.

Лени, корабль, чрезъ влажную пучину;
Неси Виргилія къ Аонскимъ берегамъ —
Моей души драгую половину!

Кто первый въѣрился волнамъ,
Непроницаемой, тройною,
Изъ мѣди скованной броней, —
Того была одна грудь!
Кто проложилъ невѣрный путь
Въ Адриатическія воды,
На встрѣчу гибельныхъ Гіадъ:
Тотъ смѣло усpreмнитъ свой взглядъ
Въ лице разгнѣванной природы!

Акрохеронскихъ скалъ гряда,
 Морскія бури и пороги,
 Чудовищъ водныхъ спада, —
 Ему ничто!

И напрасно боги
 Морями землю обнесли :
 Коль рвонуть въ морь корабли,
 Лесня къ спирамъ далекимъ свѣща!
 Такъ несчастливый сынъ Аѳена
 Небесный огнь похитилъ; Геркулесь
 Шагнуль чрезъ воды Ахерона;
 И предприимчивый Дедалъ
 На крыльяхъ восковыхъ леталъ.
 Враждуя съ власнѣю Небеснаго закона,
 На брань съ могучею судьбой
 Безслѣпный смертный выступася,
 И надъ его преступной головой
 Зевсса громъ не умолкася!

В. Вердеревскій.

ВОСПОМИНАНІЕ.

Какъ для души помянетъ гимнъ могильный!
 Воспоминаніе, какъ спарець вѣковой ,
 Спрлхнувъ съ рамень забвенья саванъ пыльный,
 Возсѣло съ лирою на камень гробовой —
 И пѣснь звучитъ о дняхъ, давно минувшихъ,
 О правдахъ, давно въ гробахъ уснувшихъ
 Печальной пѣснѣ сей внимаемъ жадно мы :
 Въ груди горитъ къ дѣламъ великимъ ревность;
 Лучами озаренъ предѣлъ могильной тьмы,
 И мѣнитъ насъ, какъ другъ, съдая древность!

Три.лунный.

ДВѢ СЕРТРЫ.

Приняло былое въ память мнѣ,
 Какъ двѣ сестрицы жили;
 Какъ изъ подругъ своихъ онѣ
 Красавицами слыли!
 Вонгъ свахи въ домъ ужъ къ нимъ идуть,
 И ниго рѣчь съ онцемъ ведуть:
 Къ вѣнцу имъ не пора ли?
 Но еси опгвѣпъ у дочерей:
 Намъ жизнь дѣвичья веселѣй —
 Не по — умремъ съ печали!«

Вдоль по селеню, въ день одинъ,
 Лихая тройка мчится;
 И вопль богатый господниъ
 Въ воропа къ нимъ случился;
 Онъ въ домъ взонель, сказать онцу:
 »Меньшая дочь пивоя къ вѣнцу
 Пускай идетъ со мною!«
 Гопово все — и съ женихомъ

Идетъ невѣсна въ Божій домъ —
И пиръ идетъ горою !

Богато спала жинь чета —
А чтожъ съ сеспрою спало ?
Смотря на нихъ, сѣ въ грудь мечпа
Коварная запала !

Добро сеспра — шебъ судьбой
Данъ мужъ богатой, молодой,
Но не на долго это! —
И я клянусь шебъ, сеспра;
Моя рука ловка, хипра —
Тебя сживенъ со сѣвта!

»Дѣвичье время помнишь ты?»
Коварная сказала —
»Какъ я рвала съ шобой цвѣты
И ягоды сбирала !
Смотри — какъ на небъ свѣцло —
И мнѣ на умъ, сеспра, пришло —
Пойдемъ мы въ лѣсъ съ шобюю:
Тамъ много лгодъ и цвѣповъ!«
Послушалась коварныхъ словъ —
Она пошла съ сеспрою !

Вотъ лѣсъ — темно и глухо въ немъ! . . .

Ужъ близко по мгновенью,

Какъ въ лѣсъ дикомъ и глухомъ

Свершился преступленья! —

Вотъ блещетъ пожъ — и кровь струей

Изъ груди хлынула молодой!

Вдругъ раздалось слово:

»За смертный грѣхъ — да спрашивай плоды

Тебѣ на гибель возраженъ —

Къ опавшю будь готова! . . .

Убийца дома! — мужъ спросилъ:

»А что съ женой мостю?»

Мосей сестрѣ ты не былъ милъ —

И ты проспился съ нею!

Знай: невярна твоя жена:

За милымъ въ лѣсъ ушла она —

Забудь ее со мною!

Она хитра . . . они живутъ,

А дни преступницы шекуютъ

Обычной чередою! —

Вонъ передъ ней играетъ сынъ:

»Сего дня воскресенье, —

Я въ лѣсъ гулянь поиду одинъ :
Опъ близко опъ селенья! «
— Диня мое, поидемъ сомной:
Тамъ ходитъ волкъ голодной, злой! —
Идутъ. Вонъ передъ нами
Малшы пышный кусень распенъ;
Диня малшу жадно рвенъ
Руками молодыми.

Ломаетъ вѣтку — вопъ въ рукахъ
Она запрепнала ...
Испуганный, бѣжитъ въ слезахъ —
Вдругъ вѣпка проснонала :
» Диня мое! ты погляди —
Какъ ножъ ссыры дрожитъ въ груди! . . .
И машь, какъ бы спрьмою
Незримою поражена,
Лежитъ, недвижна и блѣдна
Предъ выпкой роковой!

Ромцевъ.

ЧЕРТА СЕЛЬСКОЙ ЖИЗНИ.

Какъ сладокъ вкусъ и запахъ снѣлой дули!
 Какъ миль узорчатый, лилиарный сонгъ!
 Оспавя въ городѣ кипящій рой заботъ,
 И шумъ и скучныя взысканельности модъ,
 И шапкѣя шцеславѣя ходули,
 Сивщю я въ госпи на село
 Въ кудрявый садъ, къ поселанину—
 И сердце, въ проснонгъ, какъ будно разцвѣло!..
 Тунгъ сливки желныя и алую малину,
 Душисный медъ и свѣжій огурецъ
 И яблоковъ мѣгъ подають румяныхъ. . .
 И я, забывъ мечны, и томности и романы,
 Здоровъ и свѣжъ — въ семьѣ просныхъ сердець!

Ө. Глипка.

ЭДЕМСКАЯ НОЧЬ.

ОТРЫВОКЪ.

(*Посв: М. В. и К. Матюшинымъ.*)

I.

Надъ воспокомъ усыпленнымъ
 Ночь роскошная лежитъ.
 Звездный сонъ во мгль блещетъ
 Блескомъ, нѣгой наосненнымъ,
 И, на тверди голубой,
 Въ обаятельномъ сіяньи
 Свѣплый, какъ любви мечтае,
 Тонетъ мѣсяцъ золотой.
 Все поконилъ . . . Природа —
 Какъ чудесный Божій храмъ —
 И неспелъ въ бездну свода
 Отъ растений оніамъ.

II.

Смолокъ Эдемъ. Изъ розъ и лилій
 Развернулася пикань на немъ,
 И надъ свѣжпмъ снмъ ковромъ
 Мирныя дружныя спѣснпн
 Спиройныя свои ряды . . .
 Въ свѣпгъ лунномъ унопал,
 На древахъ цвѣпущихъ рая
 Усмѣхаюпся плоды:
 И пгѣмъ свѣпомъ, какъ улыбкой,
 Озаренный съ высоты,
 Спнпгъ въ свнн древесной зыбкой
 Рай, эмблема красоты.

III.

Такъ младенецъ безмятежный
 Спнптъ на ложѣ изъ цвѣпновъ!
 Въ сонмъ свѣпныхъ облаковъ
 Хоръ бесплопныхъ блоспгѣжный
 Ннзпускается къ нему:
 Сонъ безпечный услаждается,
 И чаруетъ и цѣлуетъ
 Слухъ пнномцу своему . . .
 Чувствомъ радоснн обильный,

Сладко онъ, прекрасный, спитъ —
И, порою, смѣхъ умильный
На лицѣ его горитъ.

Казань.

М. Деларю.

Онъ.

Въ этой рощѣ Италійской,
Въ шумъ пѣсень и похвалъ,
Я паспункой аркадійской
Дѣву красную въичалъ!
Нѣтъ награды, нигожданной
Неизмѣнною душой:
Поцѣлуй обѣтованный
Цѣлый годъ ужъ за тобой!

Она.

Развѣ спроги были взгляды
Аркадянки? что жъ не брашь
Ужъ тогда своей награды,
И чего же было жданы?
Развѣ мнѣ тебѣ лобзанье
Поднесши бы? давній срокъ
Уничтожилъ обѣщанье, —
Ты вини себя и рокъ!

Онъ.

Съ Ангелки поцѣлуя
Дѣвы пребывали мнѣ;
Ты жъ, робѣя и тоскуя,

Вся казалася въ огнь . . .
 Не ушла минута счастья :
 Развилася красота —
 И полнѣе сладострасья
 Пурпуровыя уста !

О п л .

Погоди же, что съ побою ?
 Прежде слово мнѣ скажи :
 Точно ль любишь всей душою ?
 Сердце точно ль безо лжи ? . . .
 Поцѣлуй же, льстивнелъ милый ,
 И сложи меня на грудь !
 Будь моимъ — и до могилы
 Вѣрнымъ мнѣ супругомъ будь !

Баронъ Розенъ.

ЦЕРКОВНЫЙ ЗВОНЪ.

Церковный звонъ! ты въ грудь мою проникъ . . .
 Ты загудѣлъ — окрестность оживилась ;
 Во всѣхъ сердцахъ, въ одинъ и поплъ же мигъ,
 Одна струна о небѣ пробудилась!
 Сей звонъ, зephyрами несомый надъ землей,
 Какъ будпо манишь насъ въ храмъ неба голубой!

Церковный звонъ! какъ часто въ полночь ты —
 Смуцалъ , спрашилъ преступныя мечты ,
 Холодныхъ душъ смягчалъ безчеловѣчность .
 Безбожнику пророчилъ смерть и вѣчность . . .
 Съ разшерзанной душой внимася мрачно онъ ,
 Въ безмолвной полночи , сей говорящій звонъ !

Церковный звонъ! не умолкай ! . . Счастливъ ,
 Кто свято чнилъ небесный твой призывъ

**И, въ храмъ войдя съ душою умиленной !
Поснигь глаголь Спасителя всеяленной !
Счастливы, кто духъ земной оныя всехъ суесть вознесъ
И слышнеть церкви званъ, какъ благовѣстнъ небесъ !**

Тригунный.

ИЗСТУПЛЕНІЕ.

Я дни влачу, въ какомъ-шо забышии ,
 Безъ чувствъ и слезъ, безъ думъ и свидѣній . . .
 Изъ горестной раскатиі стѣни
 На грудь мою, какъ хладная струя,
 Знакомая порой находилъ пѣни —
 Я чувствую, печально пробужденъ,
 Что жизнь веду; но это жизнь упоенныхъ
 Въ своихъ мечтахъ, но это тяжкій сонъ
 Сердечной пены — быть можетъ, жизнь усоншихъ!
 Что сбуденся со мною? вопль! опять
 Блснула мысль: уже ли я не поленъ ,
 Иль быть инымъ, иль не существованъ —
 Что жизнь моя, когда я жизнью боленъ!
 Есть средство — смерть! Ошважный духъ! не
шыли,
 Когда еще съ любовью мы брашки пили,
 Присуществовалъ, на играхъ роковыхъ
 За нашу честь? въ виду друзей младыхъ

Не пыль ли гремятъ орудьемъ огнеспрывальнымъ
 И близъ меня свиснать свинцомъ смернелылымъ?
 Не пыль ли всегда межъ насъ судьей бывалъ,
 При шумъ ссоръ, надъ жизнью и любовью —
 И легкія обиды омывалъ
 Тяжелою лобимыхъ прежде кровью?
 Ты мнѣ знакомъ! я въ шансенныхъ швахъ
 Еще найду поперянную радость:
 Ты оживишь безжизненную младость,
 Ты, роковой кумиръ надеждъ моихъ!
 Я пьюй — но я хую самоубійство!
 Ончалъ предсмертное виційство,
 Мечны полетъ въ полупочной шини,
 Свяшой воспоргъ надъ книгою Платона, —
 Не убядяиъ бунную души
 Въ великости погибели Капона. . .
 Самоубійцъ довольно въ эпоны вѣкъ!
 Сей робкій шагъ, послыдныи сей побѣтъ
 Изъ бынія въ безславную ягилу —
 Прошвенъ мнѣ! . . . Я образомъ шнымъ
 Хочу, о Смернь, содѣлаться швомъ:
 Я, человека испышу силу,
 Съ огнемъ въ очахъ и съ дерзостнымъ челомъ,
 Всегда хочу искашь шебя во всемъ,

Что пламенно и мужественно дико,
 Что для меня прекрасно и велико!
 Ничтожное *земное* разлюбля,
 Изображать хочу одну тебя,
 Подъ звучный шумъ воинскаго пагѣва
 Лепящую во срътеніе мнѣ,
 Какъ милалъ, божественная дѣва,
 Въ шанинственномъ безсмертія огнѣ,
 Въ вѣдѣ изъ звездъ, одѣтая въ порфиру,
 Невѣста-другъ живущему по міру —
 Чтобъ бытія земнаго каждый мигъ
 Былъ для меня торжественно-великъ
 И жизни полнъ, какъ жизни мигъ послѣдній!
 Учися жить, кто живъ — и не живетъ!
 Пусть міръ тебя безумнымъ назоветъ —
 Намъ испишу порой являющъ бредни!...

Баронъ Розенъ.

РАЗЛИВЪ ДНЪИРА.

Блнспанеленъ, роскошенъ и могучь
 Весною Днѣпръ! съ несчастнаго ложа
 Всплеленъ, и волнѣ обиліе умножа
 Попоками, падающими изъ пучь,
 Онъ пвнпнлъ грудь, бѣжитъ, какъ пзспупленный,
 И на лугахъ ложится, упомлеленный...

Былъ древле вождь, достойный слезъ и струпъ,
 Нашъ Свянославъ, нашъ богъ на полѣ бранн!
 Сосѣда бичъ, несодоломъ и юнъ,
 Съ него онъ бралъ насильспвенныя данн —
 Таковъ и Днѣпръ: онъ селы, роцн рвспъ
 И на хребтѣ поржеспвенно несепъ!

Когда жь въ поляхъ дохнутъ шепло и мѣга,
 Какъ небосклонъ безоблаченъ и живъ,
 Тогда Днѣпра блнспанелельный разливъ
 Дрожинъ, какъ грудь успалаго онъ бѣга —
 И, въ небеса лазурныя влобленъ,
 Онъ сплнпнся обилннъ весь небосклонъ.

А. Подолнскій.

КУПАЛЬНЯ.

Плыи, о влага голубая ,
 Съ своимъ кипучимъ жемчу омъ,
 И обпекай меня кругомъ ,
 Спруей узорчатой играя ...
 Въ твоей живительной волнѣ
 Переродилось все во мнѣ:
 Увы! на долго ль? море зноя
 Въ Юльскомъ воздухѣ кипитъ:
 Душа боится и боится,
 Заранѣ шомленьемъ ноя ...
 Такъ *едь-то*, въ царствѣ не земномъ,
 Поэигъ пьснь жизнь и запахъ розы;
 И, вдругъ оилтъ—въ бышу родномъ —
 Въ пустыняхъ душныхъ, жалкой прозы! .. .

Федоръ Глинка.

СТАНСЫ ЮНОЙ ДѢВѢ.

Яль, мрачный духъ, зловѣщимъ словомъ
Разочарую жизнь пивою
И въ сердце, въровавъ гошвомъ,
Тоску сомнѣнья поселю?

Зачѣмъ ничтожить упованья
Прекрасной младости пивою;
Зачѣмъ снимать съ пвопхъ очей
Повязку милаго познанья?

На свѣпломъ лонѣ простопны
Такъ добродушно ты смѣшешься;
Съ такою доврчивостью ты
Отрадамъ свѣта предаешься!

Все такъ прельстительно манишь
Твое невинное участье :
Такъ весель миръ, такъ вѣрно счастье,
Любовь такъ сладко говоришь!

Но, милый ангель! съ сожалѣньемъ
Гляжу на твой прелестный сонъ,
И мысляю : страшнымъ пробужденъемъ
Какъ быстро будетъ прерванъ онъ!

Равно, какъ мы, страстей, желаній
Ты лдъ мучительный вкусишь,
Въ замѣну радужныхъ мечтаній,
Нагую истину узришь!

Познаешь хладъ и злобу свѣта,
Земнаго счастья суешу ...
Но иль! не вѣрь устамъ поэта:
Пугать онъ любитъ красону!

Быть можетъ, кропкою душою,
Небесной силой красоты,
Надеждъ и мыслей чистотою
Судьбу обезоружншь пы.

Быть можетъ, съ вѣрой въ провидѣнье,
Изъ врачной урны бышл,

Одно веселье, наслажденье
Возмстѣ на долю жизнь швол,

И безъ понятія о мукахъ,
Какъ рая дивная весна,
Въ цвѣтахъ, въ сіяньѣ, въ стройныхъ звукахъ
Надъ міромъ пролетитъ она! . . .

О пусть любовь, пусть радость вѣчно
Съ дарами выются надъ тобой;
Пускай твой вѣкъ, живой, безпечный
Изобразитъ намъ вѣкъ злагой;

И пусть прекрасно угасая,
Съ выкомъ на старческомъ челѣ,
Ты скажешь у порога рая
Одно: «благодарю!» — земля!

В Туланскій.

С О Н Ъ.

К Ъ Л А У Р Ъ.

(Съ Шведскаго)

Мнѣ снилось: ты была цвѣноктъ,
 И я былъ рѣзвый мотылекъ . . .
 На сладкомъ лонѣ розы милой
 Качался другъ золотокрылой —
 И, при лунѣ, съ ланниъ нивонхъ
 Слезу любви я снялъ лобзаньемъ . . .
 Блаженный часъ! . . . но сонъ былъ вмгъ
 Онвлялъ упреннимъ дыханьемъ!

Мнѣ снилось: чудной ты звездой
 На шверди зрѣлась голубой,
 И пушикъ, въ шайный часъ полночи,
 Къ тебѣ возвелъ съ любовью очи —
 Но я, какъ облако, всходилъ
 Къ тебѣ, зюра украшенья!
 И вмгъ звезду мою покрывъ —
 Разсвѣтъ онвлялъ сповиданье!

Мнѣ снилось: эхо ты была ;
Я — гдѣсь любви , звучна , свѣпла:
И всякій звукъ , посямый мною ,
Быль повноренъ сей часъ побояю!
Въ швомъ усна вложилъ я шопъ —
Его ты также повторила :
»Люблю!» мой другъ! шо не быль сонъ:
Ты въ явь по же говорила!

(Изъ Бескова.)

Баронъ Розенъ.

С Е Р Д Ц Е .

М Е Л О Д І Я .

Есть чудная арфа : съ колыбели она
До самой могилы играетъ ;
Сокрыта глубоко . . . не видна , но слышна ,
Нигдѣ , никогда не смолкаетъ .

Покорствуютъ струны волшебнымъ перстамъ :
На пѣсню пѣснь рядко походитъ :
Споетъ лишь про явьгу и радость — а намъ
Печальную пѣсню заводитъ ! . . .

И часто печаленъ таинственный звонъ ,
И струны слабѣютъ день со дня :
Заушра не будетъ такъ сладоспѣнь онъ ,
Такъ пологъ и чистъ , какъ сего дня !

Но горе тому, кто со страхомъ внималъ
Укоромъ звенящія струны:
Язвянть онъ душу, какъ тѣло кнѣжалъ
И — слабы — гремятъ, какъ перуны! . . .

И вѣчное горе тому, кто, среди мукъ
Смежая на вѣкъ свои вѣжды,
Услышитъ зловѣщій, мучительный звукъ —
Не сладкую пѣсню надежды! . . .

Сей арфа естъ нмя! О дѣва, придн
Къ любимцу, по долгой разлукѣ—
Взыграетъ на арфа въ дрожащей груди:
Узнаешь *сердечные* звуки!

И ты звукамъ сердца внимли, о пѣвецъ!
Проникни ихъ тайну свящую —
Тогда лишь бессмертье накинени въщещъ
На лиру твою вѣковую!

А. Подолнскій.

ЧЕНЕРЕНТОЛА. (*)

Какъ Ченерентола мила,
 Какъ Ченерентола гошма,
 Ты добрымъ колдуномъ хранима
 Въ опцовскомъ замкѣ не была,
 И Припцомъ не была любима.
 Заснувъ въ домашнемъ уголкѣ,
 Не просыпалась ты на балъ,
 И не печатали въ журналъ
 О изумрудномъ башмачкѣ,
 Тобой поперышомъ на балъ. —
 Въ нашъ вѣкъ холодный нѣтъ чудесъ!
 Межъ современниковъ поспылыхъ
 Нѣтъ колдуновъ, нѣтъ принцевъ милыхъ —
 Земля чуждается небесъ!
 Жила ты просто, въ скукѣ, въ горь;
 Сиротка сердцемъ и судьбой,

(*) Сія пьеса была помѣщена въ Галашеъ, но съ ошибками; она выправлена самимъ Авпюромъ и доставлена Издашело.

Съ завѣтной думою во взоръ,
 Въ душѣ съ привычною мольбой.
 Ты кромѣ вѣры да печали
 Не знала въ жизни ничего;
 Надежды рѣзво не играли
 Вкругъ изголовья швого!
 Лишь иногда гласъ дружбы тайной —
 Привѣтъ сердечной полноты, —
 Смуцалъ опрадою случайной
 Твои улылы мечты! . . .

Я говорилъ судьбѣ жестокой:
 »Зачѣмъ ты губишь милый цвѣтъ?
 Зачѣмъ лилея одинокой
 Опоры, пѣни въ мѣрѣ пѣтъ? «
 Судьба молчитъ, вѣщати не смѣя,
 Судьба отвѣта не дастъ —
 А цвѣтъ прекрасный, а лилея
 Блѣднѣетъ, вянетъ и падетъ!

В. Туланскій.

ИЗЪ А. ШЕНЬЕ.

Л О Н Д О Н Ъ 1782.

Одинъ, безъ земляковъ, безъ друга, безъ родныхъ,
 Забытый на землѣ, далеко отъ своихъ,
 Волнами брошенный на островъ сей угрюмой,
 Я къ милой родинѣ леплю частой думой...
 Здѣсь, въ пасмурной спирани, судьбу мою вина,
 Миѣ долготъ каждый часъ, желаю смерти я —
 И ни единый другъ меня не ободритъ,
 Не сядетъ близъ меня; и, видя что ныласть
 Лице мое въ слезахъ, испорженныхъ поскою,
 Миѣ руку не пожметъ, не спроситъ: что съ тобою?

III — б — в.

В О С П О М И Н А Н И Е.

(Изъ Мицкевича.)

Тѣ радостные дни протедшихъ, юныхъ лѣтъ
 Рисуется ль еще въ моемъ воспоминаньи,
 Когда на сднѣ мы забывали свѣтъ,
 Лишь заняты собой, въ бесѣдахъ и мечтаньи?

Прохлада подъ густымъ лсминовымъ шапиромъ,
 Въ долинь ручеекъ, журчащій среброзвучно...
 Тамъ часто дружески ночь поздняя крыломъ
 Пріосвѣтляла насъ въ бесѣдѣ неразлучной...

А мѣсяць, выглянувъ изъ-за жемчужныхъ тучъ,
 На перси бѣмыл и кольца золотыл
 Бросалъ украдкою серебряный свой лучъ,
 Обожевняла имъ швыи красы младыл.

Тогда паниственный вдругъ пламень пробѣжиптъ..
 Сердца погружены въ небесномъ уносень,
 Встрѣчаются усна, во взорѣ взоръ гориптъ,
 Слеза съ слезой и вздохъ со вздохомъ слитъ въ
 мгновенье!

В. Романовичъ.

К Р А С О Т А.

Роза пышная алая
На крупномъ берегу рѣки ;
Дунулъ вѣтръ — и облегла,
И умчала потокомъ лилики.
Точно такъ и съ красною:
Годы цвѣтъ ея сорвунъ
И летучею струею
Въ море жизни унесунъ!

Сіяновъ.

И А М Е К Ъ.

Прощу того , кню вслухъ меня
 Враждой , какъ сажей , очерпя ,
 Не носить дружеской личины !
 Но ненавижу ихъ людей ,
 Кошорыхъ образъ голубиный
 Скрывашитъ душу адскихъ змѣй !
 Тѣмъ людямъ чуждо состраданье !
 Они чернятъ — пожаньемъ плечь !
 Скромна , привѣтлива ихъ рѣчь ,
 Но лживо ихъ молчанье !
 Намекъ шансишвенно скользя ,
 На сердце ляжетъ , словно гряда !
 Друзья цѣлуютъ , какъ Иуда ,
 Но обличить друзей нельзя !

Трилуныйй.

СУЩЕСТВОВАНИЕ И ЖИЗНЬ.

Я много льпъ безъ сердца прожилъ:
 То ондыхъ былъ въ святой пиши —
 И голосъ свѣпа не тревожилъ
 Моей опшельницы - души!

Я видѣлъ: честполюбецъ гибкой
 Жславной цѣли досягалъ —
 Съ доброжелательной улыбкой
 Его я молча презиралъ.

Я равнодушіемъ певнинымъ
 Опъ горькихъ пиратъ спасалъ свой вѣкъ —
 Но смѣхъ спокойствіемъ безчинымъ
 Былъ въ міръ лишній человекъ!

Я видѣлъ чудное пворенье
 Со мною жизнь, огонь и честь —
 И сердца шумное бѣенье
 О *сердцѣ* радостная вѣсть!

Баронъ Розетъ.

К Т О П Р А В Ъ ?

» Старый воинъ , добрый воинъ !
 Посмотри , какъ счастливы я ;
 Какъ я веселъ , какъ покоенъ ,
 Какъ все любящъ здѣсь меня !

Не ужели , служба , снова —
 Знашь по горькой шо судьба —
 Опнъ приволя , изъ - подъ крова
 Любо въ даль идни псбъ ?

И тебъ , лихая служба ,
 Какъ и мнѣ , здѣсь шаже честь ;
 Въ эти годы что за нужда
 На пруды солдатски лъзнь ? «

— Нынѣ , не правъ ты , кумъ любимый ,
 Нынѣ , проснал старина !
 Хотя мнѣ дорогъ край родимый —
 Но милѣе мнѣ война !

Тамъ взмужалъ я , память съ друзьями
 Любо жизнь плыла мол ;
 Тамъ . подъ вражьими огнями ,
 Окрещенъ въ солдаты я !

Тамъ приволье на походахъ ,
 Все , что хочешь , предъ нубой :
 Тамъ гулянье въ хороводахъ —
 Словно праздникъ — шумный бой !

Кумъ любезный ! старый воинъ ,
 Какъ тамъ много счастливъ я ;
 Какъ тамъ волею , какъ покоенъ —
 Какъ все любить тамъ меня !

Карлгофъ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОЭМЫ:

НАЛОЖНИЦА.

Открывъ разсѣянной рукою
Окно, межъ тѣмъ успавилъ взоръ
Елецкій прямо предъ собою.
Предъ нимъ свѣпло озарена
Наспавшимъ упромъ, ото сна
Москва торжественно вставала.
Подъ раннею лазурной мглой,
Блестящей влагой блескъ дневной
Рѣка мѣстами отражала.
Аркада длиннаго моста
Былъла ярко. Чуденъ, пышенъ,
Московскихъ зданій красота,
Надъ всеми зданьями возвышенъ,
Огнемъ восшока Кремль алыъ;
Зажгли лучи его живые
Соборовъ главы золотыя;
Межъ ними царс пвенно горѣлъ
Иванъ Великій. Садъ красивый,

Кругомъ твердыни горделивой
 Віяся, живо зеленѣль.
 Но онъ на пышную сполницу
 Глядѣль съ душевною враждой.
 За что? о томъ въ главѣ другой
 Найдутъ особую спраицу.
 Онъ былъ воскормленъ сей Москвой;
 Минувшихъ дней воспоминанья
 И дней грядущихъ упованья —
 Все заключалъ онъ въ ней одной!
 Но спрашной доли несъ онъ бремя,
 И былъ ей чуждымъ въ то же время —
 И чуждымъ больше, чѣмъ другой.

Е. Баратынскій.

ЭПИГРАММЫ.

I.

Женскихъ полная суенъ,
Въ дни двическихъ побѣдъ,
Съ горделивостью похвальной
Ты, въ жемчугахъ и цвѣнахъ,
Въ колесницѣ триумфальной
Разъѣзжала на ослухъ!
А теперь ты — и не диво —
Своеправно и спесиво
Ѣдишь на ослѣ одномъ —
На сожженелъ пивоемъ!

II.

Когда бъ ты зналъ, какъ пѣвннть насъ
 Твой гнѣвный, хриплый, жалкій гласъ!
 Ты крипникъ безполковый, вздорный,
 Но все же милый человекъ —
 Такъ Анолюшъ тебя нарекъ
 Своєю моською придворной
 И повелѣлъ: »Когда войдешь
 Ко мнѣ незванный рифмоплетъ —
 Молчи! не буду знать: уйдешь!
 Однихъ поэтовъ лишь приходи
 Мнѣ означай великимъ дасемъ!
 Смори: какъ можно громче лай!»
 Ага, дружокъ! теперь мы знаемъ,
 Какая честь намъ моськи лай!

Баронъ Розскъ.

С О Н Ъ.

(Александръ Петровичъ Поповой).

Я видѣлъ сонъ;
И въ часъ досуга
Былъ възрѣтъ онъ
Учасныо друга.
Тѣмъ дивнымъ сномъ
Теперь я болѣю;
Твержу о немъ,
И недоволенъ,
Коль кто-нибудь,
Хотя случайно,
Могъ достигнуть
До мысли тайной!

Я на земли
Былъ гость безпечный!
Въ названн
Тотъ сонъ сердечный

И ту любовь!
Пылаешь кровь
Въ груди поспылой!
Чей образъ милой
Показанъ мнѣ,
Въ волшебномъ снѣ,
Волшебной сной!
Такъ! видѣль я,
Что къ изголовью
Обвинилъ меня
Она любовью,
Какъ духъ, пришла —
И блескъ чела.
Прекрасной жрицы
Быль въ пѣмъ ночной,
Какъ блескъ зарницы;
И надо мной,
Безъ покрывала
Она сполла,
Любви звѣздой.
Распущенъ волосъ,
И сладокъ голосъ,
Какъ шопонъ спруй,
И поцѣлуй
Цвѣшокъ душистый

И пламень чистый
Ея уста!
Такая сладость,
Такая радость
Ужель мечта?

Съ мной видѣсьемъ
И наслажденьемъ
Исчезнулъ сонъ;
Но ужь люблю я,
И говорю я:
Къ добру ли онъ?

1830.

Карлофъ.

